

ШАНТЕЛЬ СЕДЖВИК

[VK.COM/E_BOOKS_VK](https://vk.com/e_books_vk)

С любовью,
Лукьяна

Когда Окли Нельсон теряет из-за рака своего брата, Лукаса, то думает, что никогда не восстановится. Находясь в эпицентре ссор родителей и битвы с депрессией, она не чувствует внутри ничего, кроме пустоты. Когда мама предлагает ей провести лето в Калифорнии у тети Джо, Окли не уверена, что смена обстановки изменит все, но хочет попытаться. В Калифорнии, в доме тети Джо, Окли находит своего рода безопасность и свободу. После переезда мама дает ей тетрадь с письмами, адресованными ей — от Лукаса. Читая по одному письму в день, она понимает, насколько сильно он ее любил, и каждое письмо бросает ей вызов быть лучше и продолжать наслаждаться жизнью. Он хочет, чтобы она двигалась дальше. Если бы только это было так легко. Но затем в ее жизни появляется серфер Карсон, и Окли ошеломлена. Он заставляет ее снова чувствовать. Как только она пускает его в свою жизнь, то удивляется интересу, который питает к нему. Все становится труднее. Как она может влюбиться и быть счастливой, когда у Лукаса никогда не появится шанс испытать то же самое? Руководствуясь посмертными словами брата, Окли должна научиться слушать и снова доверять себе. Вскоре она осознает, что второй шанс — способ познать ошибки прошлого, и не стоит всегда оставлять прошлое позади, чтобы обрести счастье в будущем.

Шантель Седжвик
С любовью, Лукас

Глава 1

Говорят, что похороны помогают с процессом скорби, но, думаю, что те, кто так говорит, — лжецы. Если уж на то пошло, они погружают тебя еще в более глубокую депрессию, чем та, в которой ты уже находишься.

Я пристально смотрю на гроб моего брата, пока мы собираемся у могилы. Землю вокруг нас покрывает несколько дюймов снега, и я дрожу от холодного ветра, покусывающего меня за кожу. Папа сморкается, и я поднимаю голову и вижу, как мама плачет на его плече, облаченном в пальто. Не знаю, откуда у нее еще берутся слезы.

Я знаю, что должна что-то чувствовать. Что угодно. Облегчение оттого, что Лукас больше не испытывает боли. Злость оттого, что он так рано покинул нас. Грусть оттого, что больше не услышу его смех и не увижу улыбку на его лице.

Вместо этого я чувствую только пустоту в груди. Он забрал с собой часть меня. Я уже могу ощущать ту дыру, которую он оставил после себя, которая ждет, чтобы ее чем-то наполнили. Но я знаю, что никто никогда не сможет занять место моего лучшего друга.

Мама хватается меня за руку и сжимает ее. Достает платочек, который я не беру. Я не плакала с той ночи в больнице. Той ночи, когда он нас покинул. Я знаю, что во мне накопилось огромное количество эмоций, которые ждут шанса вырваться наружу, но, по какой-то причине, не могу, нет, не позволю им это сделать. Что-то со мной не так.

Папа приобнимает меня за талию, но я не двигаюсь. Мои руки болтаются по бокам как гири. Безжизненные. Как Лукас.

Мама что-то говорит мне и вкладывает в мою руку розу с длинным стеблем, на которую я смотрю и ничего не говорю. Всегда ненавидела цветы на похоронах. Полагается, что благодаря им чувствуешь себя счастливым. Но никак не в депрессии.

Люди вокруг меня по очереди подходят к гробу и кладут сверху розы. Пока наблюдаю за ними, мои кулаки сжимаются, и я сминаю хрупкие лепестки своего цветка в ладони. Изувеченная роза выскальзывает из моих пальцев и падает на землю.

Не могу с этим справиться. Все такие грустные. Красные лица, опухшие глаза. Кажется, что мир замедлился, когда папа кладет свою розу на гроб. Мама делает то же самое. У меня перехватывает дыхание, когда замечаю, что все пристально смотрят на меня, ждут, что я что-нибудь сделаю. Что угодно.

Папа подталкивает меня вперед, но мои ноги отказываются двигаться. Он держит руку на моей спине, и я делаю глубокий вдох, прежде чем смотрю на него. В его глазах появляется грусть, когда он замечает обломки розы у моих ног. Он ничего об этом не говорит, просто хватается меня за руку и встречается со мной взглядом. Но его глаза, заполненные слезами, — большее, чем я могу перенести. Я должна выбраться отсюда. Отступаю от него, смотрю в последний раз на гроб и поворачиваюсь.

— Окли? Куда ты? — спрашивает папа.

Я не отвечаю, просто прохожу мимо него и двигаюсь сквозь толпу, в то время как мое сердце колотится в груди.

Мама зовет меня по имени. Папа тоже. Но я продолжаю идти и не оглядываюсь.

Родители снова ссорятся. Мама ушла с работы в банке. Это не пришлось по вкусу папе, который с головой погрузился в свою работу. Я знаю, что они оба по-своему скорбят, но им стоит поговорить друг с другом, а не спорить. Спор никуда не приведет.

Какое-то мгновение слушаю их повышенные голоса и одеваю наушники, когда мама начинает плакать. Не могу снова всю ночь слушать ее рыдания, поэтому включаю iPod, и музыка взрывается в моих ушах. Что может быть лучше большого количества гитар и криков, чтобы заглушить моих родителей и мои собственные мысли? Если я не могу их слышать, значит, их нет.

Лежу на кровати и смотрю на сверкающие в темноте звезды, которые освещают потолок. Лукас купил их мне в прошлом году на мой шестнадцатый день рождения. Он даже создал из них свое собственное созвездие и назвал его Великий Лука. Глупо, но смешно. Из-за этого я скучаю по нему еще больше.

Включается свет, и я поворачиваю голову и вижу маму, которая стоит в дверном проеме. Ставлю музыку на паузу и присаживаюсь.

— Извини, — говорит она. — Я стучала, но ты не ответила.

Я пожимаю плечами.

— Все в порядке. — Мой голос сиплый. Сложно было произнести эти три слова. Я не разговаривала целых три дня после похорон, и никто, в действительности, не разговаривал со мной.

Она мнетя в дверном проеме, но наконец подходит и садится на край моей кровати.

— Окли, — начинает она. Глубоко вдыхает и протягивает руку, чтобы убрать за ухо прядь моих темных волос. Я отодвигаюсь от ее прикосновения. После всего времени и энергии, которые она тратила на моего брата последние несколько лет, для меня эти эмоции чужды. — Мы с папой поговорили. Я решила немного пожить у тети Джо. Мне нужно время... — Она сглатывает и моргает, чтобы сдержать влагу в глазах. — Мне нужно провести какое-то время не здесь.

— Хорошо... — говорю я. Великолепно. Она меня бросает. Сначала Лукас, теперь она. Я вдыхаю и выдыхаю. До сих пор ничего не чувствую. Только пустоту.

— Я хотела узнать...ну... — она приглаживает мои волосы, и я, хоть и решила противиться, позволяю ей. — Милая, я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Мое сердцебиение ускоряется.

— Вы же не разводитесь, да? — Я молю, чтобы она сказала «нет». Не смогу справиться, если что-то еще пойдет не так. Не сейчас. Не тогда, когда мне нужна, по крайней мере, какая-то стабильность в моей жизни.

Она качает головой.

— Нет, у нас с твоим папой все в порядке. Мы просто...скорбим по-разному. — То, как она это произносит, подтверждает, что они не в порядке. Она неуверенно вдыхает. — В любом случае, просто подумай насчет того, чтобы поехать со мной, хорошо? Тебе не надо ходить в школу, так как ты окончила ее заблаговременно, и у тебя нет работы или чего-то еще. Думаю, тебе же будет лучше сбежать от всего.

Раздумываю над ее предложением. Даже несмотря на то, что буду скучать по папе, мне хотелось бы сбежать. Я могла бы оставить позади свою унылую жизнь и, возможно, немного

излечиться, прежде чем решу, что делать дальше. Имею в виду колледж и все такое. Я уеду из дома и оставлю позади все воспоминания о Лукасе, своих прежних друзей и их шепотки. Будет хорошо сбежать от всего этого. От неловкой тишины, которая наступает, когда встречаешь знакомого. Знаю, что они сомневаются, что сказать; я имею в виду, что говорят тому, кто только что потерял своего брата? Даже если они и должны что-то говорить, то я не уверена, что хочу это слышать.

— Помни, что Джо сейчас живет в Калифорнии. Может, это даст положительный результат. ВХантингтон Бич у нее есть очень милый домик со свободными комнатами.

Я улыбаюсь через силу. Эта улыбка ощущается странно на моих губах, но это только начало. Если поеду с мамой, то снова смогу пользоваться фотоаппаратом. Мысль о фотографировании меня успокаивает. Немного. Я поворачиваюсь к ней и встречаюсь с ее взглядом.

— Хорошо, — шепчу я.

Она неловко обнимает меня. Я не уверена, что делать со своими собственными руками, поэтому поднимаю одну и нежно похлопываю маму по спине. Некоторое время между нами не существовало никакого физического контакта. Она не любит сюси-пуси. Мы достаточно хорошо ладим, но для нее обнять меня... уверена, что не так-то просто.

— У нас все будет хорошо, — произносит она. Звучит так, будто она пытается убедить больше себя, чем меня. Она отодвигается, похлопывает меня по ноге и встает. — Мы уезжаем завтра утром, поэтому тебе лучше начать собирать вещи. Я уже забронировала перелет.

Я хмурюсь. Это меня совсем не удивляет.

— Так... ты собиралась потащить меня туда, несмотря на то, хотела я ехать или нет?

Она пожимает плечами.

— Думаю, для тебя же будет лучше. Для нас.

Мне хочется сказать что-то еще, но не хватает сил, когда мысли о Лукасе вновь всплывают в моей голове. Вместо этого я сплываю ком в горле, быстро киваю ей, и она уходит.

Возможно, провести следующие несколько месяцев с тетей Джо будет хорошо. Она морской биолог или ветеринар, поэтому, может быть, она отвлечет меня своей работой. И я никогда прежде не была на настоящем пляже, так как наша семья не покидала штат Юта. Я была на единственном пляже — на острове Антилоп. Это крохотный остров, расположенный посреди Великого Соленого озера, и на котором много комаров, мух и солоноводных креветок. Что касается животных, то уверена, что где-то есть антилопы, но я не видела ни одной. Только уйму буйволов. Остров Антилоп... заселенный буйволами. Поди разбери.

Настоящий пляж. Эта мысль звучит потрясающе. Я видела фотографии тети Джо в океане, и мне хотелось бы сделать свои собственные, чтобы повесить на стену. Слезая с кровати и ищу чемодан. Жду не дождусь завтрашнего дня.

У меня закладывает уши, когда мы приземляемся в Калифорнии. Мама хватается за свою ручную кладь с полки и передает мне мою гитару. У меня на коленях уже лежит рюкзак. Мы обе держим свои спутанные мысли при себе. Когда очередь начинает двигаться, я встаю, и

мы следуем за толпой и выходим из душного самолета.

Тетя Джо ждет нас у выдачи багажа. Она бежит к маме, и они обнимаются вечно, даже несмотря на то, что виделись на похоронах несколько дней назад. Все вокруг нас пристально смотрят, поэтому я отодвигаюсь от них и жду, когда наши чемоданы появятся на ленте. Не хочу говорить о Лукасе, поэтому позволяю им пообщаться наедине.

— Как у тебя дела, Окли? Держишься?

Я вздрагиваю, когда Джо дотрагивается до моего плеча.

— Я в порядке. — Хватаю свой чемодан, и она убирает руку. Не упускаю того взгляда, которым она смотрит на маму.

Они беспокоятся обо мне, раскусили мою фальшивую улыбку, которой я одариваю всех, кто спрашивает, как у меня дела. Не знаю, почему притворяюсь, что все хорошо, когда очевидно, что все не так. Лукаса нет. Как все может быть хорошо, когда он не здесь? Он был единственным, на кого я могла положиться.

— Окли, милая, ты готова? — Мама смотрит на меня с грустной, но полной надежды улыбкой.

— Да. — Закидываю рюкзак на одно плечо, гитару на другое, и следую за ними к машине, таща за собой чемодан.

Поездка до дома Джо проходит в тишине. Я какое-то время изучаю ее и маму. Странно, что они сестры. Они совсем не похожи. Мамины короткие темные волосы прямые и аккуратно убраны, в то время как волосы Джо длинные, со слегка необузданными локонами. Мамина кожа бледная и мягкая, а у Джо — загорелая и выглядит шероховатой из-за постоянного времяпрепровождения вне дома. Я выгляжу как мама — темные волосы и бледная кожа. Своего рода смерть.

Они такие разные. Особенно их жизни. Мама вышла замуж за папу, когда ей было всего восемнадцать лет. Они были вместе со времен старшей школы. Очевидно, это не очень хорошо работает. Мне интересно, почему Джо никогда не выходила замуж, но не задаю этот вопрос. Нет настроения для разговоров.

Дом у Джо красивый. Расположен напротив пляжа. Везде окна — огромные прямоугольные окна, которые смотрят на пляж. Я всегда мечтала жить в таком доме. Он кажется таким безмятежным, свободным от шепотков и сплетен. Как раз то, что мне нужно.

— Нравится? — спрашивает Джо.

Я встречаюсь с ее взглядом в зеркале заднего вида и улыбаюсь.

— Он идеален.

Она ставит машину на паркинг и внимательно смотрит на маму, а затем снова на меня.

— Я отремонтировала для тебя одну из гостевых комнат, поэтому, пока ты здесь, у тебя будет своего рода уединение. Помню, что значит быть подростком. И твоя мама сказала мне, что ты любишь свое собственное пространство. Надеюсь, какое-то время ты сможешь называть это место своим домом.

Она подмигивает мне, а затем выходит из машины.

Я открываю дверь и выхожу, вдыхая соленый воздух. Он странный и отличается от того, к которому я привыкла дома, но в то же время правильный и изумительный. Именно здесь я должна быть прямо сейчас, и я так рада, что приехала сюда.

Вокруг дома растут пальмы, и у меня появляется внезапное желание забраться на одну из них. Я снова вдыхаю воздух с океана и улыбаюсь. По какой-то причине чувствую себя легче, чем прежде. Будто все мои тревоги магическим образом растают в тот момент, как

только я войду в этот красивый дом. Когда меня снова окутывают воспоминания последних нескольких недель, я осознаю этот неутешительный факт, что фантазия никогда не преодолест реальность. Даже когда должна.

Мы разгружаем наши вещи, и я следую за Джо и мамой по парадному крыльцу. Джо открывает дверь, и мама отступает назад, чтобы я могла войти первой. У меня отвисает челюсть, когда я оглядываюсь.

Внутри просто потрясающе. Через окна проходит солнечный свет, из-за чего в доме так же светло, как и снаружи. Комнаты открыты. Здесь не душно и не заставлено мебелью, а просторно. Я удивлена тем, какой цвет выбрала Джо. Мебель белая, а акценты создают желтые цветы и декоративные подушки. Идеальный выбор для такого дома.

Я на какое-то время бросаю свои сумки у двери и прогуливаюсь по гостиной, наслаждаясь маленькими ракушками, которые украшают столы. Конечно, они не пластмассовые, а очень даже настоящие, и я радуюсь этому.

Мамины каблуки цокают по белой плитке пола, этот звук эхом раздается по дому. Она поворачивается и улыбается.

— Джо, мне нравится, — произносит она. — Здесь потрясающе.

— Спасибо. Понадобилось достаточно усилий, чтобы сделать ремонт, но, думаю, вышло мило. — Джо улыбается и поворачивается ко мне. — Твоя комната последняя слева, если хочешь посмотреть ее.

Я хватаю сумки, затем иду по коридору и открываю дверь в свою спальню. Мои глаза расширяются, когда вижу, насколько она большая. Кровать занимает большую часть комнаты, напротив — шкаф и зеркало. Здесь те же украшения — ракушки на стеклянном столике, который стоит возле кровати, и несколько фотографий океана на стенах. Я бросаю рюкзак на пол и кладу гитару на кровать. Мои пальцы скользят по красивому белому покрывалу. Немного не мой стиль, так как моя комната дома отделана в оранжевых, розовых и лимонно-зеленых тонах, но и так сойдет.

Я осматриваюсь и замечаю большой стенной шкаф. Мило. Не то чтобы у меня тонна одежды, но все равно. Самой моей любимой частью комнаты являются застекленные двери, которые ведут в небольшой крытый дворик. Выглядываю в окно и улыбаюсь — снаружи есть гамак, шезлонг и огромный бассейн: симпатичный, синий и чистый. Задаюсь вопросом, есть ли у Джо человек, который за ним ухаживает, так как, очевидно, она зарабатывает кучу денег, чтобы жить в таком месте.

Какое-то время брожу без дела и выхожу за забор во внешний двор. Так невероятно находиться очень близко к океану. Мои ноги начинают шагать сами по себе, я пересекаю улицу и направляюсь к пескам и волнам. Мой первый раз на пляже, и, насколько я слышала, Хантингтоночень милый.

Мои шлепки покрыты песком, поэтому снимаю их. Улыбаюсь от ощущения песчинок между пальцами. И снова чувствую себя в безопасности. Свободной. Готовой к новому началу.

Пляж не такой, каким я себе его представляла. На всех фотографиях, что я видела, всегда много людей, которые лежат на песке и загорают. Осматриваюсь. Здесь не так много людей. По крайней мере, сегодня. В нескольких ярдах от меня под большими зонтиками сидит пожилая пара. Женщина читает книгу, а мужчина, ее муж, как я предполагаю, подремывает. Несколько людей далее по пляжу играют в волейбол, а на воде качаются несколько серферов.

Это похоже на рай. Я прогуливаюсь, пока не чувствую, как ледяная океанская вода касается моих ног. Через мое тело проходит небольшая волна шока, но мне все равно. Несколько минут наблюдаю, как крохотные волны накатывают на мои лодыжки, ноги тонут в песке, а затем иду обратно по пляжу и сажусь на песок. Он теплый, но мою кожу ласкает холодный ветерок. Я зачарованно наблюдаю, как волны врезаются в пляж, а серферы так непринужденно качаются на них.

Глубже погружаю в песок пальцы ног и улыбаюсь. Думаю, мне здесь понравится.

Из глубокого сна меня вырывает мама. Знаю, что это она по тому, как она вырисовывает маленькие круги на моей спине. В голове туман, но умудряюсь застонать и перевернуться, чтобы отодвинуться от нее. Она тихо вздыхает.

— Окли, просыпайся. Мне нужно с тобой поговорить, — заявляет она.

— Отстань от меня, — шепчу я.

Прошло два дня с тех пор, как мы сюда приехали. И все эти два дня я только и делала, что лежала в своей комнате и пялилась на стены. Реальность от потери Лукаса окутала меня темным, удушающим облаком, и не отпускала. Знаю, что страдаю от своего рода депрессии, но из-за мысли о том, чтобы как-то избавиться от нее, становлюсь усталой. Не смогу прямо сейчас вынести психолога.

Мама продолжает гладить меня по спине, но я ее игнорирую. Прошлой ночью я впервые не просыпалась. Я спала плохо с тех самых пор, как Лукаса положили в больницу. Прошла будто вечность. Снова закрываю глаза, стараясь вспомнить сон, который снился — хороший сон. Помню, что чувствовала себя счастливой.

— Пожалуйста, Окли. Просто посмотри на меня секунду.

Я раздраженно выдыхаю и поворачиваюсь к ней лицом. Взгляд ее темных глаз обеспокоен, будто она боится, что если отвернется, то я исчезну.

— Я же сказала тебе прошлым вечером, что я в порядке. Просто отсыпайся.

— Нет, вопрос не в этом. У меня есть кое-что для тебя.

— Что?

Она прикусывает губу.

— Милая, — произносит она. Ее голос дрожит, и я присаживаюсь, задаваясь вопросом, почему она так нервничает. — Я...Эм... — В ее руках небольшая тетрадь, которую она протягивает мне. — Лукас попросил меня передать ее тебе. До того, как умер. — На последнем слове ее голос срывается.

Я замираю.

— Что это?

Она пожимает плечами.

— Это для тебя. Он хотел, чтобы ты это прочитала.

Я беру тетрадь — одну из тех черно-белых тетрадей, которыми я пользовалась во время некоторых уроков в школе. Мое имя написано его рукой на лицевой стороне. Пробегаю пальцами по надписи, не уверенная, что хочу открыть и прочитать содержимое. Я все еще чувствую так много эмоций и, если это его дневник о последних днях жизни...то не думаю, что смогу справиться с этим.

— Ты...

— Нет. — Качает она головой. — Я не смотрела.

— Ох. — Я ей верю, но по какой-то причине нервничаю. Зачем он оставил бы что-то такое для меня? Были ли у него какие-то глубокие, темные секреты, о которых он хотел рассказать мне после своей смерти? И почему мама отдала мне эту тетрадь сейчас? — Сколько по времени она находилась у тебя?

— Она у меня с похорон. Или... думаю, появилась за несколько дней до них. Он сказал мне отдать ее тебе после того, как пройдет какое-то время, чтобы... — Она сглатывает и

отводит взгляд. — Неважно. Оставлю тебя одну. — Мама отступает от меня, ее взгляд сосредоточен на тетради. Она выглядит грустной. Ее пальцы барабнят по дверному проему, а затем она берется за дверную ручку. — Мы с Джо собираемся в магазин. Мы недолго.

— Хорошо, — говорю я.

— Уверена, что без меня будешь в порядке? — Я смотрю на тетрадь, которую сжимаю в руках, и ее голос звучит отдаленно.

Отрываю взгляд от своего имени и смотрю на нее.

— Я буду в порядке, мам. — Улыбаюсь ей, чтобы она поверила, и она кивает и закрывает дверь. Снова смотрю на тетрадь. Я одновременно заинтригована и напугана.

Руки трясутся. Не уверена, смогу ли справиться с тем, что написано внутри. Хотя я должна знать, поэтому глубоко вдыхаю и открываю ее. Письмо на первой странице написано его почерком. Я всегда смеялась из-за того, что он писал все заглавными буквами. Думаю, что это мужские шутки, потому что папа тоже так делает.

Дорогая Окли,

Звучит слишком формально, да?

Я смеюсь. Лукас совсем не был формальным.

Сегодня обнаружили, что мой рак последней стадии. Ты восприняла это тяжелее меня. Я знал, что так и будет, но думаю, что у тебя все еще была надежда на мое выздоровление. Мне жаль, что вы так расстроились. Знаешь, я бы все изменил, если бы мог. Это невозможно, но ты знаешь, что я бы попробовал.

И все же. Я решил кое-что сделать для тебя. Если ты это читаешь, значит, меня уже нет. Знаю, ты с трудом пережила то время, когда я умирал. Возможно, труднее всех остальных. Не ври и не говори, что ты в порядке. Я очень хорошо тебя знаю.

Причина того, что я пишу в этой тетради — у тебя всегда с собой будет кусочек меня. Банально, но важно, верно? Можешь прочитать все прямо сейчас или можешь читать по записи в день. Это своего рода дневник, но большей частью — мои глупые беспорядочные мысли. Я хочу, чтобы ты запомнила хорошее. Важное. Меня. Надеюсь, что некоторые из моих мыслей имеют смысл. Вообще-то, конечно имеют. Ты знаешь, какой я потрясающий.

И все же. Я люблю тебя, Окли. Если я что и хотел тебе сказать, так именно это. Ты мой лучший друг, и я буду скучать по тебе так, как не выразить словами.

Оставайся сильной.

С любовью, Лукас.

Глаза горят, но я умудряюсь сдержать эмоции. Лукас всегда знает, что сказать. Всегда. Даже тогда, когда его здесь больше нет.

Осматриваю свое временное пристанище и ощущаю тоску. Больше нет никого, с кем я могла бы поговорить. Некому позвонить. Я в первый раз осознаю, что совершенно одна. Кажется, мои родители не хотят о чем-то говорить со мной, мои друзья дома отвергли меня — или, думаю, я отвергла их, — а Лукаса больше нет. Мне больше не к кому обратиться. Нет никого. И от этого так больно, что трудно дышать. Закрываю глаза и стараюсь взять себя в руки. Это сложно, но я справляюсь.

Мои пальцы трясутся, когда я закрываю тетрадь. Буду читать по записи каждый день. Не желаю читать все за один присест, потому что хочу насладиться каждым словом и фразой. Откладываю тетрадь под подушку на потом.

В животе урчит, но я игнорирую его и выхожу на улицу, чтобы сесть на качели, стоящие на террасе. Глубоко вдыхаю. Не могу свыкнуться с мыслью, как хорошо пахнет соленый

воздух. Он меня успокаивает.

Сейчас раннее утро вторника, но, пока я брожу по переднему двору, на тропинке песчаного пляжа собирается уже много людей. Присаживаюсь на террасу и наблюдаю, как они ездят на велосипедах, катаются на роликах и бегают. Не знала, что люди все еще катаются на роликах. Кажется, прошло уже много времени с тех пор, как я пробовала на них кататься. Все еще помню наше катание на роликах с Лукасом у дома соседей, когда мы были маленькими. У них была большая подъездная дорожка, и мы притворились профессиональными фигуристами. Уверена, что мы выглядели смешно, но нам было все равно.

Я смотрю мимо людей на тропинке и удивляюсь тому, что даже со своего места вижу серферов в воде.

Заинтригованная и, признаться, уставшая от постоянного лежания, решаю сделать несколько фотографий и хватаю сумку с фотоаппаратом и пляжное покрывало, а потом направляюсь через улицу.

Я бреду к волнам и ощущаю под пальцами ног теплый песок. Останавливаюсь в нескольких ярдах от воды и расстилаю покрывало, вытягиваю перед собой ноги, откидываюсь и слежу за зрелищем.

Как только устраиваюсь поудобнее, слева от меня смеется девушка, и я вижу группу подростков в гидрокостюмах, которые направляются в воду, держа в руках доски для серфинга. У девушки кольцо в носу и длинные светлые волосы, струящиеся по спине. Она посмеивается и подталкивает плечом парня, идущего рядом с ней, а затем убирает волосы в хвостик. Я не могу не смотреть на них. Они выглядят такими беззаботными. Такими... нормальными.

Один парень из группы, загорелый и с темными волосами, замечает мой взгляд и улыбается мне, а затем снова поворачивается к своим друзьям. Я чувствую, как на щеках появляется румянец, и качаю головой. Я такая дурочка.

Через несколько секунд группа гребет в океан. Наблюдаю, как они рассредоточиваются, и втягиваю воздух, когда девушка с кольцом в носу поднимается на волне так, будто это пустяки. Я заморожена. Она точно знает, что делать в воде. Все ее тело расслаблено, и, уверена, она едва касается пальцами внутренней части волны. Не могу устоять, достаю фотоаппарат и делаю несколько снимков прежде, чем она исчезает в воде.

Моя кожа горит от солнца, но мне все равно. Я могла бы немного загореть. Если бы моя кожа стала такой же, как у папы, то тогда я была бы настоящей загорелой калифорнийской девочкой. Сейчас же я бледное белое привидение из штата Юта.

Делаю еще несколько снимков, а затем отвлекаюсь на скопление камней немного дальше по пляжу. Вокруг них прогуливаются люди, некоторые опускаются на колени и показывают на воду. Мне становится любопытно, и я направляюсь в ту сторону, оставив покрывало на песке, но забрав с собой сумку с фотоаппаратом.

Камни больше, чем я думала, и они коричневые и скользкие. Сложно карабкаться по ним голыми ногами, но я перекидываю сумку через плечо и решаю эту проблему. Как только оказываюсь на камне, улыбаюсь. Вокруг меня расположены водоемы, в которых, благодаря приливу, много разных морских созданий.

Я заглядываю в ближайший водоем и вижу несколько морских звезд, приклеившихся к камню — желтую и красную, у которой отсутствует ножка. Странные эти создания, морские звезды. Когда я была ребенком, к нам приезжала Джо и водила нас в океанариум. Помню,

как она перевернула одну звезду и заставила меня дотронуться до ее ножек. Звезда оказалась противной, и я уверена, что убежала с криками. По какой-то причине из-за этих воспоминаний мне хочется поднять одну из них.

Я снова смотрю в воду и замечаю третью звезду — оранжевую и перевернутую на дне водоема. Откладываю сумку с фотоаппаратом, ложусь на живот и тянусь рукой в холодную воду, чтобы спасти ее. Когда достаю, принимаю прежнее положение и изучаю своего нового друга.

Она именно такая, как я помню: с одной стороны твердая и бугристая, с другой — слизкая и с присосками. Маленькие ножки шевелятся, когда я в нее тыкаю — естественно, деликатно. После обследования устраиваюсь у края водоема и кладу малыша обратно в воду. Улыбаюсь, когда он опускается на дно как снежинка. Я беру сумку и достаю фотоаппарат, чтобы сделать несколько снимков. Наклоняюсь вперед и фотографирую две звезды, все еще приклеенные к камню, когда кто-то начинает говорить.

— Должно быть, там что-то очень интересное.

Я встаю так быстро, что теряю равновесие и практически роняю фотоаппарат. Моя нога соскальзывает с края камня и плюхается в воду. Я упала бы, если бы сильная рука не схватила меня и не вытащила.

Откидываю волосы с лица и смотрю в пару глаз цвета шоколада.

— Извини насчет этого. Не хотел тебя напугать.

Я не могу не пялиться. Он привлекателен — светло-каштановые волосы, возможно ростом в шесть футов, так как мне приходится смотреть на него снизу вверх. Он один, что странно. Я заметила, что обычно люди гуляют по пляжу парочками или группами. Но я одна, поэтому думаю, что это тоже странно.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Его лицо озаряется весельем и беспокойством, пока он осматривает меня.

— Я...эм...я в порядке. — Я морщусь от выбора слов. Ура мне. Я только что выставила себя идиоткой. И почему я всегда говорю, что все в порядке? Нужно придумать себе другую фразу. — Спасибо.

Он все еще держит меня за запястье. Я отдергиваю руку — сильнее, чем намеревалась — так как понятия не имею, кто он такой. Он странно смотрит на меня, и мои щеки вспыхивают. Появляется странное желание броситься в океан и пойти ко дну. Мне никогда не удавалось хорошее общение с парнями. Неловкое — вот правильное слово. У себя дома я не ходила на свидания, так как все свободное время проводила в больнице у Лукаса. Я также ни с кем не целовалась. Как я могла думать о себе, когда Лукас так долго болел? Не было смысла встречаться и быть счастливой, когда мой брат боролся за свою жизнь.

Этот парень наблюдает за мной. Надеюсь, он не ждет, что я что-то скажу, потому что я понятия не имею, что сказать.

— Тебе нравится фотографировать? — Он показывает на фотоаппарат, свисающий с моей руки.

Я выдыхаю воздух, который сдерживала, и киваю, осматривая его загорелую кожу. Его светлая футболка обтягивает его тело, и я могу видеть мышцы, которые выглядывают из-под рукавов. Возможно, он серфер? Мне становится интересно, местный ли он.

Он смеется.

— Дурацкий вопрос, да? Ты здесь делаешь снимки фотоаппаратом, который, скорее всего, дороже моей машины.

Я улыбаюсь и закрываю линзы крышкой. Фотоаппарат не настолько дорогой, но также и не дешевый. Все прошлое лето я работала в местном ресторане, чтобы накопить на него.

Он все еще наблюдает за мной. И я все еще понятия не имею, что сказать, а это глупо. Он кажется милым. Бывают такие случаи, когда мне хочется, чтобы я была как Лукас. Клянусь, каждый раз, когда мы ходили в магазин, он заводил друзей, стоя в очереди у кассы.

— Ты на каникулах? Не видел тебя здесь прежде.

Так значит, он местный. Не уверена, хорошо это или плохо. Я прочищаю горло и наконец набираюсь смелости заговорить.

— Я в гостях на несколько месяцев у своей тети. Джослин Рейнольдс. — Указываю в сторону ее дома.

Кажется, его лицо оживает.

— Джо твоя тетя? Она потрясающая!

— Ты ее знаешь?

Он пожимает плечами.

— Все здесь знают ее. Хотя я живу по соседству с ней, поэтому знаю ее лучше многих. Она замечательная. Часто берет меня и моих друзей с собой на лодку. Мы иногда помогаем ей с работой. Я пытаюсь получить стажировку у нее на это лето.

Он смотрит на воду.

— На прошлой неделе она брала нас посмотреть на акул. Это было очень мило.

Я не понимаю, о чем он говорит, так как не знаю точно, чем занимается Джо, но все равно киваю.

— Круто. Я собираюсь попросить ее взять меня с собой когда-нибудь на лодку. Хотя не думаю, что мне хотелось бы увидеть акул. Они меня пугают.

— Они не настолько плохи. Они так же боятся нас, как и мы их.

— Сомневаюсь в этом, — говорю я, улыбаясь. — Все всегда говорят такое про ос и шершней, но они все равно находят причины жалить людей. — Кажется, моя неловкость исчезает, и от этого я чувствую себя лучше.

Он смеется, в этот раз громче. У него приятный смех.

— Ты веселая. Кстати, я Карсон. — Он протягивает руку, и я принимаю ее. Кожа на его руке огрубелая, а рукопожатие сильное, по сравнению с моей жалкой хваткой.

— Окли, — говорю я. — Окли Нельсон.

Он приподнимает бровь и опускает руку.

— Интересное имя. Могу честно сказать, что никогда прежде не встречал имя Окли.

Не уверена, имеет ли он в виду, что это хорошо или плохо.

— Мне оно нравится, — произносит он, улыбаясь. Я замечаю ямочку на его левой щеке. Он все еще пристально смотрит, и я отворачиваюсь, чувствуя подкрадывающуюся улыбку. Хорошо улыбаться.

— Карсон! Где ты был, мужик? Волны здесь убийственные. Видишь то жуткое течение?

Из воды выходит серфер, которого я видела ранее. Он трясет своими темными волосами, в стороны летят брызги. Парень замечает меня и, клянусь, выпрямляется. Он напрягает свою загорелую грудь, и я очень стараюсь не пялиться на нее. Это мне не удастся, как и любой другой девчонке. Смущенно наклоняюсь и беру сумку от фотоаппарата. Я должна убрать его прежде, чем уроню или сделаю что-нибудь еще. И я должна перестать смотреть.

— Диллон, это Окли. Окли, Диллон, — говорит Карсон.

Я поднимаю взгляд.

— Привет, — выдавливаю я. Он симпатичный, с волевым лицом и ямочкой на подбородке. Тот тип парней, в которого влюбились бы все девочки в моей старшей школе.

Диллон откидывает с глаз свои мокрые волосы.

— Я видел тебя сегодня утром у Джо. Ты живешь там?

— Да. Какое-то время, — говорю я.

— Круто. — Он смотрит на Карсона, но тело все еще повернуто ко мне. — Так как у тебя дела, Карсон? Нога все еще беспокоит?

Карсон усмехается.

— Я в порядке. Просто подумал, что сегодня пропущу. — Он перемещается с ноги на ногу и морщится.

Смотрю вниз и замечаю, что он носит шлепки, но левая нога обмотана бинтом. Будто растянуты связки или что-то еще.

— Чувак. Ты покалечен. — Диллон снова смотрит на меня и проводит рукой по волосам. — Если хочешь познакомиться с кем-нибудь из нашей компании, то сегодня мы разводим костер на пляже. Хот-доги, смор, парочка бочонков. Есть желание прийти?

— Приходи. Будет весело, — говорит Карсон.

Открываю рот, но из него ничего не выходит. Я даже не знаю этих людей, а они и правда приглашают меня на вечеринку? Где я, черт побери, нахожусь?

Слышу, как Карсон ерзает на камне рядом со мной.

— Мы не кусаемся, — смеется он. — И если ты будешь здесь несколько месяцев, то должна знать некоторых местных. Там будет много девушек. Не только мы. Если от этого тебе станет легче.

Они оба смотрят на меня в ожидании ответа, и я начинаю паниковать.

— Эм...возможно, не сегодня. Я должна...эм...кое-что сделать. Хотя, спасибо. — Вешаю сумку на плечо и слезаю на песок.

— Было классно с тобой познакомиться, — говорит Диллон. Он подмигивает мне и направляется обратно к воде.

Да ладно? Кто подмигивает?

— Все начнется в семь, если ты передумаешь, — кричит мне вследКарсон.

Я не отвечаю и не оглядываюсь — слишком занята тем, что пытаюсь понять, какого черта со мной не так.

Мы молча сидим за кухонным столом. Мама наблюдает, как я размазываю по тарелке картофельное пюре. Узнаю этот взгляд — беспокоюсь-но-боюсь-что-нибудь-сказать.

— Так он позвал тебя на вечеринку, а ты отказалась?

Вздыхаю. Я уже рассказала ей эту историю. Три раза.

— Да, мам. Я отказалась.

— Почему?

— А тебе какое дело? — сердито произношу я. Ей *какое* дело?

Ее глаза расширяются, но она не кричит. Вместо этого просто пожимает плечами.

— Я думаю, это мило. Для тебя же лучше завести новых друзей.

— Я в порядке, мам. У меня дома есть друзья. Новые мне не нужны. — Мы обе знаем что это ложь. Я не разговаривала со своими друзьями несколько месяцев. Чувствую внезапную острую боль в груди, когда думаю о лучших подругах Эмми и Келси. Мне стоило, по крайней мере, с ними попрощаться.

В комнату входит Джо и смотрит на нас.

— Что происходит?

— Какой-то парень пригласил Окли на свидание, а она отказалась.

— Мам, — постанываю я. — Это было не свидание!

— Кто? — спрашивает Джо, улыбаясь. — Ты здесь и недели не прожила, а на тебя уже западают парни?

Я стараюсь не улыбаться, но не получается.

— Нет. Он не запал на меня. Он просто был милым.

Замолкаю, смешивая кукурузу и картофель. «Так вкуснее», — всегда говорил Лукас. Не то чтобы я собираюсь это съесть, так как аппетита нет уже не знаю как долго, но не могу сломить эту привычку.

Стук моей вилки по тарелке — единственный звук в комнате. Молчание мамы и Джо действует мне на нервы, но я ничего не говорю. Не хочу больше разговаривать о Карсоне, а я знаю, что он их и интересуется.

— Так кто это был? — спрашивает Джо.

— Серьезно? Не так уж это и важно.

— Ох, да ладно. Просто назови имя. — Она пристально смотрит на маму и широко улыбается. — Здесь не так уж и много местных. Может, я его знаю.

Я театрально выдыхаю.

— Хорошо. Этим утром я познакомилась с парнем у водоемов. Его зовут Карсон. Теперь рады?

— Карсон Най?

Я пожимаю плечами.

— Я так и не спросила его фамилию, но он сказал, что знает тебя.

— Должно быть, это он. — Она улыбается. — Он хороший парень. Живет по соседству. — Она изучает меня какое-то мгновение, и я съеживаюсь под ее внимательным взглядом. — Ты должна пойти.

— Я не пойду.

— Почему?

— Потому что это странно. Я его даже не знаю. Я разговаривала с ним около двух секунд.

Джо фыркает.

— Ну, очевидно, он хочет тебя узнать, в противном случае не позвал бы.

Я закатываю глаза.

— Ну и что?

Откусываю брокколи, которое не люблю. Как оно попало на мою тарелку? Я жую действительно быстро и закусываю куском цыпленка, чтобы скрыть ужасный привкус в моем рту.

Мама хмурится.

— Милая, ты должна пойти. Иди, повеселись. Я за тебя беспокоюсь. С тех пор, как Лукас... — Ее голос дрожит, когда она произносит его имя. Мама прочищает горло и вдыхает. — После потери Лукаса ты выстроила вокруг себя стену. Может, если с кем-то подружишься, то будешь снова самой собой.

Моя рука останавливается на полпути ко рту, и я медленно опускаю вилку.

— Мам, я в порядке.

— Это не так. Ты сама не своя, Окли. Лежишь весь день в кровати, ничего не делаешь. Это совсем не ты.

Я отодвигаю стул и встаю, злясь на то, куда зашел разговор.

— Кем ты хочешь, чтобы я была, мама? Той, кем была раньше? Я просто не могу забыть обо всем и свыкнуться, как можешь ты.

У нее отвисает челюсть, и я вижу в ее глазах боль.

— Я не свыклась, — шепчет она. — Я потеряла своего сына, Окли. И не хочу к тому же потерять дочь.

— За кого ты меня принимаешь? У меня нет суицидальных мыслей, мам. Я же сказала, что в порядке. Просто не бери в голову.

— Я не сказала, что у тебя суицидальные мысли. — Она вздыхает. — Я просто пытаюсь тебе помочь. Я хочу, чтобы у тебя были друзья. Я хочу, чтобы у тебя снова была нормальная жизнь. — Она дотрагивается до меня, но я отодвигаюсь. Не понимаю, откуда это все. Она не должна заботиться обо мне, так как не заботилась месяцами. А даже если так и было, то выражалось это необычно. — Вот почему мы приехали сюда. Чтобы начать сначала.

Я хмурюсь.

— Я не хочу начинать все с начала, и мне не нужна твоя помощь. Мне никто не нужен.

Отворачиваюсь от нее и иду в свою комнату, захлопнув за собой дверь.

Зачем она это делает? Заставляет меня без причин чувствовать вину. Я в порядке. Я же так ей и сказала. Мне не нужны друзья. Единственное, что они будут делать, так это жалеть меня. А мне не нужна чья-либо жалость. И если она так беспокоится обо мне, то почему не сказала это раньше? Мне нужно было услышать это несколько недель назад. Я нуждалась в ней, но ее не было рядом.

Тетрадь Лукаса лежит на моей кровати. Иду к ней и поднимаю, а затем перелистываю на вторую страницу. Я уговорила себя читать по записи в день, но прямо сейчас выбросила свой план в окно. Мне нужен был мой брат.

Дорогая Окли,

Ха. Своего рода смешно писать «дорогая». Ты моя сестра, а я не пишу резюме или письмо кому-то очень важному. Я не имею в виду, что ты не важна... Ох, не обращай

внимания. В любом случае, сегодня тот день, когда я начинаю наполнять эту дурацкую тетрадь важными сведениями о потрясающей жизни твоего брата. Знаю, что ты страсть как хочешь выяснить, что у меня в голове.

Итак, сегодня к моей палате приставили новую медсестру. Она сексуальна, и мне очень хочется пригласить ее на свидание. Я точно уверен, что она лет на восемь старше меня. Что может быть проблемой...но мне девятнадцать, поэтому она не попадет за решетку, если все у нас закончится сексом. Интересно, провела бы она со мной время? У нас могло бы получиться романтическое свидание в больничном кафе.

И это, моя дорогая сестра, беглое знакомство с разумом твоего брата. Потрясающе, правда? Тебе это нравится.

Ох, и я сделал мысленную заметку оставлять в каждом письме одну мысль. Думаю, я не должен говорить, что в каждом письме, так как уверен, что какие-то уже забыл. На этой ноте, сегодняшняя мысль, которую я доношу до тебя этим письмом...просто шучу. Но, правда. Я знаю, что ты грустишь. Знаю, что это сложно. Но, пожалуйста, не ставь крест на жизни. Не закрывайся, как ты делаешь, когда что-то идет не так. Выберись и займись чем-нибудь. Прогуляйся. Поиграй на гитаре. Потанцуй и спой...ну, может, и не пой, так как мы оба знаем, что в этом ты профан. Но ты понимаешь, что я пытаюсь сказать. Не закрывайся. Живи своей жизнью, зная, что можешь выбраться и заняться тем, чем хочешь. Как бы мне этого хотелось.

С любовью, Лукас.

Он очень хорошо меня знает. Выберись и займись чем-нибудь. Я слышу, как он это говорит. Закрываю тетрадь и снова кладу ее под подушку. Не закрывайся. Я не закрываюсь, не так ли? Нет, конечно нет. Я докажу ему, что он не прав. Слезая с кровати и выхожу на улицу.

Вечер прекрасен. Небо освещено звездами даже несмотря на то, что солнце еще не скрылось. Здесь так спокойно. С переднего двора доносится музыка, поэтому я иду и сажусь на один из плетеных стульев, расположенных на крыльце. Прижимаю ноги к груди, обвиваю их руками и прислоняюсь головой к стулу. Сквозь темноту мерцает костер на пляже, и я удивлена, сколько народу на вечеринке Карсона. Я слышу их приглушенные голоса, но не могу различить ни одного внятного слова. Возможно, потому, что нас разделяет улица. Вот и все дела.

Меня накрывает тоска. Как бы мне хотелось, чтобы я была частью чего-нибудь.

Движение слева заставляет меня подпрыгнуть, и я удивляюсь, когда понимаю, кто это. Карсон.

— Привет, Окли. — Он обходит крыльцо и останавливается у ступенек. — Я опаздывал на вечеринку и увидел, что ты сидишь здесь одна. Все еще хочешь пойти? Можем пойти вместе, если желаешь.

Слегка улыбаюсь ему.

— Не уверена, что готова к этому сегодня. Может, в другой раз. Хотя спасибо.

— Точно? Если быть честным, то ты выглядишь так, будто на этот вечер тебе нужен друг.

Его улыбка заразительна и искренна. Кажется, будто он и правда заботится обо мне, даже несмотря на то, что понятия не имеет, кто я такая.

Я в самом деле выгляжу такой подавленной?

— Правда?

— Немного. — Он поднимается по ступенькам и прислоняется к деревянной колонне, удерживающей навес. — Пойдем. Будет весело. Там будет еда. И люди. Нет ничего лучше этого. — Он изучает меня, и я стараюсь не пялиться в ответ. — Хотя ты не должна, если не хочешь.

Я сомневаюсь.

— Я не уверена... — После ссоры с мамой мне не хочется ничего делать. — Да я и не знаю никого.

Он улыбается.

— Ты знаешь меня.

Я фыркаю.

— В каком-то смысле.

— Хорошо. Ты меня подловила, но обещаю быть хорошим парнем. — Он подходит, или лучше сказать, ковыляет ко мне и протягивает руку. — Пойдем со мной. Нет ничего лучше вечеринки на пляже в такой вечер.

Пристально смотрю на его руку. *Выберись и займись чем-нибудь*. Слова Лукаса звучат в моей голове, и я бросаю взгляд на небо. Интересно, наблюдает ли он за мной из рая, будто я на каком-то реалити-шоу? Даже несмотря на то, что я скучаю по нему, все равно мне хочется показать ему средний палец. Из-за чего, по какой-то причине, мое настроение улучшается.

— Знаешь, вечер-то хороший, да? — Я улыбаюсь и беру Карсона за руку, чтобы он поднял меня со стула.

— Хорошая девочка. — Он начинает спускаться по лестнице, но останавливается внизу. — Тебе нужно сказать кому-нибудь, куда идешь? — Показывает рукой на дом.

— Возможно. Подожди секундочку. — Я открываю входную дверь и просовываю голову внутрь. — Мам, я ухожу. Вернусь позже.

Не жду от нее ответа, просто закрываю дверь и иду обратно. Она хочет, чтобы я завела друзей? Хорошо. Так тому и быть.

Карсон ждет меня, и я в первый раз замечаю его одежду: красная футболка и шорты хаки. Ему идет красный. На нем снова надеты шлепки, а нога забинтована.

— Готова? — спрашивает он.

Я смотрю на свои джинсы и толстовку. Возможно, мне стоит сходить переодеться во что-то более красивое, но мне лень.

— Ага! — Улыбаюсь ему. Он такой милый, даже несмотря на то, что я определенно не заслуживаю его любезности. Может быть, просто может быть, я перестану раздражаться и насладюсь сегодняшним вечером. Может быть.

— Замечательно.

Мы пересекаем улицу и направляемся к пляжу. Я иду, скрестив руки на груди, но затем опускаю их. Нервничаю, но не хочу, чтобы он об этом узнал.

— Спасибо, что вывел меня на прогулку.

— Без проблем.

— Так что случилось с твоей ногой?

Он смотрит на нее, а затем снова на меня.

— Напоролся на коралл. Не впервой.

Я улыбаюсь.

— Занимался серфингом?

Он кивает.

— Я в первый раз позволил кораллу одержать над собой победу. Десять швов. Повредил сильно, но вернусь на волны через неделю или около этого.

— Ух ты. — Я скрещиваю руки на груди. — Ты будешь заниматься серфингом с таким повреждением?

— Да это ерунда. Некоторые из моих приятелей получали очень сильные повреждения.

— Ох. Звучит неприятно.

Он пожимает плечами.

— Все в порядке. У меня были повреждения и похуже этого.

— Правда?

— Несколько лет назад сломал руку. Было очень больно.

— Как ты ее сломал?

Он пожимает плечами.

— Катался на скейте.

— Могу себе представить. Кататься на скейте тяжело, — фыркаю я. — Единственный мой раз, когда я пыталась кататься, закончился тем, что я упала на задницу.

— Ха. Со мной это происходило множество раз.

— Как давно ты катаешься на доске?

Он улыбается.

— На какой именно?

Я пожимаю плечами.

— На обеих.

— Серфингом занимаюсь с детства, а на скейте катаюсь со старшей школы. Хотя не так уж часто теперь этим занимаюсь. Слишком много сломанных костей. Рука, запястье, вывихнутое плечо. Хорошие были времена.

— Серьезно? Я ни одной кости не ломала.

— Правда?

— Правда. Хотя швы были. Мой брат подзадорил меня съехать на велосипеде с земляного холма, и я упала. Заостренная часть велосипеда, которая удерживает цепь, порезала мне ногу. Звездочка, я так думаю? Не очень хорошо разбираюсь в велосипедах. В любом случае, было очень неприятно. Мой брат чувствовал себя ужасно. Вообще-то, это случилось как раз перед тем, как я пошла в седьмой класс. Замечательный способ произвести впечатление, да? Девочка на костылях с широкой повязкой на ноге. — Я показала на шрам на лодыжке, и Карсон поднял брови.

— Прямо как боевое ранение. Выглядит словно буква Л.

Я улыбнулась. Лукас всегда говорил, что мой шрам имеет форму буквы Л, потому что это *его* вина, и вселенная хотела всю жизнь напоминать ему об этом.

— Уверена, что сломанные кости болят хуже.

Он пожимает плечами.

— Думаю, как карта ляжет. Моя нога болит очень сильно.

— Кажется, она не сильно тебя беспокоит.

— Предпочитаю показывать себя более выносливым, чем есть на самом деле.

Я фыркаю, а он улыбается.

Мы доходим до толпы, окружающей костер, и Карсон тянет руку к моей. Не хочу потерять его, поэтому берусь за его руку...и стараюсь не слишком анализировать этот жест. Он ведет меня сквозь толпу и отпускает, когда мы доходим до небольшой группы людей,

которые сидят вокруг костра.

— Привет, ребята. Это Окли. — Он становится сбоку и засовывает руки в карманы.

Я узнаю Диллона, который подскакивает и странно склоняется передо мной.

— Приятно снова *тебя* увидеть. Я знал, что ты передумаешь и придешь. — Он хватается за руку и сжимает ее, а затем снова садится.

Я слегка улыбаюсь ему и замечаю несколько девочек, которые сидят рядом с ним. Они пристально смотрят на меня.

— Ребята, это Окли, — произносит Карсон.

Девчонки здороваются, но выглядят так, будто им скучно. Я узнаю девочку, которую видела ранее. Ту, у которой сережка в носу. Она улыбается мне и кивает, затем снова возвращается к разговору, будто меня здесь нет. Я отворачиваюсь. У меня никогда не было много друзей, и я не уверена почему.

— Хочешь выпить? — спрашивает Диллон. — В холодильнике осталось немного пива.

Он достает одну бутылку и протягивает мне.

Я качаю головой.

— Нет, спасибо. Я не пью.

Я даже никогда не думала насчет того, чтобы выпить. Особенно с тех пор, как проводила большую часть дней своей старшей школы в больнице с Лукасом. Хотя придется признать, что сейчас это немного заманчиво. Я всегда была хорошей девочкой. Той, которая не делает ничего плохого. Я скрещиваю руки. Нет. Не сегодня. Не хочу выставить себя душой перед всеми этими людьми. И, если Лукас и правда наблюдает за мной, он бы сказал мне не дурить.

У Диллона падает челюсть.

— Что? Ты не пьешь? — Он смеется и качает головой. — Она настолько же безнадежна, как и ты, Карсон.

Я смотрю и вижу, что Карсон улыбается мне. Пожимаю плечами и улыбаюсь в ответ.

— Просто я предпочитаю все время контролировать свое тело, — говорит Карсон.

По тому, как он смотрит на Диллона, я понимаю, что с этим связана какая-то история, но не спрашиваю. Я не знаю этих людей и не хочу влезать в их личную жизнь. Просто это даст им причину влезть в мою.

Диллон фыркает и открывает пиво для себя.

— С возрастом ты становишься скучнее.

— Мне столько же лет, сколько и тебе.

Диллон смеется.

— Ты ведешь себя так, будто тебе не девятнадцать, а тридцать. Хромоножка.

Мы стоим в неловкой тишине, пока Карсон не прочищает горло.

— Хочешь смор? Я готовлю потрясающий зефир.

— Конечно.

Он ведет меня к костру поменьше, и мы присаживаемся на старое бревно. Карсон достает из пакета несколько зефиров и накальвает их на длинную палку.

— Итак, откуда ты? Думаю, что не откуда-то поблизости.

— Я из Юты.

Он смеется.

— Никогда там не был. Там есть что-нибудь интересное, о чем мне следует узнать?

Я скидываю шлепки и погружаю ноги в прохладный песок.

— Да не особо. Большею частью там тихо. Думаю, по соседству есть одна или две семьи с маленькими детьми, но большинство людей живут там несколько лет и останутся навсегда. У нас много старшекласников и студентов из колледжей. До многих из них можно доехать на машине, поэтому студенты просто живут дома, пока учатся.

Он усмехается.

— Вроде как здесь. За исключением колледжа.

Я приподнимаю бровь. Не уверена, что он имеет в виду.

— Здесь живет много людей студенческого возраста и они только то и делают, что занимаются серфингом. Некоторые ходят в колледж, но большинство местных просто работает здесь и каждый день занимается серфингом. Ради этого они и живут. Ради волн.

— Ох. Логично.

— Не то чтобы в этом есть что-то неправильное, так как я люблю серфинг. Просто, знаешь, мне хотелось бы получить образование. Сделать что-то со своей жизнью.

— Чем ты хочешь заниматься?

Карсон улыбается, и я понимаю, как потрясающе он выглядит в свете костра. Парень откидывает с глаз светлые волосы, которые выглядят темнее.

— Мне хочется делать то же, что делает Джо. Хочу быть морским ветеринаром. Спасать животных. Мне бы хотелось этим заниматься. Нет ничего лучше, чем работать с животными. А вылазки в океан — приятный бонус.

— Звучит очень хорошо. — Мне стоит спросить у Джо насчет ее работы. Я думала, что она работает в лаборатории или где-то еще, но все становится интереснее.

— Итак...у тебя есть планы на будущее? — Он улыбается и качает головой. — Клянусь, что не задаю все время скучные вопросы. По крайней мере, я не спросил тебя о погоде.

Я смеюсь.

— Я понятия не имею, чем хотела бы заниматься. Мне нравится фотографировать, но я не думала избрать это как профессию. Как и тебе, мне нравятся животные, но я не уверена, что смогу кого-нибудь усыпить. Если быть честной, то не знаю, пойду ли в ближайшее время в колледж. Меня своего рода тошнит от школы.

— Согласен. Я так рад, что старшая школа позади.

— Ты ходишь в колледж?

Он улыбается, ямочка на его подбородке становится более заметной.

— Еще нет. Я мог бы пойти в том году, после выпуска, но у меня было много дел. Хотя я заполняю заявления для осеннего семестра.

— А, понятно. — Возможно, мне тоже стоит заполнить заявления, но колледж — это последнее, о чем я думаю. Я только несколько месяцев назад бросила старшую школу. Ушла из команды по плаванию, из школьного совета. Отовсюду. Маманаконец-то выбрала для меня ускоренную программу, и я окончила школу в декабре. За целый семестр до предполагаемой даты. Что оказалось к лучшему. Я отказывалась оставлять Лукаса весь январь, пока мы не потеряли его первого февраля — в самый худший день моей жизни.

— Так ты не любитель старшей школы? — Голос Карсона возвращает меня в настоящее.

— Ничуть.

Он протягивает мне коробку с крекерами из пшеничной муки и плитку шоколада.

— Уверен, что было не так уж и плохо.

— Было. Настолько, что я окончила школу несколько месяцев назад. И так рада, что убралась оттуда. — Все вокруг меня были странными. Даже люди, которые не очень хорошо

меня знали. Они вели себя так, будто я сломаюсь от легчайшего прикосновения. Поэтому я избегала всех; мне не хотелось их жалости.

Он смотрит на меня с любопытством, но не выпытывает.

— Так тебе семнадцать? Или восемнадцать?

— Семнадцать. Восемнадцать мне будет через несколько месяцев.

— Отлично. — Он поворачивает зефир на палочке. — Прямо сейчас в Юте холодно, да?

— Ага. В феврале еще морозно. Мне нравится снег в начале зимы, в течение двух недель, может быть. Но через некоторое время я начинаю его ненавидеть. Черный и грязный снег, который не тает месяцами, своего рода надоедает. Первый снег как волшебство. Мне нравится гулять и слушать тишину. Все такое...мирное.

Он кивает.

— Я будто вечность не видел снега. Ни разу с тех пор, как был ребенком.

— Может, я заставлю своего папу прислать мне немного, и ты сможешь посмотреть на него, пока он не растает. — Я улыбаюсь, и он улыбается в ответ.

— Вот. Этот зефир готов.

Он протягивает мне палку.

— Подожди секунду. — Я ломаю крекер на две части и кладу на нижнюю часть шоколад.

— Готова?

Я киваю и зажимаю зефир между половинками крекера. Жду секунду, пока шоколад немного не растает. Нехорошо, когда шоколад твердый.

Через какое-то мгновение откусываю кусочек. Как вкусно. Растаявший шоколад капает намое запястья, и я слизываю его, стараясь игнорировать улыбку Карсона.

— Ты идеально приготовил зефир. Я впечатлена.

Он сияет.

— Я же говорил тебе, что могу приготовить потрясающий зефир.

— Действительно. — Я не люблю обычный зефир, но поджаренный мне нравится, особенно в сморе. Он напоминает мне походы с моей семьей. С Лукасом. Я пристально смотрю на огонь, потрескивающий передо мной, который напоминает мне, как много раз мы с Лукасом оставались сидеть допоздна у костра и рассказывали истории о привидениях, пугая друг друга до чертиков. Мы всегда много веселились, пока не приходилось идти в кровать. Я не спала всю ночь и вздрагивала от каждого мельчайшего шороха снаружи. Лукас тоже, хотя никогда это не признавал.

— Эй. Ты в порядке?

Я поднимаю взгляд и вижу, что Карсон наблюдает за мной. Он выглядит обеспокоенным.

— Да, все хорошо. — Откусываю еще раз и медленно жую, снова раздумывая о Лукасе.

Мимо проходит какой-то парень с пивом в руке и спотыкается о бревно, на котором мы сидим. Он практически падает в костер, но Карсон хватается за него.

— Спасибо, чувак, — невнятно произносит он и уходит, при этом пошатываясь.

Мне интересно, почему Карсон не пьет, но не хочу спрашивать. Мне не нравится совать нос в чужие дела.

— Тебе интересно, почему я не пью, да?

Я внимательно смотрю на него.

— Откуда ты знаешь?

— Удачная догадка. — Он смотрит на огонь и жарит для себя зефир. — Я напился на вечеринке прошлым летом и подумал, что было бы неплохо заняться серфингом. Ночью. — Он качает головой и закатывает глаза. — Я практически утонул. И утонул бы, если бы кто-то не увидел, что я иду ко дну. — Он смотрит на меня и пожимает плечами. — С тех пор я не прикасался к алкоголю.

Я бы тоже не прикасалась.

Одна из девушек плюхается рядом с Карсоном и берет его за руку.

— Эй, Карсон. Все собираются плавать. Ты идешь?

Он поворачивается ко мне, и наши взгляды встречаются прежде, чем он качает головой.

— Мне и так хорошо.

Она смеется и подталкивает его плечом.

— Все еще беспокоишься насчет ноги? Или насчет чего-то еще? — Она улыбается мне, но ее улыбка не искренна.

— Ты можешь идти, — говорю я, поднимаясь на ноги. — Мне лучше вернуться.

Она улыбается, и я вижу, как усилилась ее хватка на руке Карсона. Он быстро встает, и ее рука соскальзывает. Девушка следует его примеру и скрещивает руки на груди, выглядя разочарованно. Она не сводит с меня взгляда, в котором читается любопытство и прощупывание. И мне это не нравится.

— Ты не должна уходить, Окли. Я не собираюсь плавать. Просто наблюдаю. Можешь составить мне компанию, — говорит Карсон.

Мне правда хочется согласиться, но я не могу смириться с тем, какой раздраженной выглядит девушка. Поэтому качаю головой и улыбаюсь ему своей самой лучшей улыбкой.

— Спасибо, но я в порядке. Правда. Мне лучше вернуться. Становится поздно. — Я смотрю на девушку. — Было приятно с тобой познакомиться.

— И мне тоже, — произносит она сладостно.

— Спасибо за смор, Карсон. И за то, что привел меня сюда.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и чувствую руку на своем плече.

— Я могу проводить тебя домой, — говорит он.

— Все нормально. Не хочу отрывать тебя от друзей.

— Окли. — Он выглядит разочарованным, и я чувствую себя гадко, но все это неважно.

— Я живу прямо через улицу. Я буду в порядке.

— Она права, Карсон. Она будет в порядке. — Девушка хватается его за руку и тянет к воде.

Он снова стряхивает ее руку, и она скрещивает руки у груди, в ожидании. Кто-то вопит, и в ночи раздается всплеск воды. Карсон смотрит назад, а затем снова на меня.

— Мне правда хочется проводить тебя, но боюсь, что сегодня я назначенный спасатель. — Он снова смотрит назад, на его лице отражается беспокойство. — Я не хочу, чтобы мои друзья попали в беду. Возможно, мне не стоит их оставлять.

— Я правда понимаю. — Он все еще выглядит разочарованным, но я улыбаюсь, чтобы уверить его.

— Хорошо. Увидимся завтра?

Он правда хочет снова меня увидеть?

— Да, — говорю я, краснея. Мне не хотелось отвечать не подумав, но это просто происходит. — Пока, Карсон.

— Будь осторожна.

Я не отвечаю, просто киваю и начинаю идти к дому Джо. Как бы сильно мне ни хотелось повернуться и посмотреть, что они собрались делать, но я себя одергиваю. Просто продолжаю идти. Обратю к маме, которая, насколько я уверена, все еще злится на меня. Обратю к еще одной беспокойной ночи, полной плохих воспоминаний, которые невозможно забыть. Обратю в реальность. И в свой жалкий пузырь, который я теперь называю своей жизнью.

Первое, что я вижу следующим утром, — тетрадь Лукаса, которая лежит на моем прикроватном столике. Хватаю ее и, как только она оказывается в руках, листаю до третьей страницы и читаю текущую запись.

Дорогая Окли,

Знаю, что это тебя шокирует, но помнишь все те разы, когда ты заставляла меня смотреть с тобой «Дневники вампира»? Ну, скажу по секрету — мне понравилось... Расскажешь кому-нибудь, и я буду преследовать тебя вечно. Правда.

Я громко смеюсь. Клянусь, он ненавидел этот сериал. Каждый раз, когда я его включала, он выражал недовольство. Но, тем не менее, смотрел его со мной каждую неделю. И сейчас я вспоминаю, что он задавал много вопросов, пока шел сериал.

И пообещай мне, что не станешь одной из тех странных девчонок-фанаток, которые плачут, когда видят актеров по телевизору или где еще. Seriously. Ты знаешь, о каких я говорю...

Какой мой совет сегодня? Выберись и научись чему-нибудь новому. Мне всегда хотелось научиться играть на барабанах. Это необдуманно или как?

С любовью, Лукас.

Откладывая тетрадь в сторону, открываю застекленную дверь и удивляюсь облакам в небе. Можно почувствовать запах океана вперемешку с дождем. Губы расплываются в улыбке, когда падает первая капля. Протягиваю руку и ловлю капли ладонью. Я всегда становлюсь счастливой, когда идет дождь — особенно если с молнией и громом. Люблю хорошую бурю.

Хотя так было не всегда. Каждый раз в детстве, когда раздавался гром, я бежала, напуганная, в комнату родителей, но мама с папой всегда говорили мне, что все в порядке и что надо вернуться ко сну. Я шла обратно в свою комнату и сворачивалась клубочком на кровати, пока не заканчивалась буря.

Однажды ночью, во время очень громкой бури, Лукас обнаружил меня съезжившуюся у изголовья кровати. Даже несмотря на то, что тогда мне было семь, я все еще помню каждую деталь. Он взял меня за руку и повел в свою комнату. Уложив меня на своей кровати, он сел на диванчик у окна и рассказывал веселые, придуманные им самим, истории, пока не утихла буря.

Он делал это больше раз, чем я могла сосчитать. Даже в этот последний год, в больнице, когда началась сильная буря, я свернулась рядом с ним, а он выдумал сказку о том, как Белоснежке и Золушке пришлось подраться из-за красивого принца. Эта история была полна профессиональных рукопашных движений, некоторые из семи гномов поддерживали Золушку, а полевая мышь кусала Белоснежку за пальцы ног.

Хоть его истории и были невероятными, я всегда могла рассчитывать на то, что он меня рассмешит.

Делаю глубокий вдох, а затем захожу внутрь и иду завтракать.

На кухне Джо намазывает масло на кусочек тоста. Увидев меня, она берет две чашки и наполняет обе апельсиновым соком.

— Спасибо, — говорю я, когда она ставит одну передо мной. — Где мама?

Она пожимает плечами.

— Она уже гуляет. Сказала, что должна кое-что сделать, и чтобы мы ее не ждали на завтрак.

— Ох. — Я хмурюсь. Обычно она мне говорит, куда идет. Странно.

Джо наблюдает за мной, на ее лице беспокойство смешалось с грустью.

— Повеселилась вчера? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

— Все было хорошо. Правда, я никого не знала. — Ох, и, кажется, все девочки уже меня ненавидят. Решаю об этом не упоминать. Не хочу, чтобы ей захотелось подружить меня с этими девочками. Кажется, именно это она и сделает.

Она кивает и делает глоток сока.

— Есть на сегодня планы?

— Нет. — Я беру со стола банан и засовываю в тостер кусок хлеба. — У тебя есть арахисовое масло?

Она смеется и качает головой.

— Ты как твоя мама. — Она рукой показывает на шкаф позади меня. — Она всегда так ела, когда мы были моложе. — Она морщит нос. — Никогда не понимала, почему ей это нравилось. Мне нравится по раздельности, но вместе? Гадость.

— Да это лучше всего, — отвечаю я, пожимая плечами.

Пока намазываю арахисовое масло и бананы на тост, мы обе молчим. Джо присаживается и поднимает газету, которая лежит на столе. Она медленно жует и читает.

Я наслаждаюсь каждым кусочком тоста. Он напоминает мне о доме.

— Итак, у тебя и правда нет планов?

Я поднимаю взгляд и качаю головой.

— А что? Что такое?

— Мне интересно, хочешь ли ты выйти сегодня на лодке. Я собираюсь проверить голубых китов в Ньюпорте. За ними всегда весело наблюдать.

— С удовольствием! — Я удивляюсь эмоциональности своего голоса, но как можно не волноваться от того, что увидишь вживую настоящих китов?

— Замечательно. Иди готовься. Одень что-нибудь светлое, чтобы не перегреться. И не забудь про крем от загара. Твоя светлая кожа обгорит на солнце.

Засовываю последний кусок тоста в рот и бегу в комнату, чтобы переодеться.

Поездка до порта, где стоит лодка Джо, занимает пятнадцать минут. Слева от себя вижу длинный причал с рядами доков, которые тянутся в воду. Не могу поверить, что столько лодок привязаны к докам. Слишком много, чтобы сосчитать. Задаюсь вопросом, как Джо найдет свою лодку, но она находит. Ее лодка белая и довольно маленькая, но очень симпатичная.

— «Соло»? — Я улыбаюсь, когда вижу название на боку. — За этим скрывается какая-нибудь история?

Она смеется.

— Сначала я собиралась написать Хан, но затем мне захотелось чего-то более неброского.

— Ты шутишь.

— Эй, то, что я живу у моря, не значит, что мне не могут нравиться «Звездные войны».

Я поднимаю руки в защитном жесте.

— Я не прикалывалась, честно.

Она фыркает.

— Ты об этом думала. И, пожалуйста, скажи мне, что знаешь, кто это.

Конечно знаю. Кто не знает?

— Он стрелял первым.

Она растрепывает мои волосы.

— Моя девочка. А теперь запрыгивай. Давай выберемся отсюда.

Я даже не задумываюсь и залезаю на борт, стараясь держать фотоаппарат подальше от воды. Жду, когда она отцепит «Соло» от дока, и мы отплываем.

Солнце греет мою кожу, и через несколько минут осознаю, что забыла про крем. Конечно. Ну еще бы. Надеюсь, что позже у Джо найдется немного алоэ.

На небе все еще облачно, но вода тихая и изумительная. Джо направляет нас очень далеко. Я признаюсь, что немного боюсь замкнутых пространств или...думаю, наоборот, не замкнутых пространств, потому что нахожусь в огромном океане и вокруг много пространства. Достая свой сотовый и удивляюсь, что все еще есть связь. Ищу противоположное значение *клаустрофобии*, пока есть возможность. И нахожу — *агорафобия*, боязнь открытых пространств? Думаю, что такое слово пойдет.

Невзирая на то, что ощущаю себя в огромном океане очень маленькой и уязвимой, здесь очень красиво. Умиротворенно, спокойно. Думаю, что могла бы к этому привыкнуть. Только после того, как преодолю агорафобию. Я прислоняюсь к борту лодки, мои волосы развеваются на ветру. За бортом плещутся волны, и я чувствую несколько капель на своей руке.

— Итак, с какими животными ты работаешь? — спрашиваю я Джо. Мне приходится говорить громче, чем обычно, так как от мотора очень много шума. — Ты *ведь* работаешь с животными, так?

Джо смотрит на меня, ветер раздувает ее локоны.

— Я работаю со всеми видами морских млекопитающих. — Она немного замедляет лодку и снова смотрит на меня. — Я работаю в реабилитационном центре «Спасем мир морских обитателей». Мы спасаем раненных и больных тюленей, морских котиков и китообразных.

— Кито-что?

Должно быть, она увидела замешательство на моем лице, потому что улыбается.

— Китов, дельфинов и белух.

— Ох. Не знала, что у них есть групповое имя. По какой-то причине я думала, что ты плаваешь с акулами и что-то такое. Или что сидишь весь день у стола и проводишь исследование по морской биологии.

Она смеется.

— Нет. Хотя несколько раз я плавала с акулами.

— Было страшно?

— Не очень. Я оставалась очень близко к поверхности и была очень осторожной.

Я дрожу. Да мне даже миллион долларов за это не надо.

— Так кого ты уже спасала? — Я заинтригована и впечатлена тем, насколько крута моя тетя, что спасает морских животных. Серьезно. Многие могут это сказать?

— Ну, в этом месяце мы спасли нескольких морских котиков. И дельфина, который умудрился выброситься на берег. Самым интересным было спасение младенца серого кита несколько лет назад. Мы назвали ее Мэй. Несколько дней мы разыскивали ее маму в океане, но так и не нашли. У нас ушла вечность, чтобы доставить ее на берег и оказать ту помощь, в которой она нуждалась. Я очень к ней привязалась. Из-за ее размеров нам пришлось перевезти ее на другой объект, поэтому день был трудным, но самым лучшим. Сейчас у нее все замечательно. После того, как отпустили ее в океан, мы видим ее каждый год.

— Круто. Ты занимаешься чем-то еще кроме оказания помощи?

— Мы следим за тем, чтобы морские млекопитающие размножались. Уберегаем их от... ну...нас. Человек — безусловный вредитель, когда речь идет о мире морских обитателей. Мусор, разливы масел. Это очень плохо.

Я пристально смотрю на воду, раздумывая над проблемами мира. Особенно океана. Я видела несколько документальных фильмов о разливе масел, и что оно делает с животными, которым не повезло попасться. Рыбами, китами, птицами. Это ужасно. А еще есть рыболовные сети, в которые попадают дельфины и другие морские существа. И об этом грустно думать. Я так горжусь, что Джо таким образом спасает животных.

— Ты знала, что голубые киты находятся в перечне исчезающих видов?

Я качаю головой.

— Я не многое о них знаю. Только то, что они очень, очень большие.

— Самые большие млекопитающие на планете. — Она секунду осматривается и направляет нас направо. Мы проплываем туристическую лодку с людьми, и она машет капитану. Затем смотрит на меня. — Люди начали охотиться на них в 19 веке, наряду с другими видами, но, очевидно, голубые киты были самым большим призом. Они быстры и трудны для ловли, но китоловы взяли над ними верх. За более чем сотню лет они убили сотни тысяч голубых китов, пока Международная китобойная комиссия наконец не наложила запрет на убийство в 1966 году. Но, конечно, и после этого были браконьеры. Даже после того, как люди перестали убивать голубых китов, их популяция, кажется, не растет. Они удивительные существа. Умные, быстрые для своего огромного размера и добрые. Мой самый любимый вид китов.

— Никогда не видела вблизи, только на фотографиях.

— Вижу впереди небольшое стадо. — Она замедляет лодку, когда я замечаю кита, высовывающего голову из воды. Из дыхала выходит фонтан воды и пара, и я с замиранием сердца наблюдаю, как он снова погружается.

Хватаю фотоаппарат и делаю несколько фотографий.

— Они потрясающие, — говорю я, когда хвост забрызгивает воду в лодку.

— Я знаю. — Джо отключает мотор, и мы сидим и наблюдаем, как на поверхности появляются еще несколько китов. — Знаю, что они чувствуют мое присутствие, но мне они никогда не надоедали. Просто делают то, что и всегда.

В фуге от нашей лодки появляется кит и выстреливает воду из дыхала. Я засовываю фотоаппарат под кофту, когда нас окатывает водой.

Джо тянется и дотрагивается до скользкой кожи.

— Можешь потрогать, если хочешь. Так как они очень большие, то легко дотянуться и прикоснуться к ним, пока они снова не погрузятся.

Я совсем не мешкаю и протягиваю руку, ощущая прохладную гладкую кожу. Провожу по ней пальцами и смотрю, как по темной поверхности скользят капли воды. Кит двигается под

моей рукой, медленно и спокойно, пока снова не исчезает в воде.

— Кожа такая странная. Прохладная, но странная.

— Их кожа кажется странной, потому что мертвые клетки, которые они сбрасывают, пристают к поверхности. Из-за этого она липкая. Они играют роль смазки, которая позволяет им легко двигаться под водой и уменьшает сопротивление. Слой жира под кожей называется ворвань. Он удерживает тепло. Эта вода становится очень холодной, а у них есть жир, поэтому холод не ощущается.

Джо такая умная.

— Мило.

С другой стороны лодки появляется еще один кит, и я зачарованно наблюдаю, как его длинное тело проплывает мимо нас и наконец исчезает под водой. Поразительно, какие киты огромные! Кажется, что ничто не может причинить им боль. Кроме браконьеров, думаю. Пока я наблюдаю, мимо проплывают еще несколько китов. И я удивлена, что их близость для меня нормальна. Они могли бы за секунды выбить нас из лодки и отобедать нами. Но я знаю, что киты не едят людей. Ну, кроме того случая с Иной. Хотя, так ему и надо.

— Ты становишься красной. Готова вернуться?

— Конечно. — Я смотрю на руки и удивляюсь легкому розовому загару. Не думала, что мы здесь так долго.

— Влияние солнца больше, когда находишься в окружении воды, — объясняет Джо. — А с твоей светлой кожей у тебя нет шанса.

— Думаю, в этом есть смысл.

— Ты забыла свой крем, да? — Она улыбается мне.

— Эм... — Я умолкаю и смотрю на китов.

Слышу, как она фыркает позади меня.

— Я тебя предупреждала. Дома у меня есть алоэ. А учитывая то, насколько ты уже обгорела, сегодня оно тебе наверняка понадобится.

Я пожимаю плечами. Не велико дело. Оно того действительно стоило.

По пути домой Джо закупила для нас обеих в Макдоналдсе. Когда через несколько минут мы заехали на подъездную дорожку, она взяла пакет и улыбнулась.

— Как насчет пикника на пляже? Я пока не хочу заходить.

— Звучит хорошо, — отвечаю я. — Мне нужно забежать в дом и нанести быстренько немного крема. И возьму пляжное полотенце, пока буду там.

— Хорошо. Подожду тебя снаружи.

Я вбегаю по ступенькам и захожу внутрь. Когда прохожу мамину комнату, открываю дверь, чтобы посмотреть, там ли она, но комната пуста. Куда она ушла? Она здесь никого не знает, и почему ушла, не сказав мне? Качаю головой и иду в свою комнату, стараясь не беспокоиться. Я беру со стола крем и втираю в руки, плечи и лицо, а затем направляюсь на улицу, засунув под руку покрывало.

Через пять минут мы сидим в нескольких ярдах от воды, расслабляясь и наслаждаясь едой.

— Ты часто так делаешь? — спрашиваю я, засовывая в рот последнюю порцию картошки фри.

Она качает головой.

— Не особо. Последний раз был с моим бывшим парнем. — Она фыркает. — Хотя, я бы лучше не говорила о нем. Он старая песня.

— Ох. Хорошо. — Я в какой-то степени рада; что-то говорит мне, что жизнь Джо действительно сложна.

— Эй, Джо! — кричит кто-то с другой стороны пляжа. Мы обе смотрим и видим Карсона, который бежит к нам, неся в руках доску для серфинга. Он мокрый с головы до ног и все еще немного хромотает, но, очевидно, чувствует себя достаточно хорошо, чтобы снова серфить.

— Карсон, тебе лучше следить за ногой. Не стоит так быстро возвращаться к занятиям серфингом.

Он пожимает плечами, и его взгляд устремляется ко мне, но только на секунду.

— Да ничего. Собственно, восстанавливаюсь.

Она хмурится.

— Просто забинтовывай ее. Ты же не хочешь, чтобы болело еще больше. А если пойдет кровь, ты знаешь, к кому можешь обратиться.

— Знаю. Не беспокойся, Джо. Я даже не плаваю на доске, сегодня я обучаю. — Он улыбается и смотрит на меня. — Привет, Окли. Приятно снова тебя видеть.

— Привет. — Я отказываюсь смотреть на Джо. Чувствую, что она наблюдает за мной, и молюсь, чтобы она не сказала ничего, что могло бы меня смутить.

— Ну, просто решил поздороваться. Мне лучше вернуться. Меня ждут мои ученики. — Он отступает назад, все еще смотря на меня, пока наконец не поворачивается и бежит обратно в воду.

Он дает уроки серфинга? Ого. Пока наблюдаю за ним в воде, вспоминаю совет Лукаса на сегодняшний день. *Научись чему-нибудь новому.* Как насчет серфинга? Точно. Будто я смогу ему научиться. Карсон, возможно, занимается серфингом с тех пор, как был маленьким мальчиком. А мне семнадцать. Я как та дурацкая поговорка: старую собаку

новым фокусам не научишь.

Но что, если я *могла бы* поучиться серфингу? Интересно, сколько он берет? Может, если увижу его, спрошу об этом. Научиться чему-то новому было бы для меня хорошо.

Я все еще чувствую, что Джо смотрит на меня. Бросаю на нее украдкой взгляд и хмурюсь, увидев ее улыбку.

— Он хороший парень. Ты и правда должна провести с ним время.

Я вздыхаю.

— Он кажется таким, но я здесь не для того, чтобы встречаться с людьми. Я уеду через несколько месяцев. — Скрещиваю руки и снова наблюдаю за Карсоном в воде. — Кроме того, он меня не приглашал, поэтому, как я могу провести с ним время?

— Ох, не знаю. Ты всегда можешь пригласить *его*.

Я усмехаюсь.

— Ты правда можешь себе представить, как я кого-нибудь приглашаю на свидание? Да я даже не могу смотреть людям в глаза, когда говорю с ними.

Джо смеется.

— Ты не *настолько* стеснительна.

— Ох, поверь мне. Я бы ни за что не набралась мужества, чтобы пригласить парня. Особенно того, которого едва знаю. И разве не парень должен приглашать девушку на свидание?

— Детка, на дворе двадцать первый век. Девочки сейчас всегда приглашают парней.

— Знаю. Просто... не могу. Это странно.

— Очень жаль. — Она встает, берет обертки от нашего обеда и направляется к дому. Я наблюдаю, как Карсон стоит на песке и разговаривает с мальчиком, которому около восьми лет. Он что-то говорит и показывает на волны, ерошит волосы ребенка и входит в воду вместе с ним.

Он выглядит таким непринужденным. Расслабленным. Милым.

Я трясую головой. Как глупо. Мне не нужно отвлечение в виде парня. Я пытаюсь найти себя. Или двигаться дальше. Начать все с начала. Смотрю на него в последний раз, а затем следую за Джо к дому.

Я удивляюсь, когда вижу маму, когда мы заходим в дом. Она говорит по телефону и выглядит так, будто не спала несколько дней. Она видит меня, перестает разговаривать и слегка мне улыбается. Уверена, что на другом конце папа, но не задерживаюсь надолго, чтобы это выяснить. Даже если и хочу знать, где она была весь день, то у меня нет желания выяснять, что происходит между ними. Не сейчас. По тому, как выглядит мама, можно сказать, что не все хорошо.

Иду в свою комнату, переодеваю потный топик и шорты и надеваю желтый сарафан. Я не огромный фанат платьев, но мне нравится яркий цвет. Снаружи ужасно жарко, поэтому хорошо бы одеть что-то светлое. Наношу на руки и лицо побольше крема от загара, беру фотоаппарат и направляюсь на пляж. У меня нет плана, куда я иду, но снова оказываюсь у водоемов.

Как только я оказываюсь там, делаю несколько фотографий камней, океана и морских звезд. Они все еще находятся близко к поверхности, и в этот раз я совсем не раздумываю, кладу фотоаппарат на камень и тянусь рукой в холодную воду, чтобы взять одну. Я немного морщусь, когда отрываю ее от камня, и переворачиваю, чтобы посмотреть на маленькие присоски на другой ее стороне. Интересно, это маленькое отверстие посередине — рот? Я

совсем не являюсь экспертом в анатомии морских звезд, поэтому понятия не имею. Может, отыщу ответ на этот вопрос, когда вернусь домой.

— Тебе и правда нравятся эти морские звезды.

Я подпрыгиваю и ругаюсь, когда практически сталкиваю фотоаппарат в воду.

— Извини, — говорит Карсон. — Кажется, я всегда тебя пугаю.

— Да, у тебя своего рода привычка появляться из ниоткуда. — Я улыбаюсь и отползаю от воды, убеждаясь, что платье опущено. Я не осознавала, насколько неженственно сидела здесь до того, как он появился. Надеюсь, он этого не заметил. — И да, мне очень нравятся морские звезды. Они очень клевые. Не такие клевые, как киты, но все равно интересные.

— Киты потрясающие.

— Так и есть. Джо чуть ранее брала меня с собой на прогулку на лодке и показала стадо голубых китов. Я увидела их собственными глазами! Это было классно.

Он кивает.

— Твоя тетя самая крутая. Не возражаешь, если я присяду? — Он показывает на камень возле меня.

Я улыбаюсь ему.

— Я не против компании. — Когда эти слова срываются из моих губ, я понимаю, насколько они правдивы.

Он присаживается и совершенно расслабленно облокачивается на руки. В его светлых волосах капельки воды, и он проводит по ним рукой, чтобы убрать их. Он все еще одет в гидрокостюм, верх которого опущен и висит вокруг талии. Я не могу не пялиться на его рельефную грудь. Она хороша. Достаточно хороша для меня, чтобы пялиться на нее, как идиотка. Чем я все еще и занимаюсь.

— Тебе нравится все время быть одной?

Его вопрос застигает меня врасплох, и я перевожу взгляд от его тела на воду.

— Нет, не особо. — Ненавижу это, особенно с тех пор, как я привыкла проводить время с Лукасом в больнице. Мне не хочется признавать свое одиночество, но именно это слово приходит на ум. — Просто я никого здесь не знаю, поэтому у меня и выбора-то нет.

— Тогда ты должна гулять с нами. — Он кладет руку на мое плечо и сжимает его, а затем снова отклоняется назад.

Я слегка ему улыбаюсь.

— Я очень даже уверена, что не особо понравилась тем девочкам, которым ты представил меня вчера.

Он странно смотрит на меня и качает головой.

— Это просто девочки. Они стесняются, пока не познакомятся. — Он подталкивает меня плечом. — Думаю, они такие же, как и ты.

— Наверное. — Я осознаю, что все еще держу морскую звезду.

— Просто брось ее в воду, и она, наконец-то, сама вернется к камню. Только постарайся не кинуть на спину, а то прилипнет.

— Вчера я спасла морскую звезду, которая приклеилась своей спиной, — сообщаю ему. Я склоняюсь над водоемом, кидаю ее и наблюдаю за ней, пока она не приземлится на дно. Интересно, ругается ли она на меня за то, что теперь ей придется снова забираться по камням.

— Замечательно, — говорит он.

Я отклоняюсь и не осознаю, насколько он близок ко мне, пока не поворачиваюсь, чтобы

посмотреть на него. Его лицо расположено в нескольких дюймах от моего, а взгляд карих глаз становится ярким и любопытным. У него перехватывает дыхание, и взгляд опускается на мои губы. Мое сердце колотится, и я осознаю, что даже не двигаюсь. Что я делаю? Я должна скорбеть. А не сильно желать какого-то парня.

Я, смущенная и злая на себя, немного отодвигаюсь и вытягиваю перед собой ноги. Он делает то же самое, его ноги вытянуты в нескольких дюймах от моих. Мы какое-то время сидим и не говорим. Я не могу посмотреть на него, так как тот момент был своего рода неловким. Вместо этого я делаю фотографии серферов в воде, а он показывает мне разных созданий в водоемах.

Я ахаю, когда вижу парня, который очень сильно врывается в волну на своей доске, но он выныривает, отряхивается и снова устремляется в заплыв.

— Не знаю, как вы, парни, это делаете.

Карсон поднимает голову.

— Серфим?

Я киваю.

— Кажется, что это сложно. А когда волны заталкивают тебя под воду... — Я потираю мурашки на руках и качаю головой.

— Не так уж и плохо. Как только встанешь первый раз, станет легче.

— Сомневаюсь в этом. — Я вижу, что тот же парень снова падает. Это могла бы быть я. Нет... Я упала бы намного быстрее, чем он.

— Я тебя научу, если ты в этом заинтересована.

Мое сердце колотится.

— Правда? — Я смотрю на него, но он не замечает и снова смотрит на волны.

— Конечно. С удовольствием. — Он пристально смотрит на меня в течение секунды, а потом снова отворачивается.

Я откладываю фотоаппарат. *Научись чему-нибудь новому.* Часть меня напугана, а другая часть — взволнована. Это определенно очистит мои мысли. А когда тебя обучает сексуальный серфер... Я склоняюсь к нему.

— Можем начать завтра? — Улыбаюсь и краснею от того, насколько я развязна. — Я имею в виду...

— Знаешь, что я тебе скажу? Если позволишь мне провести сегодня вечером для тебя экскурсию, то я начну наши уроки завтра.

— Почему ты хочешь провести для меня экскурсию?

Он пожимает плечами и поигрывает с коричневым браслетом на запястье, не встречаясь со мной взглядом.

— Мне нравится выбираться в город, а ты новенькая и должна все посмотреть. И приятно, когда рядом со мной будет симпатичная девушка.

Я смеюсь. Он говорит так, будто из другого века.

— Звучит очень банально, да? — Он тоже смеется. — Я старался быть вежливым, а не странным. Хотя я серьезен. Я буду не против компании, а кто, если не ты?

— Ох. — В этот раз, клянусь, все мое тело окрашивается в красный цвет. Мне льстит, что он думает, будто я достаточно интересна, чтобы со мной погулять, но я совсем не уверена, что сказать. Я приехала сюда не в поисках отношений... но, честно говоря, я могу завести друга.

— Так ты пойдешь?

Смотрю на него и стараюсь не потеряться в его карих глазах. Что, на удивление, сложно.

— Конечно. Во сколько?

Он встает, и я беру фотоаппарат, когда он протягивает мне руку и помогает подняться.

— Как насчет шести часов? Мы можем поужинать, и я покажу тебе причал.

— Хорошо.

— Не возражаешь, если я тебя провожу?

Я качаю головой.

— Нет.

Он помогает мне спуститься с камней и берет свою доску, которая лежала на песке. Я даже ее не заметила прежде. Она желтая, практически такого же цвета, как мое платье. Он поддерживает ее одной рукой, и я снова не могу не смотреть на него.

— Сделала сегодня хорошие снимки?

— Да, несколько.

— Ты должна мне показать некоторые из них. Как-нибудь... — Он замолкает и улыбается, увидев выражение моего лица. — Что?

Я кручу свои руки и пожевываю губу.

— Не знаю. Я вообще-то не многим показываю свои работы.

— А стоило бы. Могу сказать, что тебе это нравится. Фотографировать, я имею в виду.

— Это весело. И, думаю, исцеляет.

— Исцеляет?

На секунду останавливаюсь и прочищаю горло.

— Эм...не обращай внимания. — Не хочу развивать эту тему.

К счастью, он не продолжает.

Мы доходим до дома быстрее, чем мне бы этого хотелось. Хорошо гулять с кем-то, кто такого же возраста, как и я.

— Тогда увидимся вечером?

— Да. Спасибо, что проводил.

Он похлопывает меня по спине, и его рука задерживается немного дольше, чем следовало.

— Не за что.

Я прощаюсь и захожу в дом, закрывая за собой дверь. Не уверена, что и думать об этом. Я правильно поступаю? Мама сказала мне завести друзей, но я и парень, наедине? Не уверена, что это именно то, что она имела в виду. Даже если так, он сказал, что научит меня заниматься серфингом. И Лукас бы гордился мной за то, что я научусь чему-то новому. Так что главная причина того, что я иду с Карсоном, заключается в том, что хочу отблагодарить его за желание научить меня серфить. Да. Именно так. Это не свидание и не романтическая прогулка по причалу. Только бизнес.

С этой мыслью направляюсь в комнату и просматриваю кучу одежды в своем шкафу. Что мне сегодня надеть?

Глава 7

Я пристрастилась к беспорядочным мыслям Лукаса. Прежде чем начинаю нервничать по поводу Карсона, читаю запись в тетради. Его слова успокаивают. Я знаю, что лучше подождать и оставить по письму на каждый день, но мне нужно прочитать, что он скажет дальше.

Дорогая Окли,

Ты ведь знаешь, как я люблю петь дома в душе? Здесь я тоже это делаю. Мальчик с моего этажа говорит, что у меня чертовски потрясающий голос. Он даже порекомендовал мне спеть завтра. Думаю, забавно, что он может меня слышать, потому что находится в конце коридора. Это значит, что я пою громче, чем думал. Может, немного сбавлю тон...

Но нет. Я хорош.

Я бы предложил тебе спеть дуэтом, но ты знаешь...Ха-ха.

С любовью, Лукас.

И зачем ему пришлось снова напоминать о моем ужасном голосе? С улыбкой на лице закрываю тетрадь и иду готовиться.

Карсон забирает меня в шесть часов. Когда я открываю входную дверь, он смотрит на меня внимательно и прочищает горло.

— Ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо. — Я бы не сказала, что *потрашающе*, но я нанесла немного макияжа и действительно продумала свою одежду. Которая, так как прогулка всего лишь деловая, совсем не имеет смысла. Смотрю на свой светлый синий топик и любимые джинсы и вспыхиваю. Они не самые красивые, но приходится признать, что в них моя задница выглядит отлично. По крайней мере, так говорили мои друзья.

— Привет, Карсон. — Из-за угла выглядывает Джо и машет рукой.

— Привет, Джо! Тебе в ближайшее время понадобится моя помощь?

— Уверена, что обращусь к тебе на этой неделе. Просто заглядывай в любое время. —

Она улыбается и уходит.

Я не прощаюсь с мамой. Не видела ее с той поры. Возможно, завтра спрошу у нее насчет телефонного разговора с папой, и почему она все время выглядит такой уставшей, но прямо сейчас я хорошо проведу время.

— Готова? — спрашивает Карсон.

— Ага. — Ладошки потеют и, к удивлению, подмышки тоже. Как неловко! Нужно было надеть кофту потемнее.

Карсон чувствует себя свободно и идет к своему джипу. Пялюсь на зверя перед собой. Никогда прежде не ездила на джипах. Он зеленый и черный, и, насколько я уверена, в нем очень ветрено. Как хорошо, что убрала волосы в хвостик. Карсон открывает пассажирскую дверь, и я забираюсь, руки трясутся.

— Хорошая машина, — говорю я, когда он забирается на водительское сиденье и заводит ее.

— Спасибо. Это моя детка по имени Хельга.

Хельга? Думаю, что это своего рода смешно, когда парни дают имена своим машинам, но решаю оставить эти мысли при себе.

Мы сидим в тишине, пока он ведет машину по улице. Я не знаю, что сказать, как себя вести. Понятия не имею, куда деть свои руки, поэтому кладу их на колени. Мне хочется скрестить их на груди, но думаю, что буду выглядеть так, будто мне некомфортно или холодно, когда на самом деле закипаю. И, вообще-то, все еще потею. Просто отлично!

Я не знаю, куда он меня везет или что мы собираемся делать, но просто рада выбраться из дома с кем-то посторонним. И, в качестве бонуса, с очень привлекательным и хорошим человеком.

Через несколько минут езды он заезжает на парковку. На улице выстроилось в ряд множество миленьких магазинчиков, и он паркуется напротив магазина для серферов, который называется «Nye's Surf Shop». Он выходит из машины, и я делаю то же самое. Не собираюсь заставлять его обходить машину, чтобы открыть для меня дверь, что, судя по выражению его лица, он и собирался сделать. Я улыбаюсь и пожимаю плечами.

Это не свидание. Я должна продолжать напоминать себе об этом.

Воздух теплый, легкий ветерок раздувает мои волосы. Я скрещиваю руки и присоединяюсь к Карсону, и мы идем к магазину вместе.

Рядом с дверью установлен белый знак с ярко-синими буквами: ПРОВОДЯТСЯ УРОКИ СЕРФИНГА. ПОДРОБНОСТИ ВНУТРИ.

Интересно, Карсон пригласит кого-нибудь из этого магазина для моих уроков по серфингу, вместо того, чтобы обучать самому? Прежде чем успеваю спросить, он открывает дверь-ширму, на которой звенит маленький колокольчик. Ждет, пока я войду, и закрывает за собой дверь.

Магазин потрясающий. Везде можно увидеть серферные доски, самых разных цветов, какие только можно представить. Они висят на проволоках, прикрепленных к потолку, прислонены к стене, а некоторые даже висят на стенах. Я не уверена, являются ли они декорацией или и правда доступны для покупки.

Замечаю ценник на одной из досок, и вот вам и ответ.

По всему магазину расположены стойки, на которых висят кофты, гидрокостюмы, пляжные шорты и топы. Шляпы, солнечные очки и остальные аксессуары находятся на стендах. Вижу симпатичную пару розовых пляжных шортов и останавливаю себя от того, чтобы проверить цену. Я здесь не ради покупок, но если бы так и было, я бы их определенно купила.

— Привет, Диллон, — здоровается Карсон.

Поднимаю голову и вижу Диллона за стойкой. Он растирает что-то по оранжевой доске и, когда видит меня, расплывается в улыбке.

Делаю шаг вперед и оказываюсь рядом с Карсоном. В магазине пахнет кокосами, и я не знаю, от Диллона или от доски.

— Окли, — произносит он, снимает с головы солнцезащитные очки и показывает на логотип. Затем смеется.

Как будто я никогда не слышала эту шутку! Но все равно улыбаюсь.

— Что привело вас сюда? — Он смотрит с любопытством на Карсона.

— Просто пригласил Окли посмотреть на причал.

Так вот куда мы направляемся. Причал Хантингтон. Я слышала о нем, но, разумеется, никогда там не была.

Диллон смотрит на Карсона таким взглядом, который я не могу прочитать.

— Правда? Круто.

— Только сначала прокатимся на велосипедах.

Что? Он шутит?

— А почему вы просто не приехали на велосипедах вместо машины?

— Потому что мой велосипед здесь. И велосипед Кеилани, которая не возражает, если его возьмет Окли.

Диллон смеется.

— Это ты так думаешь. Она надерет тебе зад, когда узнает.

Карсон смеется.

— Я с ней справлюсь.

Я с широко открытыми глазами смотрю на них обоих. Он побьет девочку из-за велосипеда? Должно быть, это шутка.

— Я освобожусь через час или около того. Может, присоединюсь к вам, — говорит Диллон.

Карсон бросает на меня взгляд и задумывается, прежде чем ответить:

— Конечно.

— Покажем Окли, как хорошо проводить время. — Он улыбается. — Здесь можно заняться кучей всего.

— Похоже, быть вечеринке, — говорю я. Диллон приподнимает бровь и шаловливо улыбается мне, подтверждая тот факт, что я сказала что-то неправильно.

Карсон, стоя рядом со мной, прочищает горло.

— Готова?

— Конечно.

Но по правде — нет. Я несколько лет не каталась на велосипеде и достаточно уверена, что это будет катастрофа. Вообще-то, не сомневаюсь, что именно так и будет.

— Увидимся позже, Дилл, — говорит Карсон.

Чувствую на себе взгляд Диллона, когда следую за Карсоном к задней части магазина.

Он проводит меня через дверной проем, на котором свисают бусы, мимо кучи досок для серфинга и коробок, и наконец приводит к самой задней части магазина. К стене прислонены несколько велосипедов, и он показывает на светло-синий и протягивает мне шлем.

— Можешь поехать на этом.

Я пристально смотрю на него, в руке у меня шлем.

— Что? — спрашивает он. — Ты ведь знаешь, как кататься на велосипедах?

— Ну да, но...

— Тогда все будет хорошо. — Он улыбается и открывает заднюю дверь. Темнеет, но везде светят уличные фонари. Он выкатывает свой велосипед на тротуар. Снаружи людно, хотя почти уже конец дня. Каково всегда жить в этом месте? Не думаю, что возражала бы против этого.

— Это прогулочная дорожка, но я уверен, ты это уже знаешь. Дорожка та же, что расположена через улицу от дома твоей тети, но мы в шести милях от него. Она тянется от Сансет Бич, проходит девять миль через Хантингтон Бич, а затем, через три мили или больше, достигает Ньюпорта. Отличная тренировка, если тебе такое нравится.

Я киваю.

— Круто.

— Причал вон там. За всеми этими магазинами.

Смотрю туда, куда он показывает, — на толпу покупателей, и я чертовски уверена, что кого-нибудь задавлю.

— Вот куда мы поедем. — Он улыбается и надевает свой шлем. — Никого не задави, хорошо? — Он ухмыляется и седлает свой велосипед.

— Постараюсь. — Чувствую себя очень неловко, но надеваю свой шлем и перекидываю ногу через сиденье позаимствованного велосипеда. Он немного большой для меня, и мои ноги едва касаются земли. Карсон ставит ноги на педали и подпрыгивает ко мне. Он определенно увлекается велосипедами. Моя подруга Эмми отлично бы с ним поладила. Смотрю, как Карсон еще несколько раз подпрыгивает, а затем он замечает мой взгляд и смеется.

— Не беспокойся. Я останусь с тобой.

Не очень убедительно, но я улыбаюсь и притворяюсь, что мое сердце не выдает миллион ударов в секунду. Отталкиваюсь от земли и сначала немного покачиваюсь; мои ноги находят педали, и мы отъезжаем.

Проезжаем мимо толп людей, которые очень дружелюбны, большинство из них несет пакеты с покупками. У многих есть собаки, и я стараюсь увести велосипед настолько далеко, насколько возможно, чтобы не сбить кого-то или не раздавить.

Клянусь, дорога до причала занимает будто вечность, но, возможно, прошло всего пять минут. Я потею и немного задыхаюсь, что глупо. Мы не так уж далеко уехали.

Карсон спрыгивает с велика и подкатывает его к стойке для велосипедов, достает два замка и прикрепляет свой одним из них. Я покачиваюсь и упираюсь ногами, чтобы остановиться. Пальцы ног бороздят землю, и я радуюсь, что вместо шлепок обулась в нормальные туфли. А то случилась бы беда.

— Вот, — говорит он, пристегивая мой велосипед рядом со своим. Отступает назад и глубоко вдыхает. — Пойдем поедим что-нибудь стоящее.

Везде люди. Многие женщины одеты в верх от ленточного бикини и короткие шорты. Несколько парней стоят у бара, половину их тел и рук покрывают татуировки. Парни держат в руках напитки и выглядят так, будто хорошо проводят время. Мы проходим мимо парня, который играет на каких-то маленьких барабанах, и мимо парня лет двадцати, который поет и играет на гитаре.

Я впитываю все вокруг, отличающееся от дома. Знаю, мои родители опекали меня, и это, похоже, заметно.

Карсон останавливается у палатки с хот-догами.

— Самые лучшие хот-доги, которые ты когда-либо пробовала, — произносит он. — Я прикинул, что смогу показать тебе больше, если мы возьмем хот-догов. Отведу тебя как-нибудь к Руби. — Он показывает на здание с красной крышей, расположенное в конце причала.

Я улыбаюсь.

— Круто.

Он подходит к окошку и заказывает два хот-дога, затем поворачивается ко мне.

— Чем полить твой?

— Немного кетчупа и много горчицы.

Через несколько минут мы гуляем по мосткам, держа в руках хот-доги. И Карсон не

врал. Эти хот-доги действительно самые лучшие из всех, что я пробовала.

— Горчица? Я предпочитаю больше кетчуп. И релиш.

Морщу нос.

— А я не поклонница релиша. Или солений. Хотя мне нравится их запах. Знаю, это странно.

Он смеется и кидает обертку в мусорку.

— Ты веселая.

Откусываю еще кусок и тоже выкидываю свою обертку.

Продолжаем идти.

— Итак, чем занимаешься? Я имею в виду...у тебя есть хобби? Кроме фотографирования?

— Вообще-то нет. — Я стесняюсь. — Немного играю на гитаре, но в остальном...

— Серьезно? Всегда хотел научиться игре на гитаре. — Он засовывает руки в карманы и смотрит на землю, пока мы идем. — Я не особо склонен к музыке. — Ловит искоса мой взгляд и ухмыляется.

Я чувствую, как краснеют мои щеки, и прочищаю горло. Понимаю, что кручу на пальце кольцо, и прекращаю. Почему рядом с ним я так нервничаю? Мы же не на свидании.

— Я тоже не одарена музыкально. Моя мама заставляла меня в детстве брать уроки фортепиано, и я их ненавидела. Она настаивала на том, чтобы я научилась играть хотя бы на одном инструменте, но я никогда ни перед кем не сыграю.

Он откидывает назад голову и смеется. У него хороший смех. Не странный и не раздражающий, как у парней, которых я знаю. Просто...хороший.

— Ты имеешь в виду, что тебя не заставляли в школе ходить на хор?

— Да меня бы оттуда выгнали. Я отстойно пою. — И это правда. Лукас никогда не позволял мне забыть об этом. Это у меня от папы — абсолютно лишена музыкального слуха.

— Я в это не верю.

— Очень даже зря. Как бы мне хотелось петь, но я просто не могу. Поэтому, вместо того, чтобы выставить себя дурой, я решила брать уроки игры на гитаре. — Пожимаю плечами. — Хочу однажды научиться играть на барабанах, но сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет. Хотя мне нравится гитара.

— Ты должна мне как-нибудь сыграть.

Маловероятно.

— Возможно, — отвечаю я.

— Или ты можешь научить меня играть. — Он подталкивает меня плечом. — Уроки игры на гитаре за уроки по серфингу. Как думаешь?

Останавливаюсь и пристально смотрю на него. Он выглядит оптимистично.

— Ты серьезно?

Он пожимает плечами.

— Думаю, что это равноценная сделка, не так ли?

Не знаю, что и сказать. Это значит, что мы будем проводить больше времени вместе. Как к этому относиться? Хотя он очень хорош. И хорошо пахнет. И на него приятно смотреть... не то чтобы я заметила.

— Конечно, — отвечаю я.

Мы оба улыбаемся, и я снова стараюсь не нервничать. Но из-за того, как он смотрит на меня, я чувствую себя...странно. Но по-хорошему странно. Что само по себе довольно плохо.

Он наконец отводит взгляд и прочищает горло.

— Кажется, у Руби сегодня забито до отказа. — Он показывает на ресторан в конце причала. Снаружи стоят несколько людей. Смотрю, как рыжеволосая девушка примерно моего возраста льнет к своему парню, пока они стоят в очереди. Он проводит носом по ее щеке, и она хихикает, а затем поворачивается и целует его. Они выглядят такими счастливыми. Будто ничто в этом мире их не разлучит.

Завидую им. Не потому, что они влюблены, а потому, что они есть друг у друга. Им есть с кем смеяться. С кем гулять. Думаю о Лукасе, и мое настроение ухудшается. Как отстойно в этом мире.

— Ты в порядке?

Смотрю на Карсона и натягиваю улыбку.

— В порядке.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мы подходим к краю причала и прислоняемся к перилам. Солнце, скрываясь за горизонтом, отражается от воды — красный цвет, оранжевый и желтый. Оно такое яркое, что почти ослепляет, но я все равно не могу отвести взгляд.

— Здесь красиво. — Я вдыхаю соленый воздух. Как бы мне хотелось, чтобы Лукас был здесь. Ему бы понравился пляж. Ну вот опять. Думаю о Лукасе. Снова. Перевожу все свое внимание на Карсона, намереваясь заблокировать свои депрессивные мысли.

Он, слегка улыбаясь, внимательно смотрит на океан.

— Мне не хотелось бы жить где-то еще. Это мой дом.

— Я с удовольствием жила бы на пляже. Здесь так мирно. И есть много чем заняться. Купаться и серфить, кататься на лодке. С удовольствием бы бегала или каталась на велосипеде, с таким-то пейзажем. — Не то чтобы я каталась на велосипеде дома. У меня была подруга, которая с ума сходила от катания на горном велосипеде, но мне не удалось научиться. Если быть честной, мысль о том, чтобы спуститься вниз по горе, покрытой камнями и грязью, меня пугала. Хотя, если бы я могла ездить по твердому асфальту недалеко от пляжа, то так бы и делала.

— Здесь большей частью времени хорошо, — говорит он. — Хотя бури могут быть очень сильными. — Он склоняется вперед и упирается руками о перила. — Так ты здесь на несколько месяцев?

Я вздыхаю.

— Да. Моя мама...эм...Мы здесь в продолжительном отпуске. Только до лета.

Жду, когда он спросит, почему, но он молчит. Из-за чего нравится мне еще больше. Он уважает мое личное пространство, хотя я знаю, что он в курсе, что я что-то скрываю. А это не так. Мне просто не хочется разговаривать о себе или о Лукасе, или о моих родителях и о том, что между ними происходит.

— Итак, насчет уроков игры на гитаре.

Я улыбаюсь. Не могу скрывать улыбку. Кажется, будто он знает, в какой момент со мной необходимо поговорить о чем-то несерьезном. Он почти считывает мое настроение. Это напоминает мне Лукаса. Он всегда знал, какое у меня настроение, даже лучше, чем я сама.

— Ты и правда серьезно насчет этого?

— Конечно!

— Я не очень хорошо играю.

— Ты бы не согласилась меня обучать, если бы не была в этом хороша.

Я смеюсь.

— Я еще ни на что не согласилась.

— Посмотрим.

Вокруг моего плеча оборачивается рука, и меня внезапно прижимают к чьей-то подмышке. До этого момента я и не осознавала, насколько сильно болят мои плечи от загара. Чертовски болят. Я стараюсь вывернуться.

— Привет, ребята!

Это Диллон. Я улыбаюсь, когда он перемещает руку, но не отпускает меня.

— Привет, — говорю я. Снова пахнет кокосом, как в магазине досок. Так это было от него! Разве парни должны так пахнуть? Вспоминаю свой кокосовый лосьон дома и представляю, как он намазывает его толстым слоем по рукам и ногам. Он не кажется таким.

Карсон в течение секунды смотрит на нас и отворачивается к океану.

— Закрыв магазин?

Диллон смеется и ударяет его по руке.

— Конечно. Не беспокойся, брат.

— Спасибо. Много сегодня народу было?

— Сегодня не особо. Несколько ребят выбрали доски, но на этом все. Вечер пятницы ведь. Ты знаешь, как они проходят. А вот завтра работенки будет много.

Карсон кивает.

— Кто работает завтра?

— С утра пораньше я и Кеилани. У тебя с папой вечерняя смена.

Он стонет.

— Замечательно.

Я удивляюсь его реакции. Не только у меня одной проблемы с родителями?

— Ты можешь, по крайней мере, прокатиться на волнах с утра, — говорит Диллон. — Как бы мне этого хотелось.

Карсон просто пожимает плечами.

— Вы с Кеилани можете пойти позже. Уверен, она с удовольствием надерет тебе зад.

Диллон хмурится.

— Чувак. Не стоит постоянно об этом напоминать.

Карсон смеется.

— Нет, стоит.

Интересно, кто такая Кеилани. Смотрю на Карсона, ощущая, что рука Диллона все еще находится на моем плече. Кожа горит. Нужно напомнить себе, что стоит нанести алое, когда вернусь домой.

— Так ты тоже работаешь в магазине для серферов, Карсон?

Диллон фыркает.

— Он там не работает. Он им владеет.

У меня отвисает челюсть.

— Правда? — Я должна была помнить, что у Карсона фамилия Най, но, очевидно, забыла.

— Это магазин моего отца, но он позволяет мне им руководить. — Он пожимает плечами. — Это не так уж и важно.

— Как скажешь, — говорит Диллон. — Это самый лучший магазин для серферов. С

доступными по цене и профессиональными уроками серфинга, которые преподает Карсон и ваш покорный слуга. Туристы отовсюду приезжают, чтобы поучиться у нас. Спроси любого.

Клянусь, Карсон краснеет, но не отрицает. Он встречается со мной взглядом.

— Готова идти или хочешь еще остаться?

— Возможно, мне стоит собираться домой. Я весь день не видела маму. — Думаю о том, что снова придется ехать на велосипеде, и стараюсь не выглядеть обеспокоенной. Ехать в дневное время — одно дело. А вот в темноте...

— Ох, да ладно вам, я только пришел. Давайте немного погуляем, — просит Диллон.

— Она права, Дилл. Не хочу, чтобы Джо меня побила, если не привезу ее в определенный час. — Он улыбается. — Потому что, честно? Она определенно может меня побить.

Диллон фыркает.

— Хорошо. А я здесь подзадержусь. — Он сжимает мое плечо и, даже несмотря на то, что делает это не сильно, мой солнечный ожог жжет, и я морщусь. — Увидимся через два часа.

— Солнечный ожог? — спрашивает меня Карсон, когда мы идем обратно по причалу.

Я удивленно смотрю на него.

— Откуда ты знаешь?

— Тебе будто было больно, когда он сжал твое плечо. И лицо немного красное.

Останавливаюсь и ощупываю свое лицо.

— Насколько красное?

Он улыбается и протягивает руку, слегка касаясь костяшками моей щеки.

— Не беспокойся. Красный тебе идет. — Он убирает руку и все еще смотрит на меня.

Кожу на щеке в том месте, где он дотрагивался, пощипывает, и я выдыхаю, хотя даже не знала, что задерживала дыхание. *Скажи что-нибудь. Скажи что-нибудь.*

— Так...эм...мы должны идти? Поздновато уже. — Язык мой — враг мой. Даже не соображаю, что говорю.

Еще даже не так поздно.

Он снова всматривается в мое лицо, а затем прочищает горло.

— Да.

Стараюсь игнорировать нервно колотящееся сердце, пока идем обратно к велосипедам, но, как только оборачиваюсь, одна его крохотная улыбка способна заставить мое сердце вновь колотиться.

Никто никогда на меня так не смотрел.

Поездка обратно до магазина для серферов прошла без особых событий. За исключением того, что почти переехала собаку, я успешно справилась.

Карсон закрывает велосипеды в магазине, мы направляемся к его джипу и едем домой. Оба молчим, каждый потерял в своих мыслях. Я стараюсь смотреть на дорогу, но время от времени обнаруживаю, что поглядываю на него. Мы такие разные. Он добрый и веселый и, кажется, всем нравится. Как бы мне хотелось так же комфортно чувствовать себя среди людей. И до меня доходит, уже не в первый раз, что, возможно, это осуществимо, если я научусь впускать всех в свою жизнь.

Он настраивает радио, пока ведет машину, и посматривает на меня, слегка улыбаясь. Мне тоже хочется быть такой беззаботной и веселой.

Возможно ли найти счастье, когда кажется, будто потерял не только себя, но и всех,

кого любишь? В каком-то смысле, для меня потеряны все, независимо от того, живы ли они или на небесах. Мама и папа, мои друзья, Лукас. Моей кожи касается ветерок, и я дрожу, выглядывая в окно.

— Вот. Завернись. — Чувствую, как что-то падает мне на колени. Одеяло. Я и не осознавала, насколько замерзла, пока не почувствовала тепло сквозь джинсы. Смотрю на Карсона, и он пожимает плечами. — Ночью становится немного холодно. Особенно в этой шутке.

Поднимаю одеяло и улыбаюсь. Серьезно, разве он может быть еще милее?

— Я припаркуюсь у своего дома, ты не против?

Я киваю. Это по соседству, поэтому ничего страшного, если мне придется пройти до дома.

Несколькими минутами позже заезжаем на его подъездную дорожку. Он останавливает машину и выпрыгивает. Тянусь, чтобы открыть дверь, но он уже здесь, держит ее открытой для меня. Карсон протягивает руку и помогает мне выйти из джипа.

Его рука теплая, и, даже несмотря на то, что я уже стою на земле, он не отпускает меня.

— Спасибо, — благодарю я, медленно убирая свою руку, — за то, что провел для меня экскурсию.

— Можно тебя проводить? — Он улыбается, пока я смотрю на него пристально, и приподнимает бровь. — Что?

— Это было свидание? — спрашиваю его.

Он пожимает плечами.

— Не знаю. Ты хочешь, чтобы это было свидание?

— Эм...я не...хочу? — Сердце снова колотится. Я хочу, чтобы это было *что?*

— Думаю, мы должны назвать это свиданием.

— Хорошо...

Он фыркает, когда замечает мое ошарашенное лицо.

— Тогда позволь мне проводить тебя до двери? — Он предлагает мне свой локоть, и я только на секунду задумываюсь, а потом беру за него.

— Да, позволяю. Спасибо. — Надеюсь, он не чувствует, что я вся дрожу. Я так нервничаю.

Мы идем в тишине, поэтому стараюсь как-то ее заполнить.

— Так...как ты стал таким джентльменом?

— Что ты имеешь в виду?

— Открываешь двери, провожаешь до крыльца. Определенно по-джентльменски.

Он пожимает плечами.

— Это моя мама.

— Я уже ее люблю.

— Ее многие любят. — Он усмехается. — И она хорошо меня воспитала.

— Несомненно. Поблагодари ее за это.

Мы подходим к крыльцу и поднимаемся по ступенькам, мое сердце колотится миллион ударов в час. Никогда не была хороша в этих сценах у порога. Или как их там называют? Никогда не знаю, что сказать или что сделать, или...ну вы знаете, должна ли я позволить ему обнять меня или поцеловать?

Чувствую, как краснеют щеки от одной мысли о поцелуе. Он не поступит так на первом свидании, так ведь? Не то чтобы это плохо...но все равно. Немного быстро, думаю я. Для

меня, по крайней мере.

— Было весело, — говорит он, когда я отпускаю его локоть. — Мы должны это как-нибудь повторить.

— *Было* весело. — Мы оба стоим у двери, и я не уверена, что делать в этот момент. — Спасибо, что пригласил.

— Не за что. Спасибо, что пошла.

Поднимаю голову, и мы секунду смотрим друг на друга, оба не знаем, что и сказать. Или, по крайней мере, я не знаю, что сказать. Или сделать. Он не отводит взгляд, пока я не замечаю, что он смотрит на мои губы. У меня перехватывает дыхание, и я отступаю назад быстрее, чем осознаю, и практически падаю с крыльца.

— Ты в порядке? — спрашивает он. В его глазах вижу какое-то мерцание, будто он пытается не засмеяться.

— Да. В порядке. — В порядке. Опять эти глупые слова. Смотрю на дверь, а затем на него. Уверена, что настало время войти в дом. — Эм...спокойной ночи? — Я улыбаюсь из-за своей неловкости, поворачиваюсь и пытаюсь открыть дверь, но она заперта, и я просто врезаюсь в нее лицом.

— Забыла ключ? — спрашивает он со смешком.

Тру лоб и хмурюсь.

— Да...Пожалуйста, скажи, что ты этого не видел, хоть это и не так. — Кто-нибудь, просто убейте меня. Пожалуйста.

— Я ничего не видел.

— Вот и отлично. — Мы смотрим друг на друга, и прежде чем осознаю, хихикаю, хрюкаю и начинаю хохотать от того, как смехотворно я выглядела. *Чертовски неловко*. Если кто и выиграл бы за это приз, то это я.

— Ты только что хрюкнула, — смеется он.

— Уверена, что это твое воображение.

— Точно! — Он снова смеется глубоким и громким смехом.

Через секунду дверь открывается, и выглядывает Джо.

— Окли?

— Привет, Джо, — говорю я. — Ты заперла дверь.

— Я думала, у тебя есть ключ.

Качаю головой и смотрю на Карсона. Улыбаюсь ему, и он улыбается мне в ответ. Я не уверена, что думать о том, как он смотрит на меня. Будто не знает, что и думать, но это ему, своего рода, нравится? Может, я совершенно ошибаюсь, но он, по крайней мере, до сих пор улыбается и не бежит от меня. Это хороший знак, думаю я.

— Спасибо за ужин, — удается произнести мне. — Увидимся. Как-нибудь. — Как бы мне хотелось, чтобы я смогла перестать болтать.

— Завтра утром, — говорит он. — Помнишь? Заберу тебя в восемь.

— Зачем?

— Для первого урока по серфингу. — Он широко улыбается и кивает Джо, которая теперь приобнимает меня.

— Ох, да... — Хватка Джо на мне усиливается, и я морщусь, когда мой солнечный ожог начинает пульсировать. Я вся облезу. — Тогда увидимся завтра.

— Спокойной ночи вам, леди. — Он поворачивается, спрыгивает с крыльца и, насвистывая, направляется к своему дому.

Смотрю ему вслед, не зная, как его понять. Как понять хоть что-нибудь.

— Как бы мне хотелось, чтобы и на меня так парень смотрел, — произносит Джо.

Внимательно изучаю ее и хмурюсь.

— Он никак на меня не смотрел.

Она фыркает.

— Ну конечно.

Глава 8

В первый раз за несколько недель я ставлю будильник. И не нажимаю кнопку повторения сигнала, не лежу в кровати все утро, как делала это в последний месяц. Посмотрев на часы, гордо могу сказать, что еще даже нет восьми часов.

Тетрадь Лукаса лежит на моем прикроватном столике, я тянусь и беру ее. Его письма — часть моей ежедневной рутины. Мне нравится их читать, и я понимаю, что с нетерпением жду того, что он скажет мне на следующее утро.

Дорогая Окли,

Знаешь, что мне хотелось бы сделать в последнем году старшей школы? Уверен, ты никогда не догадаешься, так вот тебе шокирующая правда от твоего слишком-крутого-для-школы брата. Ха-ха. Я такой неоригинальный. Итак, мне хотелось бы попробоваться в мюзикл. И нет, я не шучу. Уж кто-кто, а ты знаешь, как я могу петь. И, очевидно, весь второй этаж больницы знает. Так или иначе, мое участие в мюзикле было бы грандиозным. И это был бы замечательный бонус, потому что в нем участвовала Эмми. Может, я получил бы роль в паре с ней.

Улыбаюсь от мысли о девушке, в которую Лукас был влюблен годами, — одна из моих лучших подруг и соседка Эмми Мартин. Он никогда ей не признавался. Не то чтобы я была в курсе. Он всегда встречался с другими девочками. Главным образом, с глупыми девочками, которые ему не подходили.

Теперь, когда я рассказал тебе об этом, хочу, чтобы ты для меня кое-что сделала. Сейчас снова превращусь в философа, поэтому берегись. Никогда не позволяй страху, что другие люди подумают о тебе, помешать тебе заниматься делом, которое может сделать тебя выдающейся.

Как бы мне хотелось сделать больше. Я сожалею, что не попробовался на этот дурацкий спектакль. Потому что думал, что надо мной будет смеяться моя команда по баскетболу. Не знаю, почему позволил им помешать мне. Я мог бы любого из них преодолеть в драке. Пообещай мне, что не поступишь так же, как я. Живи своей жизнью. Иди за своими мечтами. Не сожалей ни о чем. И, в особенности, будь счастлива.

С любовью, Лукас.

Иди за своими мечтами. Какое-то мгновение обдумываю эту мысль, но даже не знаю, какие у меня мечты. Чего я хочу? Где я хочу быть через пять лет? Честно говоря, понятия не имею, но мне нужно начать об этом думать.

Мысли возвращаются к Эмми. Мне следовало поговорить с ней до отъезда. У нас было столько совместных воспоминаний и, когда Лукасу поставили диагноз, я просто закрылась от нее. Чувствую себя ужасно из-за этого. Она не заслуживала такого моего поведения, как бы ни было мне тяжело мириться со сложившейся ситуацией. Мне стоит взять телефон и позвонить ей, но я не могу. Не знаю, что сказать или с чего начать извиняться. Надеюсь, что она меня простила, а если нет, то я знаю, что когда-нибудь попрошу у нее прощения.

С этими мыслями встаю с кровати и переодеваюсь в купальник, надеюсь, что не выставлю себя сегодня полной дурой. Не то чтобы Карсон окажется плохим учителем — я уверена, он хороший — просто надеюсь, что не разочарую его. Или себя.

Как только заканчиваю с переодеванием, звенит дверной звонок. Хватаю резинку с комода и убираю волосы в пучок, чтобы не мешались во время серфинга. Или при моей

попытке серфить. Вздыхаю. Во что я ввязалась?

— Окли, — кричит из коридора Джо, — тебя ждут у двери!

— Буду через секунду! — кричу в ответ. Пересекаю коридор в ванную, чтобы посмотреть в зеркало, и морщусь при виде бирюзового купальника, который на мне надет. Он не ужасен, но и не так уж мне идет. Бедро шире, чем мне бы того хотелось, поэтому я держусь подальше от бикини. Уверена, что выгляжу плоской и скучной в слитном купальнике, но мне все равно...почти. Если мне нужно надеть купальник, то я надену тот, в котором мне будет наименее неудобно.

Я тороплюсь и намазываю на лицо и плечи алое, и поверх еще крем от загара. Готова я или нет, но хватаю полотенце и направляюсь к двери. Мама на кухне. Выглядит изможденной. Под глазами темные круги, а волосы в беспорядке. Она меня не замечает, но наблюдает, как Джо тихо переговаривается с Карсоном у входной двери. Когда он меня видит, его лицо расплывается в широкой улыбке.

— Готова?

— Надеюсь, — отвечаю я. Нет. Совсем не готова.

— Увидимся, Джо. — Он смотрит мимо меня и улыбается моей маме, которая сидит за столом с перекошенной улыбкой на лице. — Приятно с вами познакомиться, миссис Нельсон.

— Пока, мам, — говорю я.

Она улыбается, на лице отражается любопытство, но она не задает вопросов. Секунду мешкает, а потом поднимает руку, чтобы помахать.

— Будьте осторожны.

— Скоро вернусь. — Я не уверена, что еще ей сказать, поэтому выхожу с Карсоном за дверь. Знаю, что мы с мамой, возможно, должны все обсудить, но я не собираюсь быть той, кто все это начнет. Она мама. Если она хочет поговорить, тогда ей нужно подойти ко мне. Я же не должна заботиться о ней...верно?

Мы выходим на крыльцо, и Карсон поднимает свою желтую доску. Если не учитывать белую полосу, проходящую посередине, и какой-то логотип сверху, она совершенно одноцветная. Он показывает рукой сбоку от меня, и я замечаю доску, лежащую на песке. Она белая, за исключением небольшой синей полосы, которая тянется вертикально посередине, и двух розовых цветочков по бокам от нее.

— Она твоя.

— Что? — Я смотрю на доску и присаживаюсь на корточки, пробегая по ней пальцами. Она в какой-то степени мягкая. — Она моя? Правда?

Он пожимает плечами и слегка улыбается.

— Это доска из пенокартона. Она мягче, чем остальные. Думаю, на ней тебе будет легче научиться.

— Тебе не нужно было покупать для меня доску, — говорю я, встаю и скрещиваю руки. Хмурюсь.

— Да это не так уж и важно. У меня есть магазин для серферов, помнишь? — Он смотрит на доску. — К тому же, ею уже пользовались. Если от этого тебе станет легче.

Доска совсем не выглядит использованной. Не знаю, что и сказать. Уверена, что доски для серфинга стоят много денег, но не осмеливаюсь спросить его, сколько именно. Он, возможно, даже и не скажет.

— Окли. — Я поднимаю голову, и он улыбается. — Честное слово. Все в порядке. —

Его пальцы едва касаются моей кожи, когда он наклоняется и поднимает мою доску.

— Спасибо, — шепчу я. — Тебе правда не надо было покупать мне ее.

— Я знаю, — произносит он так, будто это совсем не важно. Карсон поднимает доску и встает рядом со мной. — Готова?

Смотрю на доску и гримасничаю. Она огромная. Намного выше меня. Если он ее отпустит, она расплющит меня об землю. Хватаюсь за край доски и улыбаюсь ему.

— Итак, как, черт побери, я понесу эту штуку через улицу до пляжа?

Он смеется.

— Она не особо тяжелая. А если станет очень тяжело, можешь ее просто тащить. Только не по дороге. — Он наклоняется и поднимает два гидрокостюма и полотенце, которые лежали на земле возле него. — Давай сделаем это.

Хватаю свою доску и передвигаю ее так, чтобы она оказалась под рукой. Мы пересекаем улицу, заходим на песок, и я очень надеюсь, что никто за мной не наблюдает. Доска реально неудобная, и через несколько минут руки начинают ныть. Она не очень тяжелая, просто непонятно, как ее нести.

— Мне и правда нужно подкачать свои слабые руки. — Кидаю доску на песок. — Даже и полпути не прошла, как пришлось ее тащить.

Карсон удивленно смотрит на меня.

— Твои руки не выглядят такими слабыми.

— Поверь мне. Так оно и есть. — Тру свои ноющие бицепсы, а он складывает полотенца.

Он переступает с ноги на ногу и потирает заднюю часть шеи.

— Хорошо. Так, что самое первое, что ты должна знать о серфинге? Ты упадешь. Много раз.

— Замечательно. От этого мне хочется прямо сейчас запрыгнуть в волны.

Он смеется.

— Нет, правда. Не дай этому помешать тебе. Пройдет немного времени, прежде чем ты приспособишься балансировать и познаешь, на какую волну вставать. Но ты научишься.

Я фыркаю. Из-за чего мы оба смеемся. Я больше из-за смущения.

— Посмотрим. — Я плохо удерживаю равновесие. Что он, скорее всего, скоро выяснит.

— Ох, и ты же умеешь плавать, да? Забыл спросить.

Я киваю.

— Я плавала в старшей школе.

— В команде по плаванию?

— Да. Знаю, что была занудой.

— Да это совсем не занудно. Я просто удивлен. Я думал, ты больше подходишь для черлидинга или танцев.

Уффф, серьезно?

— Эм, ответ — нет. Я не танцую. Я занималась в детстве балетом, но только два месяца. Мама очень расстроилась, когда я его бросила. В старшей школе она была в группе поддержки, поэтому хотела, чтобы я следовала по ее стопам. Просто это было не для меня.

— Эти девочки из группы поддержки чрезвычайно целеустремленные. Я бы и дня не прожил со всем тем, что они должны делать.

Я посмеиваюсь.

— Уверена, что из тебя получился бы великий танцор.

Он улыбается, щеки покраснели.

— Да... Я бы ни за что не смог влезть во всю эту их одежду.

— Возможно, оно и к лучшему. — Подталкиваю его плечо своим.

Он подталкивает меня в ответ.

— Я знаю. — Останавливается и потирает руки. — Ну, ты готова испытать свои силы в серфинге? Надеюсь, что не сбежишь после нашего первого урока. Обещаю тебе, что после того, как привыкнешь, станет весело.

— Ага, я готова.

— Замечательно. — Он показывает на мою доску, которая лежит на песке. — Почему бы тебе не начать действовать и не запрыгнуть на доску?

Делаю так, как он говорит, и встаю на нее.

— А теперь ложись. Вот эта синяя полоса должна проходить прямо по центру твоего тела.

Я двигаюсь, чтобы лечь на доску. Надеюсь, что он не пялится на мою задницу. Уверена, прямо сейчас она выглядит ужасно. Передвигаю руки, чтобы они оказались по сторонам от лица.

— Замечательно. Теперь, когда выплывешь туда, держи кончики пальцев ног на задней части доски. Гроби руками, а не ногами. — Он передвигается, чтобы присесть рядом со мной на колени. — Так. Когда поднимется волна, я хочу, чтобы ты резко встала. И ты должна сделать это быстро, но не очень, чтобы не упасть. Прижми руки к доске у груди и оттолкнись, выпрямляя их. Затем отклонись назад, чтобы присесть на корточки, но стой на носках. — Он улыбается, когда я делаю то, что он говорит. — И вот тут начинаются сложности. Вытяни вперед правую ногу, а левую держи для баланса позади. Как только поймешь равновесие, вставай.

Я встаю и смеюсь. Возможно, выгляжу смехотворно.

— Что смешного?

— Я чудачка.

Он улыбается и качает головой.

— Теперь, как только ты оказалась на обеих ногах, убедись, что стоишь посреди линии. Если находишься прямо посреди доски, то не так уж легко упасть. Теперь согни колени и отклонись назад, — говорит он. Я пошатываюсь, даже несмотря на то, что все еще нахожусь на плоской земле. Он кладет руку на нижнюю часть моей спины, чтобы поддержать. Наклоняется ближе, и я могу чувствовать исходящий от него запах солнцезащитного крема. — Вытяни руки, как делают все серферы. — Я сглатываю и поднимаю руки. — Если наклонишься вперед, свалишься. Между отклонением слишком далеко назад и наклоном слишком далеко вперед — тонкая грань. Тебе просто нужно найти баланс, с которым тебе будет комфортно. — Его дыхание щекочет мне ухо, и от этого мое сердце колотится, как сумасшедшее.

— Звучит не слишком сложно, — говорю я. Голос дрожит. Мне хочется сказать дурацким бабочкам в моем животе, чтобы убирались прочь. Я не должна себя так чувствовать. Карсон просто друг или, скорее, мой инструктор по серфингу. Ничего большего. У меня нет времени для дурацкой влюбленности, когда я собираюсь уехать через несколько месяцев.

— Ты в порядке? — Карсон наблюдает за мной со странным взглядом. Я киваю и скрещиваю руки. — Эм... почему бы тебе не надеть свой гидрокостюм, и мы испробуем с

тобой волны. — Он приподнимает веревку с чем-то похожим на липучку на конце. — Я привяжу лиш к твоей доске, пока ты готовишься.

— Лиш?

— Он прикрепляется вокруг твоей лодыжки, чтобы ты не потеряла доску, когда упадешь.

— Ох. — Я стою и наблюдаю, как он заводит ремень в небольшое отверстие на задней части доски, которое я даже и не заметила прежде.

Карсон смотрит на меня и улыбается.

— Ты, возможно, захочешь забраться в этот гидрокостюм. Там очень даже зябко.

— Хорошо. — Я стараюсь игнорировать тот факт, что он все еще смотрит на меня, и поднимаю гидрокостюм. Он выглядит так, будто пошит для маленького ребенка. А не на такую фигуру, как у меня. И как я влезу во что-то такое маленькое? Особенно когда на меня смотрят?

Вздыхаю и понимаю, что должна это сделать. Мне придется надеть его, нравится мне это или нет, а то замерзну до смерти.

Материал костюма холодный и эластичный. Мне не хочется натягивать его на глазах у Карсона. Я даже не уверена, почему это так важно. Не то чтобы я обнажалась полностью. Я же надеваю что-то, чтобы прикрыть свое тело. Но просто этот костюм тугой. И мне не хочется, чтобы он видел, как я изо всех сил стараюсь в него втиснуться.

— Если хочешь, чтобы я отвернулся, я это сделаю.

Смотрю вверх и вижу, как Карсон улыбается мне. Клянусь, он умеет читать мысли. Правда. Это начинает меня пугать.

— Было бы мило. Спасибо. — Ненавижу то, какая я стеснительная; как бы мне хотелось быть похожей на других девочек и разгуливать в бикини безо всякой задней мысли.

Минута уходит у меня на то, чтобы выяснить, как надеть гидрокостюм. Застегиваю его, насколько могу, но приходится попросить Карсона застегнуть до конца. Его пальцы на моей коже ощущаются теплыми, когда он застегивает костюм до шеи, вызывая у меня мурашки. Затем он слегка похлопывает меня и отступает назад.

— Идеально, — произносит он.

Я даже не осмеливаюсь посмотреть вниз. Не хочется видеть, на что я похожа. Уверена, что это ужасно.

— Хорошо, давай привяжем лиш. — Он наклоняется и обхватывает липучку вокруг моей лодыжки. Ощущается неудобно, но, по крайней мере, я знаю, что не потеряю доску. — Ты к нему привыкнешь, — произносит он, будто прочитал мои мысли. Снова. — Веревка достаточно длинная, поэтому не будет тебе мешать, пока ты серфишь. Ты ее даже не заметишь. А теперь бери доску и пойдём.

— А ты свою не взял? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нога все еще беспокоит. И сегодня я только помогаю тебе.

— Но тебе будет не за что держаться.

— Большую часть времени я буду держаться за тебя. — Его щеки покрывает румянец, и он отворачивается и проводит рукой по волосам. — К тому же, мы не зайдем далеко. Останемся на маленьких волнах.

Это хорошо для меня.

Я в шоке от того, насколько холодной для моих ног ощущается вода. Океан так сбивает с

толку. Всегда выглядит умиротворенным и теплым. Особенно в фильмах. В воде играют детишки, модели купаются и выходят из воды, выглядя сексуально и великолепно.

Все лгут. Как только я ступила в воду, она оказалась очень холодной. А это были только ноги. Теперь, когда в воде большая часть моего тела, это похоже на то, будто стоишь полностью обнаженный в холодном снегу. Не то чтобы у меня есть такой опыт, но уверена, что у кого-то он был, и что им было так же холодно.

Мы пробираемся дальше и оказываемся по талию в воде, когда я начинаю нервничать. Сомневаюсь, идти ли дальше, и он это замечает.

— Готова начать отсюда? — спрашивает он.

— Волны достаточно большие? — Как только слова покидают мой рот, в футах от меня поднимается волна. Она подталкивает меня к берегу, и я стараюсь двигать руками и идти вперед. Карсон просто смеется. Он стоит по грудь в воде и выглядит абсолютно расслабленным.

— Отличное место. — Он потирает руки. — Хорошо. Прежде чем начнем, мне нужно обучить тебя правилам серфинга. Правило номер один: тот, кто оказывается ближе к гребню волны, получает право идти первым. Правда, сейчас нам не стоит об этом заботиться, так как большинство серферов дальше от нас, но когда станешь справляться достаточно хорошо, ты должна это помнить. Нельзя просто поймать любую, какую хочешь, волну.

Я запуталась.

— К гребню?

Он ухмыляется.

— Это когда с волны начинает падать белая вода.

— Ох. Точно. — Как белые горные вершины. Логично.

— Второе: когда кто-то поймал волну, нельзя просто появиться перед ним и помешать. Этим ты обеспечишь себе очень злых серферов.

Как будто я такое попробовала бы сделать. Да я даже не смогу принять в таком участие.

— Хорошо.

— Третье: если ты гребешь, и кто-то поймал волну, подожди, когда он проплывет мимо тебя, не гребь дальше, чтобы на тебя не наскочили.

— Поняла.

— Держись за доску. Если на тебя надвигается огромная волна, от которой ты хочешь уклониться, не бросай свою доску.

— А почему бы я ее бросила?

Он с секунду смотрит на меня, а затем ухмыляется.

— Некоторые так делают из-за паники. Остальному я научу тебя позже. Теперь поворачивайся, и начнем.

Я нервничаю, но умудряюсь повернуться и чувствую, как Карсон берет за мою доску.

— Я буду толкать тебя первые несколько раз, пока не привыкнешь.

— Хорошо, — говорю я.

— Вот надвигается хорошая волна. Приготовься.

Я готова. По крайней мере, уверяю себя в этом. Я подготавливаюсь, напоминая себе о синей линии посреди доски. Ноги должны быть на ней. Да? Не вставать слишком быстро. Не отклоняться слишком назад. Все действия перемещиваются, когда я чувствую, как волна тянет меня вперед. Прежде чем успеваю подумать о том, чтобы встать на ноги, слетаю с доски.

В лицо ударяется холодная вода, и я набираю полный рот воды. Стараюсь выбраться на поверхность и чувствую, как мои ноги касаются дна. Теперь я стою, но прокашливаюсь и ругаю себя за то, что подумала, будто сделаю это с первого раза.

Доска покачивается рядом со мной и все еще привязана к ноге. Карсон подбирается ко мне и кладет руку на мое плечо.

— Ты в порядке?

— Да. Не ожидала, что волна движется так быстро.

Он хихикает, хватая меня за руку и удерживает, когда мимо проносится еще одна волна.

— Залезай обратно. Попробуем еще раз.

Я вытираю воду с лица и забираюсь на доску. Снова лежу на животе, и, как только вижу следующую волну, Карсон толкает мою доску. Я поднимаюсь, выставляю вперед правую ногу и стремглав врезаюсь в воду, которая накрывает меня с головой. Но я умудряюсь выяснить, как выбраться, и через несколько секунд показываюсь на поверхности воды. Глаза горят, но, по крайней мере, рот в этот раз был у меня закрыт.

Смотрю на Карсона, который пробирается ко мне. Он такой терпеливый. Если бы я была учительницей, то, возможно, посоветовала бы ученику найти себе другое хобби.

Мы проводим в воде несколько часов. Мои пальцы выглядят как изюм, а руки и ноги ноют каждый раз, когда я ими двигаю. Я практически сдалась, но не хочу в этом признаваться. Если смогу подняться раз, всего один раз, то буду чувствовать себя так, будто достигла чего-то сегодня. Я могу доказать самой себе, что могу научиться чему-то новому. Могу заставить Лукаса гордиться.

Карсон терпелив как никогда. Он приободряет и совсем не выглядит так, будто ему скучно. Хотя уверена, что так и есть. Он все утро наблюдал за тем, как я падала. Гребу обратно к тому месту, где он стоит, и мы ждем еще одну волну. Если не встану в этот раз, то с меня хватит.

Жду, вижу гребень и подтягиваю себя на ноги, когда волна опускается. Все происходит так быстро. В одну секунду меня потрясывает и покачивает, а в другую руки расставлены, и я нахожу равновесие, насколько это вообще возможно. Я качусь на доске. Действительно качусь! Я стою прямо, поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Карсона, и он хлопает в ладоши и что-то кричит. Я издаю возглас и выбрасываю в воздух кулаки.

И вот тогда-то я и теряю равновесие и падаю. Ну естественно.

Волна донесла меня практически до самого пляжа, поэтому я спрыгиваю и машу Карсону. Я измождена, но настолько взволнована. Я действительно поймала волну. Даже если это было на секунду, оно того стоило.

Тело слишком устало, чтобы делать что-то еще, поэтому отвязываю лиш и кидаю доску на сухой песок.

Как только Карсон оказывается достаточно близко, то набрасывается на меня и приобнимает рукой за талию. Затем кружит меня, и я смеюсь.

— Ты это сделала! — кричит он.

— Я знаю! Это было потрясающе! — Он ставит меня обратно на землю. — Видел, как я упала? Удивляюсь, что снова не заглотила воду. Как раз вовремя закрыла рот.

— Самое худшее — наглотаться соленой воды. Поверь мне, пробовал, знаю.

— Это отвратительно.

Он фыркает и делает шаг ближе, все еще держа руку на моей талии. Какое-то мгновение

рассматривает мое лицо и застенчиво улыбается.

Я заправляю мокрые волосы за ухо.

— Спасибо... что не смеялся надо мной весь день.

Он отступает и скрещивает руки.

— Да я видел серферов и похуже тебя.

— Детишек, да?

Он улыбается.

— Возможно. — Мы подходим к полотенцам, чтобы вытереться. Я присаживаюсь и кладу рядом с собой доску. Солнце пригревает мою кожу. Ну, точнее, мое лицо, потому что все остальное еще прикрыто гидрокостюмом.

Карсон приседает и проводит пальцами посередине моей доски.

— Нужно нанести немного Секс Воска.

Я моргаю.

— Что?

Он поднимает бровь, а потом фыркает.

— Это воск для досок. Его намазывают на корпус доски, чтобы у ног было сцепление получше. Этим утром я намазал твою доску, но стоит, возможно, прикупить свой, так как ты собираешься проводить здесь много времени. У нас в магазине есть самые разнообразные запахи. Можешь заскочить и выбрать несколько.

— Хорошо. Так... почему они называются Секс Воски? Это... интересно?

Он пожимает плечами.

— Просто название бренда.

— Оу.

Карсон смотрит на часы на запястье и тихонько ругается.

— Я должен идти на работу. — Он расстегивает верх своего гидрокостюма и скатывает его вниз до талии. Я изо всех сил стараюсь не таращиться, но это очень сложно. Он выглядит хорошо. *Очень* хорошо. — Что делаешь позже?

Я притворяюсь, будто интересуюсь песком на своих ногах, и пожимаю плечами.

— Не знаю. Возможно, посплю. Я так устала.

— Да я в этом уверен. Ты отлично справилась, кстати.

— Мне нужно много практиковаться.

— Всем нужно. Ты научишься. Держу пари, что к тому времени, как наступит лето, ты станешь самородком.

— А разве самородок — это не тот человек, который идеально справляется уже в первый раз?

— Эх. Таких не бывает. Ну, кроме меня.

Я смеюсь и еще глубже зарываюсь ногами в песок.

Он снова смотрит на часы.

— Я должен идти. Отец убьет меня, если опоздаю. — Он встает и берет свою доску, которая лежит все на том же месте, на котором он ее и оставил. Я удивлена, что ее никто не стырил. Либо он очень авторитетен, либо многие его знают и не трогают его вещи.

— Спасибо за урок, — говорю я.

— Всегда рад. Дай мне знать, когда мой первый урок игры на гитаре. — Он улыбается и направляется к своему дому.

Мое тело болит. Мне не хочется идти к дому Джо. Может, просто прикорнуть на пляже?

А затем я вспоминаю, что на мне надето. Возможно, люди ошибочно примут меня за мертвого тюленя или кого-либо еще.

Поднимаю доску и полотенце и иду к дому.

Когда я открываю входную дверь, меня приветствует голос.

— Повеселилась?

Смотрю на маму, которая сидит у стойки. В руках она держит чашку кофе и выглядит уставшей.

— Да. Я поймала волну, поэтому сейчас типа знаю, как серфить.

— Хорошо. Я рада, что ты хорошо провела время.

Я мешкаю, но все равно спрашиваю:

— Ты в порядке, мам?

Она улыбается.

— Я в порядке, милая. Просто устала.

— Уверена?

Она кивает.

— Где ты вчера была? Джо сказала, что ты ушла, но она не знала куда. Я...беспокоилась о тебе. — Трудно признаться в последнем, но это правда. Я о ней беспокоилась.

— Мне просто хотелось проветрить голову. Я в порядке.

— Ох. — Мне хочется, чтобы она сказала больше. Объяснила, зачем ей проветривать голову. Из-за Лукаса? Папы? Мы какое-то мгновение смотрим друг на друга, а затем я прочищаю горло. — Эм...думаю, мне надо переодеться. — Она ведет себя странно. Она никогда не сидит просто так дома и ничего не делает. Я знаю, что она не принимала душ и с самого утра одета в свой халат.

— Окли? — произносит она.

— Мам?

Она какое-то мгновение рассматривает мое лицо, а затем переводит взгляд на чашку в своих руках.

— Да ничего.

Я прихожу в замешательство и оставляю ее одну. Все равно не знаю, что ей сказать.

Дорогая Окли,

Я когда-нибудь говорил тебе, что больничная еда на вкус как дерьмо? Не то чтобы и прям как дерьмо, но если бы у меня был выбор съесть и то, и то, то уверен, что вкус был бы одинаковым. Я так хочу домашний суп с лапшой и индейку. Или мамину лазанью. Ням-ням.

Помнишь, как наша мама, когда мы были маленькими, нарезала нам сэндвичи треугольниками? Наши друзья думали, что она самая крутая мама. И она такой и была. Моим друзьям нравилось приходить в гости, потому что она всегда готовила своего рода вкуснятину.

Это немного грустно. Она очень сильно изменилась. Это моя вина. Если бы я не заболел, она осталась бы прежней. Счастливой. Она больше не улыбается так много. Я знаю, что это из-за меня. Я не намеревался сделать так, чтобы все грустили.

Когда меня не будет с вами, постарайся сделать так, чтобы она снова улыбалась. И папа тоже. Мне так жаль, что их не было рядом с тобой. Я не хотел забирать все внимание. Пожалуйста, не вини их за это и не будь к ним слишком строга. Они тоже через многое прошли.

О чем это я? Съешь ради меня лазанью. И ячменную лепешку. Лепешки и медовое масло мои любимые. Но, конечно же, ты это и так знаешь.

С любовью, Лукас.

Я выдыхаю, кладу тетрадь и присаживаюсь на край кровати. Пристально смотрю на пол. Не будь слишком строга к маме и папе, говорит он. Это очень сложно. Я понимаю, что они через многое прошли, но они, по крайней мере, есть друг у друга. Или были друг у друга. Лукас был единственным, кто у меня был, а сейчас у меня нет никого.

Ночи, когда мама с папой ссорились, всплывают в сознании с достаточной силой. Лукас выводил меня на улицу, когда нам было десять и двенадцать лет, чтобы укрыть меня от реальности нашей жизни. Мои родители не всегда ссорились. Когда мы были младше, они были счастливы. Мы были достаточно близки. Но когда стали постарше, казалось, что родители больше беспокоились насчет работы, чем друг о друге, и из-за этого между ними выстроилась стена. И между нами.

Они не были плохими родителями. Знаю, что они любили нас. Но мы не были «близки», как семьи, которые я знала. Слово «близки» для них означало то, что мы живем вместе в одном доме и немного разговариваем каждый день, но не поддерживаем хобби друг друга и все остальное. Думаю, это означало, что они совсем нас не знали. Но пока моих родителей не было рядом, был Лукас. Он помогал мне с домашней работой во время всей средней школы, приходил на все мои соревнования по плаванию, когда я была десятиклассницей, а потом перешла в одиннадцатый класс. Половину всего времени готовил мне ужин, потому что я готовила ужасно, а родители приходили домой слишком поздно. Он был тем, кто утешал меня, когда ему поставили диагноз, а мои родители испугались и закрылись. Он всегда был рядом со мной. И неважно, что происходило. Он всегда был рядом.

Был.

Я качаю головой. Не хочу думать об этом прямо сейчас. Вместо этого ложусь на кровать и смотрю на потолок.

Мой телефон звонит на прикроватном столике, и я наклоняюсь, чтобы посмотреть, кто

это.

Папа. Он не разговаривал со мной с тех пор, как я сюда приехала. Я уверена, что он был занят, но мог, по крайней мере, позвонить и узнать, как у меня дела. Или, думаю, я тоже могла ему позвонить. Отвечаю на телефон.

— Алло?

— Привет, тыковка. Как дела?

Я улыбаюсь при слове «тыковка». Он называет меня так с детства.

— Привет, пап. У меня все хорошо.

— Привыкаешь к дому Джо?

— Ага. Здесь мило. — У меня уходит минута, чтобы придумать верное слово. —

Успокаивающе.

— Хорошо. Просто хотел узнать, как у тебя дела. Я разговаривал несколько раз с твоей мамой, но не с тобой.

— Спасибо. Мне было интересно, когда ты позвонишь.

Минутное молчание, но затем он продолжает:

— Сегодня Лукасу поставят надгробие.

Я не могу ничего сказать из-за внезапного кома в горле.

— Оно выглядит хорошо. На нем изображен баскетбольный мяч и машина. Он любил работать над своей машиной.

— Я знаю. Его дурацкая, паршивая машина. Не знаю, почему он так ее любил. — Губа трясется, и я стараюсь держать себя в руках. Прочищаю горло и моргаю, заставляя влагу убраться из глаз. — Я рада, что надгробие выглядит хорошо. Можешь прислать мне фото?

— Конечно. — Он молчит. — Я думаю о нем каждый день. Прихожу на его могилу после работы. На ней все еще много цветов. Выглядит мило.

Насколько мило может выглядеть могила?

— Спасибо, что приходишь к нему, папа. — Я шмыгаю носом. — Я скучаю по тебе. — Это правда. Даже несмотря на то, что у нас такое время, папа всегда рядом. Странно, что он не здесь, с нами.

— Я тоже по тебе скучаю.

— Ты приедешь? — У меня такое нехорошее предчувствие, что он не приедет в ближайшее время. Если вообще приедет. Но я должна спросить.

— Не уверен. Мы с твоей мамой... Я поговорю с ней. Я бы с удовольствием к вам приехал. Просто все зависит от работы.

Ну конечно.

— Ну, надеюсь, ты сможешь приехать до того, как закончится весна. Я могу научить тебя серфить.

— Правда?

— Нет. Но я, типа, вчера научилась стоять пять секунд. Было весело.

— Я бы хотел это увидеть.

Я улыбаюсь. Он мог бы увидеть, если бы перестал упрямиться и просто сел на самолет.

— Ну, поговорим позже. Мне нужно кое о чем позаботиться. Люблю тебя, тыковка. Звони мне в любое время, когда понадобится, хорошо?

— Хорошо.

Мы прощаемся, и я сбрасываю вызов.

Обычно, когда я расстраивалась, он обнимал меня или похлопывал по плечу, а потом

уходил. Внутри что-то обрывается. Интересно, переход от родителя к родителю и нахождение среди ссор станут постоянными? Надеюсь, что они во всем разберутся. Я уверена, что именно стресс от потери единственного сына негативно сказался на их браке, но мы семья. Семьи должны уметь разбираться.

Остаток дня проходит без событий. Я сбегала в магазин, проявила несколько фотографий и повесила их на стену, а затем провела большую часть времени, бродя по комнате, стараясь выяснить, что делать с самой собой.

К десяти часам все ложатся спать. Джо весь день работала, мама снова провела большую часть времени в своей комнате, а я не видела Карсона с тех пор, как он вчера ушел на работу. Мне не хочется признаваться в том, что я скучаю без него. Особенно из-за того, что я не видела его всего день. Не хочу такое чувствовать. Это как-то убого. А я не убогая.

Возможно, мне стоит переодеться в пижаму и отправиться спать. Может, завтра утром на пляже потренирую расположение ног на доске. Или постою на небольших волнах и потренируюсь держать равновесие. Не то чтобы у меня было еще чем заняться.

От застекленных дверей доносится тихий стук. Я, испытывая любопытство, подхожу и выглядываю из-за занавески.

Это Карсон. Срань Господня — я выгляжу отвратительно.

Откидываю от лица волосы, быстро смотрюсь в зеркало возле меня, решаю, что ничего уже не поможет, и открываю дверь.

— Привет, — говорю я.

— Привет.

— Теперь пробираешься тайком на задний двор Джо?

Он корчит рожицу.

— Извини. Нужно было взять твой номер телефона, чтобы написать сообщение.

— Не беспокойся. Что случилось?

— Знаю, что уже поздно, но я увидел у тебя свет и задался вопросом, не прогуляешься ли ты со мной. — Он сглатывает и слегка сжимает губы.

Уже поздно. Но и очень хочется уйти. Ко мне украдкой пробрался сексуальный парень, чтобы просто погулять со мной? Как будто я не собираюсь пойти.

— Подожди, возьму куртку. Можешь войти.

Он заходит и осматривается. Взгляд перемещается на фотографии, висящие на стене над изголовьем кровати.

— Ух ты. Ты и правда потрясающе фотографируешь.

Я пожимаю плечами.

— Не особо.

Он осматривает меня со странным выражением на лице.

— Нет. Правда. — Подходит к моей кровати и рассматривает фото. — Узнаю этого парня, — говорит он. Выражение его лица все еще странное. Он улыбается, но выглядит немного раздраженным.

— Да, это Диллон. Но на ней еще много разных серферов. — Не знаю, почему это говорю. Сомневаюсь, что он ревнует, но хочу убедиться, что он не думает, будто я намеренно сосредоточилась на Диллоне.

Он смеется.

— Эти фотографии очень хорошие. Ты должна продать их какому-нибудь журналу.

Я смеюсь и хватаю из шкафа толстовку.

— Поверь мне. Никому они не нужны.

Когда я поворачиваюсь, он стоит прямо передо мной. Смотрит на меня, нахмурившись.

— Ты себя недостаточно ценишь, — говорит он. — Почему бы просто не поблагодарить, когда кто-то делает тебе комплимент?

Я не знаю, что сказать, так что просто пристально смотрю на него. Его взгляд решителен и серьезен, но я также вижу и намек на улыбку.

— Я...эм...спасибо. — Избегаю смотреть ему в глаза и обхожу его. — Готов идти?

— Ты должна сказать маме, куда идешь?

— Ей все равно. — Надеваю шлепки и выхожу из дома. Он следует за мной и тихонько прикрывает за собой дверь. На улице темно, но мы все равно направляемся к пляжу. Дорожка освещается несколькими фонарями, поэтому мы хоть что-то видим. Натягиваю толстовку. Не очень-то и холодно, но в ней я чувствую себя комфортнее. — Так куда мы идем?

Он пожимает плечами.

— Просто мне нравится пляж ночью. Он не так...богат событиями, как в течение дня. Никто не бегает, не плескается в воде. Здесь хорошо. Расслабляюще.

— Логично.

Мы идем в комфортной тишине, я пинаю холодный песок и улыбаюсь. Давненько не чувствовала себя так спокойно. На какое-то мгновение стараюсь задвинуть подальше беспокойства и мысли о Лукасе и просто думаю о красивом месте, в котором живу. Карсон прав. Ночью гораздо больше расслабляешься.

Мы продолжаем идти, и я поднимаю голову. Огни на причале Хантингтон становятся с каждым нашим шагом ярче, и я могу слышать, как волны врезаются в причал.

— Здесь так красиво, — произношу я.

— Да. Расскажи мне, на что похож *твой* дом?

— Юта?

Он кивает.

— Я никогда там не был.

— Там не так прикольно, как здесь. Много гор, травы, много снега зимой.

— Надо заставить твоего папу отправить тебе немного снега.

— Поверь мне. На снег приятно смотреть, но он быстро надоедает. И он такой холодный. А я не фанат холода.

— Тогда ты выбрала неверное место для проживания, — посмеивается он.

— Мои родители выбрали неверное место для проживания. — Я улыбаюсь. — Но это дом.

— Может, я смогу убедить тебя остаться здесь дольше. Так как ты не выносишь холод и все такое.

— Мне очень нравится теплая погода. — Я смеюсь. — Я говорю так, будто мне пятьдесят.

— Ты не выглядишь на этот возраст. — Его пальцы касаются моей руки и, прежде чем я осознаю, переплетаются с моими пальцами. Он смотрит на меня и слегка улыбается. — Так нормально?

Я тоже слегка улыбаюсь и киваю. Его рука греет мою, и я не могу не заметить, как идеально они подходят друг другу. Что очень глупо. Я уверена, что все руки одинаково подходят. Вспоминаю единственного парня, с которым когда-то держалась за руки. До того,

как заболел Лукас. Все было совсем не так. Он был немного странным. И его рука была потной и огромной. Само собой, ничего не получилось.

Карсон кивает головой вперед.

— Мы с сестрой раньше в детстве играли под причалом. Но не ночью, потому что прилив. Мама приводила нас, и мы бегали вокруг столбов и прятались друг от друга. Или пытались отодрать палками от столбов усоногих раков. Всегда было весело.

— Усоногие раки. Это странные маленькие ракушки, да?

— Ага. Видела хоть одну?

Я качаю головой.

— Вживую нет, только на картинках.

— Я тебе как-нибудь покажу. Они очень странные, но в детстве я от них просто балдел.

— Мальчишки. Всегда балдеют от странных вещей.

Он смеется и сжимает мою руку.

— Итак, чем ты занималась в старшей школе кроме плавания? Чем-нибудь интересным?

— Не особо. А ты?

— Ох, да ладно. Уверен, что ты чем-то занималась.

— Ничем, что было бы достойно упоминания. Ты уже знаешь, что я играю на гитаре, плаваю и фотографирую. А что насчет тебя?

Он пожимает плечами.

— Я немного играл в футбол.

Я это знала. Понятия не имею, откуда, но знала.

— Круто.

Он улыбается.

— Не любительница футбола?

— Не очень.

— Логично. Ты все равно кажешься мне девушкой из хора. — Он искоса смотрит на меня и посмеивается над выражением моего лица.

— Я же уже призналась, что не умею петь.

— Ну не можешь ты быть *настолько* плоха.

— Правда. Я ужасно пою.

Он фыркает.

— И все равно мне хотелось бы послушать тебя, даже несмотря на то, что ты думаешь, будто поешь отстойно.

— Такого не будет, — говорю я. — Правда. Это печальное зрелище. Мой брат потрясающий певец. — Понимаю, что сказала, и вздыхаю. Был. Был замечательным певцом.

— Моя сестра такая же, какая и ты, по твоим словам. Совсем не умеет петь. Это так смешно. — Его глаза расширяются. — Нет, не смешно, что *ты* не умеешь петь, я просто над *ней* подтруниваю.

— Точно, — говорю я, позволяя сарказму просочиться. — Как я уже сказала... Никакого пения перед тобой. Никогда.

— Ну вот, над тобой не посмеешься. — Он подталкивает меня плечом.

Я отпускаю его руку и останавливаюсь, чтобы снять шлепки и пройтись возле воды. Люблю ощущение мокрого песка между пальцами ног. Это как педикюр. Карсон делает то же самое, но шлепки не снимает.

— Как твоя нога? — спрашиваю я. Я еще не видела, как он занимается серфингом, но

повязка снята.

Он пожимает плечами.

— Лучше. Все еще приходится прикрывать рану небольшим пластырем. Она чешется.

— Значит, заживает. — По крайней мере, мне так говорил папа, когда я умудрялась пораниться. — Я так думаю. — Я улыбаюсь, осознавая, что понятия не имею, о чем говорю.

— Спасибо, доктор Нельсон.

Я фыркаю.

— Рада быть полезной.

Дальше идем в приятной тишине, наслаждаясь компанией друг друга. На улице много людей. Кто-то гуляет с собаками по дорожке. Несколько пар держатся за руки, как и мы, а некоторые лежат на пляже под одеялами и занимаются бог знает чем. Вижу нескольких детей с родителями и удивляюсь тому, что они не в кровати. Но, очевидно, это не мое дело. Я улыбаюсь семье, которая проходит мимо нас. Всех, кого я увидела, объединяет одно — они выглядят счастливыми. Умиротворенными.

Вглядываюсь в темноту, ловя повсюду отблески лодочных фонарей. Вот на что похожа прямо сейчас моя жизнь — темная, но с отблеском надежды на горизонте. Я стараюсь двигаться дальше. Стараюсь забыть, через что прошла, но знаю, что на это уйдет время. По крайней мере, сейчас я снова чувствую себя немного нормальной. Что бы это ни значило.

— Хочешь поговорить об этом?

Смотрю на Карсона, который не смотрит на меня, но я знаю, что он за мной наблюдал.

— Не особо. — А должна бы. Мне правда стоит поговорить об этом. Может, это поможет, но все произошло совсем недавно. Слишком свежи воспоминания. Я не могу это сделать. Пока нет.

— Из-за чего бы ты ни грустила, мне жаль. — Он смотрит на меня с серьезным выражением на лице. — Ты знаешь, что можешь поговорить со мной.

— Я едва тебя знаю. — Это правда. Мы оба это знаем. Хотя я и чувствую себя с ним комфортнее, чем с кем-либо еще. Что очень странно. Я ведь не привыкла так легко доверять.

Его глаза вспыхивают, и я замечаю легкую улыбку на его лице.

— Почему бы нам не изменить это? Что ты хочешь знать?

Какое-то мгновение думаю и останавливаюсь.

— Хмммм... — начинаю я. — Дай минутку подумать. — Зарываю пальцы ног в песок. Вода накрывает их, и я трясусь. Чувствую, как океан тянет обратно, когда волна откатывается. Она старается утащить меня за собой, но я погружаю пальцы еще глубже. Поднимаю голову и вижу, что Карсон наблюдает за мной. Уголок его рта изогнут, но он ничего не говорит. — Что? — спрашиваю я.

— Тебе весело?

— Да. — И тут я понимаю, что должна была придумать вопрос. — Так ты типа владеешь магазином для серферов. Ты таким образом собираешься зарабатывать себе на жизнь?

Дурацкий вопрос, но это все, что приходит мне на ум. И я удивляюсь, когда он хмурится.

— Я не знаю. — Он почесывает голову и смотрит на воду.

Я, из любопытства к его реакции, продолжаю:

— Не знаешь? Тебе там не нравится?

Он кивает.

— Да все в порядке. Просто не хочу застрять в нем навечно. Хочу пойти в колледж.

Вспоминаю наш первый с ним разговор.

— Морским ветеринаром, да?

— Да. Просто... — Он колеблется и вздыхает. — Мой отец хочет, чтобы я принял руководство на постоянной основе. Управлял за него магазином. Это семейное дело, которое приносит неплохие деньги, но я не хочу этим заниматься вечно. Он мечтает о том, чтобы я принял руководство и расширил магазин. Передал его своим детям и поддерживал. А я не хочу этим заниматься.

— Ты с ним разговаривал насчет этого? — Даже не знаю, почему пытаюсь дать ему совет. Я даже со своими родителями не могу поговорить.

Он пожимает плечами.

— Он не слушает. Не пойми меня неправильно, я его люблю, но...просто у меня, в отличие от него, другие цели.

Я кладу руку на его, и это движение шокирует даже меня, но я оставляю все так, как есть.

— Ты должен снова с ним поговорить. Ты можешь управлять магазином во время учебы в колледже, но тогда он должен понять, что у тебя есть свои мечты.

— В этом-то и проблема. Он никогда не учился в колледже и думает, что это пустая трата денег. — Он раздраженно посмеивается. — За исключением того, если я поступлю на коммерческую деятельность, потому что это поможет магазину. Он просто не понимает, почему я хожу в школу, когда, по существу, обеспечен работой на весь день на всю свою оставшуюся жизнь. — Расстроено выдыхает. — Мы можем поговорить о чем-нибудь другом?

Мне все еще любопытно, но я все равно киваю. Смотрю на свои ноги и стараюсь подвигаться. Я застряла в песке по лодыжки, поэтому если достану одну ногу, то, возможно, упаду. Это будет супер потрясающе.

— Эм...можешь немного помочь?

Он смеется и берет меня за руку, вытаскивая. Я каким-то образом запинаясь о свою собственную ногу и врезаюсь в его грудь. Он обхватывает меня рукой за талию, чтобы уравновесить, но мы все равно падаем.

Щекой приземляюсь на холодный песок. Удивленно вскрикиваю, когда накатывает небольшая волна, и я чувствую, как сквозь джинсы просачивается вода. Карсон хохочет рядом со мной, когда я встаю.

Я осматриваю свою попу и замечаю мокрое пятно. Мило.

— Замечательно. Выглядит так, будто я описалась.

— Я тоже, — произносит он со смешком.

Чувствую во рту песчинки, поэтому протираю рукой губы, чтобы убрать соль.

— Прошло совсем не так, как я планировал, — говорит он, смахивая песок с волос.

— Не смешно. — Выплюываю песок изо рта и думаю о том, сколько же народу в этот день по нему ходили.

Отвратительно.

— Это было привлекательно.

Я сердито смотрю на него.

— А что я должна делать? Он был в моем рту! — Выхожу на сухой песок и сажусь, прекрасно осознавая, что он прилипнет к моим мокрым штанам на всю оставшуюся ночь. Ох, круто.

Он снова смеется и садится рядом со мной, и мы сидим в комфортной тишине.

Звезды сегодня очень красивы. Не помню, чтобы в нашем штате звезды были такими яркими. Может, я просто не обращала внимания. У меня просто не было на это времени.

Нога Карсона касается моей, и я осознаю, насколько близко мы сидим. Изучаю его, пока он осматривает пляж. Прежде чем позволяю себе слишком комфортно себя почувствовать, вытираю руки, запачканные в песке, и встаю.

— Возможно, мне стоит возвращаться.

Он выглядит разочарованным и открывает рот, чтобы что-то сказать, но затем закрывает. Встает, колеблется секунду и берет за руку, которую я ему протягиваю.

— Ты права.

Даже несмотря на мои слова о возвращении, мы не торопимся. Через двадцать минут проходим через забор позади дома Джо. Карсон провожает меня до двери в спальню, и я начинаю бояться. Снова эта сцена у двери. Сглатываю и глубоко вдыхаю, затем поворачиваюсь к нему лицом.

— Спасибо за прогулку. Сегодня мне это было нужно.

Он пожимает плечами.

— В любое время. — Рассматривает мое лицо и прочищает горло. — Я...эм...тогда увидимся завтра.

— Хорошо. — Отдергиваю свою руку, которую покалывает после его прикосновения, и удивляюсь тому, как мне хочется, чтобы он остался.

— Спокойной ночи, Окли. — Он робко улыбается, идет к забору и выходит. Я пристально смотрю на забор, пока не слышу, как он закрывает дверь. Не хочется в этом признаваться, но, возможно, я к нему привязалась. Только совсем немного.

Дорогая Окли,

Помнишь то одеяло с Супер Марио, которое мама подарила мне на пятилетие? Оно все еще у меня. Я сказал маме, что избавился от него несколько лет назад, потому что думал, что уже вырос для Марио. Но правда в том, что Марио рулит. Я имею в виду, круто ведь быть парнем-водопроводчиком, небольшого роста и толстым, но все равно прыгать так высоко? Это потрясающе! И вдобавок ко всему, иметь в качестве девушки Принцессу Пич. Принимая во внимание ее раздражающие высказывания в Марио Карт. И это при том, что Дейзи симпатичнее. Хотя, может, поэтому я предпочитаю брюнеток. Глупый Луиджи. Мне всегда не нравился он и его мерзкий голос.

Итак, не совсем понимаю, к чему сегодня это письмо. Я просто думал об одеяле. Оно засунуто в самый верх моего шкафа. Можешь накрываться им, если хочешь. Просто помни, что оно годами лежало на моей кровати. И я везде его таскал с собой. Возможно, это звучит отвратительно, поэтому идеально было бы постирать его, прежде чем с ним спать. Потому что ты будешь с ним спать. Это же Марио. Кто не хотел бы эту бродилку?

Приятных снов!

С любовью, Лукас.

Смотрю на письмо. У него все еще есть это отвратительное старое одеяло? Я хорошо его помню. Он везде таскал его с собой. Иногда маме приходилось вырывать его из его рук. Она всегда говорила, что он слишком большой, чтобы носить его с собой, даже несмотря на то, что именно она дала его ему. И он же не носил его с собой в магазин. Хотя был на все способен.

Столько воспоминаний.

Кто-то стучится в мою дверь, и заходит мама прежде, чем я отвечаю.

— Привет, — говорит она. Сегодня она выглядит лучше. Волосы уложены, на лице макияж. Она присаживается на край моей кровати и тербит прядь своих волос. Она всегда так делает, когда нервничает. — Есть кое-что, о чем мне нужно с тобой поговорить.

Вот и начинается. Я уже знаю, о чем пойдет речь. Видела знаки. Как только Лукасу диагностировали рак, они с папой начали вести себя друг с другом по-другому. Не думаю, что они обвиняют друг друга, так как раком никого не заразишь, но понимаю, что им хотелось бы сделать больше.

— Разговор насчет тебя и папы. Я разговаривала с ним прошлым вечером.

Она удивленно смотрит на меня.

— Да?

— Он ничего о тебе не сказал, но я не глупая, мам. Я все поняла еще до того, как мы сюда приехали.

— Окли. — Она вздыхает. — Мы с твоим отцом... — Она хмурится, и я понимаю, что она не знает, что сказать или как сказать.

— Вы разводитесь. — Я отворачиваюсь от ее пронизательного взгляда и фокусируюсь на своих руках. Хоть на чем-нибудь, чтобы отвлечь себя и не смотреть на нее. — Ну вот. Я озвучила это за тебя, поэтому тебе не придется это делать.

— Окли...позволь мне объяснить. Это не...

— Все в порядке, мам. Я знала, что так будет. — Я скидываю со своих ног покрывало и надеваю шлепки. — Я буду на пляже, если понадобится тебе.

— Окли, подожди. Все не в порядке. Нам нужно об этом поговорить.

— Я не хочу. Я знаю, что такое развод.

Она расстроено выдыхает.

— Я не это имела в виду.

Я кладу руку на дверную ручку.

— Тогда что ты имела в виду?

— Нам просто нужно поговорить. Мне нужно, чтобы ты поняла, через что я прохожу.

Я хмурюсь.

— Через что *ты* проходишь? А ты когда-нибудь думала, через что прохожу я? Мне семнадцать лет, и я прошла через большее, чем многие люди моего возраста. И это не хорошо. Мои родители в последний год забыли про меня, а сейчас разводятся. Брату диагностировали рак, и я смотрела, как он умирал. Я. Смотрела. Как. Он. *Умирал*. Нет моего лучшего друга. А мама даже не может посмотреть мне в глаза и сказать, что все обрывается.

Ее глаза наполняются слезами, и я тяжело вдыхаю, чтобы успокоиться.

— Окли...

Поднимаю руку, чтобы остановить ее.

— Пожалуйста. — *Продолжай дышать*. — Я не могу сделать это прямо сейчас. — Даже несмотря на то, что мне *хочется* сказать больше. Мне хочется, чтобы она знала, насколько мне больно. Хочется, чтобы она знала, что их развод уже влияет на меня, что это их вина, что я такая, но я не могу заставить себя это сделать. Поэтому стою и смотрю на нее, рука все еще лежит на дверной ручке, а она все еще с грустью смотрит на меня. Умоляет меня... не знаю, о чем. Вспоминаю вчерашнее письмо Лукаса. *Не будь слишком строга к маме и папе*. А как не быть? Разве она не видит, как мне больно? Как мне больно от того, что я потеряла трех людей, о которых заботилась больше всего? Прежде чем озвучиваю то, о чем потом пожалею, отворачиваюсь.

— Вернусь позже, — говорю я и открываю дверь.

— Окли, пожалуйста.

Я закрываю дверь и оставляю ее одну.

К тому времени, когда дохожу до воды, закипаю от злости. Не знаю, плакать мне или что-нибудь поколотить. Или кого-нибудь. От моей семьи практически ничего не осталось. Это убивает меня — самолично наблюдать за тем, как разваливается их брак.

Отстой. Много отстоя.

Лукас справился бы с этим лучше меня. Он всегда видел во всем светлые стороны, даже если их и не было. Если бы он был рядом, он бы выставил все в выгодном свете. Если бы он был рядом, он бы сказал мне перестать вести себя как ребенок и взять себя в руки. Уголки моего рта подергиваются, когда я вспоминаю все то время, когда он так говорил, потому что знал, насколько сильно я это ненавижу.

Но сейчас я понимаю, насколько актуально его высказывание. Я *веду* себя как ребенок. Может, Лукаса и нет рядом, но родители все еще здесь. И все, что я делаю, так это отталкиваю их.

Раздумываю, идти ли посмотреть, чем занят Карсон, так как, кажется, он всегда может поднять мне настроение, но решаю этого не делать. Его джипа нет на месте, поэтому я уверена, что он на работе. А я недостаточно храбрая, чтобы явиться и познакомиться с его

семьей без него.

— Привет, Окли.

Поворачиваюсь и вижу Диллона, который направляется ко мне с улыбкой на лице. Я знаю, что он живет поблизости, но не уверена, где именно.

— Привет, — отвечаю я смущенно. Мне не хочется с кем-то говорить. Ненавижу ругаться с мамой. Ненавижу.

— Ты занята?

Я качаю головой.

— Не особо.

— Могу я пригласить тебя на завтрак? Ты ела?

— Нет. — Выдавливаю улыбку, но мысли в голове путаются. Может, я была слишком строга с мамой? Я должна извиниться, но не знаю, что сказать. — Я не особо голодна.

Он выглядит разочарованным.

— Извини. Может, в другой раз.

— Ловлю тебя на слове.

Мы стоим в неловкой тишине, пока он не прочищает горло.

— Хочешь пойти погулять или займемся чем-то еще? Я должен быть на работе через час.

Я пожимаю плечами.

— Хорошо.

Мы идем. В голове туман, поэтому я не говорю. Только слушаю. Не то чтобы Диллон задает мне какие-либо вопросы. У него нет проблем с тем, чтобы самому поддерживать разговор. Он говорит и говорит, и я ненадолго отключаюсь от него.

— Ты уже попробовала?

Я все еще рассеянно смотрю на него.

— А?

Он улыбается.

— Серфить?

— Ох, да. Карсон брал меня с собой вчера.

Его улыбка тускнеет, но он быстро берет себя в руки.

— Он вчера не работал... Должно быть, он дал тебе бесплатный урок.

— Бесплатный урок?

— Учил тебя бесплатно. Это ему не свойственно. Обычно он не обучает учеников бесплатно.

— Я точно не его ученик. Мы просто друзья.

Он усмехается.

— Ну да.

Я останавливаюсь.

— Нет, правда. Он стал мне хорошим другом.

Он выставляет руки в защитном жесте.

— Я ни на что не намекал. Просто любопытно. Я знаю Карсона уже несколько лет, и он никогда просто так не дает уроки серфинга. И не проводит с кем-то все время. Он очень скрытный. Девчонки за ним годами бегают, а он даже не смотрит на них. Но затем появляешься ты, и он пойман на удочку.

— Все совсем не так.

Он улыбается.

— Может, не так для тебя. Хотя я могу сказать, что ты его зацепила.

Я скрещиваю руки и снова останавливаюсь.

— Ты даже никогда не видел нас вместе. — Почему он мне такое говорит? Сложно поверить, что я уже так могла понравиться Карсону. Он ничего обо мне не знает. Только то, что я не умею серфить и петь.

— Я видел достаточно.

Я снова останавливаюсь, и он тоже.

— Я должна вернуться домой.

— Правда?

— Да. Мне нужно кое-что сегодня сделать.

Он изучает меня, и я съеживаюсь под его взглядом.

— Хочешь, чтобы я тебя проводил?

Я качаю головой.

— Я справлюсь. Спасибо за прогулку.

— В любое время. И я, правда, рассчитываю на завтрак.

— Хорошо. — Я начинаю двигаться в сторону дома, явно ощущая его взгляд на мне. Не знаю, почему раздражаюсь, но так и есть. И смущаюсь.

Весь остаток дня мама молчит. И ни слова от Карсона.

Глава 11

Дорогая Окли,

Настало время поговорить. И нет, разговор этот не о пестиках и тычинках. Неловко не будет...

Я усмехаюсь. Даже когда он лежал в больнице, все равно шутил. Я просто могла слышать его сарказм.

Но серьезно. Я знаю, о чем думают парни. Будь осторожна. Ты становишься привлекательной. А так все и будет, ведь ты моя младшая сестра. Выбери парня, который будет относиться к тебе уважительно. Кого-то похожего на меня, но не меня. Веселого, очень умного и совершенно обалденного. И если найдешь правильного парня, не испорти все тем, что будешь не самой собой. Будь собой. Парням не нравятся фальшивые девчонки. А ты не фальшивая.

Ох, и держись подальше от БрэйдиКойлера. Если он посмеет пристать к тебе, у тебя есть мое разрешение надрать ему зад.

С любовью, Лукас.

БрэйдиКойлер. Признаюсь, что он сексуален, но на этом все. Лукасу не о чем беспокоиться, если дело касается Брэйди.

Откладываю тетрадь, надеваю шорты и топик. В голове всплывают мысли о том, что родители разводятся. Стараюсь об этом не думать. Стараюсь не волноваться. Разберусь с этим, когда буду готова.

Часть меня знает, что мне стоит поговорить с мамой. Исправить то, что уже сломано между нами, но я не могу. Я не знаю, как это исправить. Я не знаю, что сказать.

Звонит мой сотовый, и я плюхаюсь на кровать и отвечаю.

— Алло?

— Привет, Окли. Извини, что не позвонил вчера. Папа заставил отработать двенадцатичасовую смену. Когда пришел домой, сил у меня не осталось, поэтому завалился спать.

— Ужасно.

— Да. Ничего страшного.

— Вот и хорошо.

— Так как, хочешь сегодня попозже половить волны? Прямо сейчас я иду на работу, но встречу тебя на пляже около трех, если у тебя есть желание. Сегодня можем попробовать волны побольше.

— Замечательная идея.

— К тому же, моя семья хочет с тобой познакомиться. По крайней мере, сестра. Поужинаешь с нами?

Сердце колотится. Он хочет, чтобы я познакомилась с его *семьей*? Может, весь вчерашний разговор с Диллоном был правдой? Я ему и правда *так* нравлюсь?

— Эм...конечно.

— Супер! Тогда увидимся позже.

— Хорошо. Пока.

Кладу трубку. Может, мои прогулки с Карсоном отвлекут меня от того беспорядка, которым стала моя жизнь. Не знаю, что чувствую насчет того, чтобы познакомиться с его

семьей, но решаю действовать неспешно. Вдохни и выдохни. Побеспокоишься позже.

Я побеспокоюсь об этом *позже*.

Вместо того, чтобы до трех часов слоняться по комнате, я беру доску и направляюсь на пляж. Немного практики, прежде чем я снова выставлю себя перед Карсоном полной дурой, не помешает.

Море бурное, но некоторые все равно катаются на досках. Вода беспокойна, поэтому я остаюсь недалеко от пляжа, чтобы потренироваться на небольших волнах. Я удивлена, насколько легче для меня сейчас встать. Ноги с того дня, как Карсон обучал меня, все еще болят, но я чувствую, что они привыкают к резкому подъему и удерживанию равновесия. Лиш вокруг лодыжки больше не беспокоит.

Знаю, что уже несколько часов тут торчу, но мне нужно тренироваться столько, сколько я смогу выдержать.

Взяв еще одну небольшую волну, спрыгиваю с доски. Вода плещется у моих ног, и я смотрю в океан, на серферов, которые преодолевают волны побольше. Что-то внутри меня загорается. Может, я смогу попробовать большую волну без Карсона? Они не особо отличаются от тех волн, которые я уже преодолевала.

Качаю головой. Я никогда не действовала спонтанно. И никогда не делаю то, что может оказаться опасным. Но...почему бы и нет? Разве плохо ненадолго лишиться образа хорошей девочки и совершить что-то опрометчивое? Что плохого в том, чтобы пойти и попробовать волны побольше? Я не утону или что-то в этом роде. Я хорошо плаваю. А если и утону, то конец света не наступит.

Опускаю голову и потираю глаза. Почему именно эта мысль возникла в голове? Мне не хочется умирать. Да?

Смотрю на волны. Конечно, в этой идее есть и плюсы, и минусы. Например, снова увидеть Лукаса. Я могла бы быть счастливой. Только я и он. Никто даже не поймет, что я исчезла. Мои друзья уже позабыли про меня. Уверена, что мама с папой будут грустить, но мама все равно думает, что у меня суицидальные мысли. Она не очень-то удивится. Интересно, будет ли она по мне скучать.

Прежде чем понимаю, что происходит, гребу подальше от небольших волн. С силой окунаю руки в воду, борясь с потоком, отталкивающим меня обратно к берегу, и наконец добираюсь туда, где плавают все остальные серферы. Я смотрю, как они по очереди ловят разные волны, один за другим. Они настолько спокойны. Будто занимаются серфингом годами. Никто из них не выглядит настолько нервным, насколько я себя ощущаю. Никто даже не смотрит на меня, поэтому я следую позади и наблюдаю, стараясь понять правильную технику.

Мое тело дрожит, но, возможно, из-за холода. Или адреналина, которым меня накрыло. Жду, пока последний в очереди поймает волну и исчезнет из виду.

А что я сейчас должна делать?

Холод просачивается сквозь мой гидрокостюм и достигает кожи. Я дрожу. Вода темная и мрачная, а волны выглядят слишком большими. Опасными. Я совершаю что-то опасное. И из-за этого улыбаюсь. Затем думаю о Лукасе, точно зная, что бы он сказал, если бы был со мной.

Не глупи, Окли.

Я и не глуплю. Я пробую что-то новое и иду на риск.

Осматриваюсь. Возле меня никого нет. Никто не даст мне указания и не скажет, что я

буду в порядке. По какой-то причине, из-за этого я становлюсь более решительной. Я могу пойти на риск. Я могу преодолеть сложности. И я *поймаю* волну и прокачусь на ней до пляжа.

Закрываю глаза на какое-то время, глубоко вдыхаю и начинаю грести. На меня идет волна, и я гребу вдоль и наблюдаю, как она приливает. Чувствую, как она тянет мою доску. Сильно. Вытягиваю вперед ногу и приседаю, как делала на волнах поменьше, но слишком сильно наклоняюсь вперед. Размахиваю руками и падаю.

Глаза открываются, когда я врезаюсь в воду, и одновременно и горят, и пощипывают. Волна закручивает меня, и я понятия не имею, где поверхность. Стараюсь плыть и даже снова открываю глаза, но вижу только темноту. Я окружена темнотой. И холодом.

Мои руки касаются дна, и я изменяю положение тела так, чтобы ногами оттолкнуться от песка и рвануть на поверхность. Воздух в легких практически заканчивается, когда я наконец достигаю поверхности, и тяжело дышу, когда голова выныривает.

Стараюсь стереть соль с глаз, и меня снова утягивает волна. Хватаю полный рот воды, когда накатывает еще одна. Они все наступают и наступают, каждый раз затягивая меня вниз. Я понятия не имею, где моя доска. Стараюсь удержаться на плаву и плыть, но я настолько дезориентирована, что не уверена куда. Может, я и правда умру...

И я не уверена, согласна ли на это.

Еще раз выныриваю на поверхность, и кто-то кричит рядом со мной. Голос звучит издалека, но он знакомый. Я удивляюсь, когда меня хватают за руку и тащат вверх.

— Окли! Я здесь. — Смаргиваю с глаз соленую воду и фокусируюсь на лице Карсона. Его темные глаза полны беспокойства. — Можешь плыть?

Я киваю и пытаюсь грести руками.

— Я держу тебя. — Он обхватывает меня одной рукой и тянет за собой, пока я наконец не касаюсь земли. Прислоняюсь к нему, когда он помогает выйти из воды. Мы ступаем на пляж, и я падаю коленями на песок. Я слишком наглоталась соленой воды и выкашливаю половину.

— Ты в порядке?

Откидываю с лица влажные волосы и тяжело вдыхаю.

— Похоже на то. — Мне стоило послушаться Лукаса. *Не глупи*. Потому что именно так я и поступила. Сглупила. — Где моя доска? — Я знаю, что она больше не привязана к моей лодыжке, так как почувствовала, как ее оторвало, когда меня накрыла волна.

— Я не о доске беспокоюсь, а о тебе. — Он опускается до моего уровня, но я на него не смотрю. — Ты уверена, что в порядке?

Я киваю и поднимаю голову. Он расслабляется, но затем выражение его лица меняется; теперь он совсем не выглядит обеспокоенным. Мышцы челюсти напрягаются, а лицо краснеет. Он выглядит разозленным. Хватает меня за руку и старается поднять на ноги, но я пошатываюсь и падаю обратно на песок. Отпускаю его руку и обхватываю себя за талию, глубоко вдыхая. Он ничего не говорит, просто ждет, когда я буду готова. Как только я немного успокаиваюсь, протягиваю руку, и он помогает мне подняться. Ноги снова трясутся, но я думаю, что я в порядке.

— Извини. Мои ноги отказываются слушаться.

Он смотрит на меня в течение секунды с обеспокоенным выражением на лице, а затем... взрывается.

— Не хочешь объяснить мне, о чем именно ты там думала?

— Извини?

— Ты пыталась себя убить? Потому что это у тебя хорошо получалось.

Я хмурюсь.

— Нет, я не пыталась себя убить. Я пыталась серфить!

Он делает шаг вперед, руки скрещены на груди.

— Я сказал тебе дождаться меня. Мы собирались пойти вместе, чтобы я тебя поучил. Но судя по этим волнам, сегодня не тот день для новичка, чтобы серфить. Они слишком беспокойны и опасны. Даже я не сунулся бы туда в такой день.

— Ну, извини, но памятку я не получила.

Он хмурится.

— Не смешно.

— А я и не пытаюсь быть веселой.

Он смотрит на меня и качает головой.

— Я тебя не понимаю. Твое настроение такое непредсказуемое. В одну секунду ты улыбаешься и смеешься, а в другую у тебя такой отстраненный взгляд, а на лице хмурое выражение. Что бы тебя такой ни делало — не стоит себя убивать.

Я вспыхиваю.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. И я не пыталась себя убить!

— Меня не надуришь.

— Я старалась выбраться из воды!

— Не слишком сильно старалась. Для той, кто был в команде по плаванию в старшей школе, ты могла без проблем выбраться на пляж. Я знаю, что ты сильный пловец. — Выражение его лица становится обиженным. — Я видел, как ты перестала плыть, Окли. Ты сдалась.

— Я не сдавалась.

Он игнорирует меня.

— Тебе повезло, что я пришел, как только смог. Тебя ведь никто не видел.

— Тогда как *ты* меня увидел?

— Я увидел, как ты упала с доски, поэтому знал, где ты пошла на дно.

Я не знаю, что сказать, поэтому пялюсь на песок между пальцами ног.

Он какое-то мгновение молчит, а затем снова говорит. Тихо и спокойно.

— Скажи мне, что ты не пыталась утонуть.

— Не пыталась. — Я поднимаю голову и удивляюсь выражению его лица. Он выглядит грустным. Что подтверждает то, что он мне не верит. А затем я удивляю себя, добавив: — А даже если и пыталась, то это не так уж и плохо... Мне нечего терять.

— Тебе есть что терять.

— Нет. Брата уже нет. У меня ничего нет.

Он смотрит на меня. С любопытством.

— Твои родители.

— Не говори со мной о моих родителях. Ты их не знаешь. И меня не знаешь.

Он дотрагивается пальцами до моей щеки.

— Я могу тебе помочь. Поговори со мной и позволь помочь.

— Не думаю, что кто-то прямо сейчас может мне помочь.

Я отступаю от его прикосновения и отворачиваюсь.

— Окли, — произносит он, его спокойный голос пробуждает во мне самые

разнообразные эмоции, но я не оглядываюсь; просто иду к дому, а он не следует за мной.
Вот тебе и спонтанность. Это *так* на меня не похоже.

Глава 12

Я сбегая в единственное место, которое приходит мне на ум — в свою комнату. Переодеваю дурацкий гидрокостюм, но не убираю влажные волосы в хвостик. Из-за соленой воды чувствую себя грязной, но я слишком измождена и расстроена, чтобы забираться в душ.

Тетрадь Лукаса лежит на кровати, где я ее и оставила. Мне нужно прочитать его слова. Они меня успокоят. Он всегда знал, что сказать. Он бы сделал так, чтобы это все забылось. Я шмыгаю носом, глубоко вдыхаю и читаю.

Дорогая Окли,

Сегодня был сложный день. Врать не буду. Обычно я очень жизнерадостен, но, по какой-то причине, сегодня отвратительный день. Ты знала, что что-то не так, когда пришла меня навестить, но ты-то меня знаешь. Я притворяюсь, что в порядке, даже если ты понимаешь, что это не так. Иногда я не могу не думать, почему это случилось со мной? Почему именно я заболел? Знаю, что все происходит по какой-то причине, но сложно понять, какова она.

Я знаю, что буду в порядке. Я не боюсь умирать. Фактически, я с волнением жду нового приключения. Такого, в котором не задействованы иголки или лекарства, боль и слабость. Я снова буду цельным. Самим собой. Своего рода цинично желать смерти, но мне здесь больше нечего делать. Кроме того, как страдать. И, конечно, выигрывать у тебя в X-box.

Единственное, по чему я буду скучать, это ты. По маме с папой буду скучать немного, но большей частью по тебе. Ты моя маленькая сестренка. Мой лучший друг. Пожалуйста, заботься о себе и живи дальше, когда я умру. Не живи прошлым, но и не забывай меня. Пообещай, что не забудешь меня.

С любовью, Лукас.

Слезы струятся по моим щекам, когда картинки подключенного ко всем этим аппаратам Лукаса всплывают в голове. Его похудевшее лицо все время улыбается, даже когда ему больно говорить. Он был храбрее меня, окажись я в той же ситуации. И я так сильно по нему скучаю, что даже больно.

Его слова звучат в моей голове. Ему не хотелось умирать, но он был на это согласен. Я дрожу, ведь сегодня могла умереть. И неважно, что я могу думать или говорить — я знаю, что не готова умереть. Даже если Лукас умер, я многого еще не открыла для себя. Так много хочется сделать. И как я могла подумать о том, чтобы выбросить вон свою жизнь, когда Лукас так сильно боролся, чтобы сохранить свою?

Карсон был прав. О чем я думала?

Стук в застекленные двери заставляет меня подпрыгнуть. Я боюсь их открывать. Уверена, что это Карсон. Почему он за мной пошел? Вытираю глаза и иду к двери. Минута уходит на то, чтобы успокоиться, а затем открываю дверь.

Карсон стоит на крыльце, держа в руках мою доску. Он не улыбается, просто рассматривает мое лицо. Глаза у него грустные, и он смотрит на меня с таким беспокойством, что мои глаза снова наполняются слезами.

Он прислоняет доску к дому и делает шаг ко мне. Мне хочется убежать, спрятаться от его обеспокоенного взгляда, но я не могу двигаться. Он медленно протягивает руку и откидывает с моего лица прядь влажных волос, а затем сокращает расстояние. Я не двигаюсь

с места, просто закрываю глаза, когда он приближается.

Его руки огибают мое тело, и я удивляю саму себя тем, что кладу голову ему на грудь. Его сердце бьется быстро, и он обвивает меня руками, притягивая к себе в объятия. Он теплый и сильный, и я прижимаюсь к нему в ответ. Меня уже давно не обнимали. Не так. Я сжимаю его крепче и плачу, явно осознавая тот факт, что мочу его кофту.

Я знаю, что мне нужен кто-то, кто заполнит образовавшуюся пустоту, оставленную Лукасом. Кто-то, кто позволит мне плакать, тщательно обсудит все со мной. Кто-то, кто даст мне почувствовать себя личностью, а не тенью себя предыдущей. И этот человек — Карсон. Даже несмотря на то, что я не очень давно его знаю, с ним я чувствую себя в безопасности. Комфортно. Он мой друг. И сейчас этого достаточно.

Я не уверена, сколько мы так стоим, но я наконец-то отодвигаюсь. На его кофте огромное влажное пятно, но ему, кажется, все равно. Я вытираю глаза тыльной стороной ладони и тяжело вдыхаю.

— Извини... насчет этого, — говорю я. Мой голос хриплый. Я чувствую себя немного лучше и намного хуже. Голова болит, а глаза саднят. После окунания в океан и эмоционального срыва, я, уверена, похожа на развалину.

— Нет, это ты меня прости. За то, что кричал на тебя. — Он вздыхает. — Я слишком бурно отреагировал.

— Нет, это не так. Я это заслужила.

Я чувствую, что он наблюдает за мной, поэтому поднимаю голову.

— Сожалею насчет твоего брата.

— Не надо. Не твоя вина, что он умер.

Я знаю, что он не это имеет в виду, но это просто автоматический ответ.

— Что случилось?

Я вздыхаю и присаживаюсь на один из плетеных стульев, стоящих на террасе. Карсон опускается на второй, не отводя от меня глаз.

— В восемнадцать лет ему диагностировали остеосаркому.

Он приподнимает бровь.

— Рак костей, — уточняю я. — Сначала мы подумали, что опухоль доброкачественная, она была только в его бедре. Но затем обнаружили еще очаги. После года химиотерапии, он прекратил лечение, и ему спрогнозировали только несколько месяцев. Он умер несколько недель назад.

Он смотрит на землю.

— Мне так жаль.

— Моя мама думала, что ненадолго сбежать от всего — хорошая идея, поэтому мы переехали сюда до начала лета. — Я неуверенно выдыхаю. — Хотя сейчас мы, возможно, останемся здесь подольше. Мои родители разводятся.

— Я знаю, какого это. Совсем не весело.

— Твои родители разведены?

Он кивает.

— Они развелись, когда мне было десять. Моя биологическая мать бросила нас, и отец женился заново на моей «маме» два года назад. Мне было мало лет, но я все помню. Каждую ссору родителей, каждую эмоцию, когда мама ушла. Мне было сложнее, чем хотелось бы признавать. Да до сих пор так, так как с тех пор я ее не видел. Иногда, время от времени, накрывает грусть, но я же человек. Невозможно блокировать все плохое. Иначе невозможно

оценить хорошее. Понимаешь?

Я смотрю на землю и киваю. Он прав.

— Так или иначе, мы можем поговорить о них позже. Мне хочется послушать про тебя.

— Ох. — Мне не хочется разговаривать только насчет себя, но, возможно, мне станет легче, если я с кем-то поделюсь. — Ну... Я не удивляюсь разводу. Не особо. Моя мама любит все контролировать и делает то, что хочет и когда захочет. Ей никогда не удавались компромиссы или общение. Я бы назвала ее равнодушной. До болезни Лукаса она была другой, но сейчас... — Я качаю головой. — Папа более спокойный, но ему тоже нравится, когда все происходит, как он хочет. Можешь представить себе, какими стали они, когда Лукасу поставили тот диагноз. Они оба хотели разного лечения и разных мнений от разных докторов. Это был кошмар. Лукас наконец-то сказал им, что собирался сделать, и, так как это его жизнь, они позволили ему решать.

— Ты была очень близка к нему, не так ли. — Это не вопрос.

— Он был моим лучшим другом. — Слезы снова заполняют мои глаза, и я резко моргаю, чтобы избавиться от них. Сегодня с меня достаточно эмоций. Мне не хочется выглядеть слабой, но именно такой я себя и чувствую. — Знаю, что некоторые братья и сестры не ладят, но у нас было по-другому. Он даже оставил мне тетрадь с письмами, когда умер. Чтобы убедиться, что я буду в порядке... Но я не в порядке. — Я вытираю свои влажные щеки. — Извини. Обычно я не такая.

— Нет ничего в том, чтобы выговориться, — отвечает Карсон.

— Ненавижу это. — Я вытираю глаза и шмыгаю носом. — Родители заставили меня разговаривать с социальным педагогом из больницы, и она всегда говорила одно и то же.

— Да?

— Да. Это был как урок. Больница предлагает его бесплатно, если у твоего брата или сестры рак. В основном для того, чтобы ты знал, будто твои родители все еще любят тебя, даже несмотря на то, что проводят много времени с вышеупомянутым братом или сестрой, и бла-бла-бла. Мой педагог всегда удивлялась тому, что я никогда не плакала на ее приемах. Просто я ненавижу плакать. — Мне нужен платочек. Возможно, моя голова взорвется, если я сейчас не высморкаюсь.

Он берет меня за руку.

— Спасибо, что рассказала мне про Лукаса. Как бы мне хотелось с ним познакомиться.

Я шмыгаю носом.

— Ты немного мне его напоминаешь. Может, именно поэтому мне так хорошо с тобой.

Он улыбается и крепко сжимает мою руку.

Я снова шмыгаю и глубоко вдыхаю.

— Хочешь войти? Мне правда надо высморкаться. — Как унизительно это звучит, но он не смеется. Только кивает и помогает мне встать со стула.

Как только оказываемся в комнате, я несусь в ванную. Сначала отворачиваюсь от зеркала, но заглядываю в него, как только очищаю свои носовые пазухи. Я похожа на монстра. Лицо бледное с красными пятнами на щеках и вокруг глаз. Знаю, что, когда плачу, выгляжу как уродина, но это возмутительно. Промываю лицо холодной водой, хоть и не уверена, что это как-то спасет ситуацию. Просто видела, что так часто поступают в фильмах, поэтому это кажется мне правильным. Привожу себя в порядок и возвращаюсь в комнату.

Карсон сидит на полу, прислонившись спиной к кровати и с гитарой на коленях.

— Урок игры на гитаре поднимет тебе настроение? Уверен, что достаточно облажаюсь,

чтобы заставить тебя смеяться.

Слегка хихикаю и сажусь рядышком.

— Сейчас как раз подходящее для этого время.

Он проводит пальцами по моей щеке.

— У тебя красивая улыбка. Ты должна почаще улыбаться.

Мои щеки краснеют, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы достать гитару, пытаюсь отвлечься от очень сексуального парня, который сидит рядом. От очень сексуального парня, которому нравится прикасаться ко мне, держать меня за руку, говорить комплименты моей работе и гулять со мной. Это нереально.

— У тебя крутой футляр, — говорит он.

Я смотрю на потертые наклейки разных групп. Под ними едва различим черный футляр. Я собирала их с начала учебы в девятом классе. Некоторые из них настолько потертые, что даже не могу сказать, какая группа на них изображена.

— Спасибо.

Моя гитара выглядит точно так же, как и в последний раз, когда я на ней играла. Старая, но идеальная. Достаяю ее и пробегаю пальцами по блестящему дереву. Я не играла с той ночи, как умер Лукас. С того последнего раза, когда он был в сознании. Он раз за разом повторял, что есть в этом что-то успокаивающее, и всегда просил меня сыграть для него, особенно ночью. Музыка помогала ему спать, и я до сих пор помню его умиротворенное лицо, когда он слушал, как я играю.

— Ты в порядке? — спрашивает Карсон.

— Да. Просто... — Провожу пальцами по струнам, но не перебираю их. — Последний раз я играла в ночь, когда умер Лукас. Ему всегда нравилось слушать меня, и он хотел, чтобы последнее, что он услышит, была моя музыка. — Поигрываю одной струной. — Я пытаюсь уговорить себя снова играть.

— Не нужно, если тебе так больно.

Я качаю головой.

— Нужно. Мне нужно продолжать жить. Не могу избегать того, что напоминает мне о нем. — Достаяю из футляра тюнер и перебираю струны. Звучит ужасно, поэтому не убираю тюнер, пока не успокаиваюсь от того, что все в порядке. Проигрываю аккорд и улыбаюсь. Мои пальцы точно знают, что делать, и я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и играю одно из своих любимых классических произведений — прелюдию из первой виолончельной сюиты Баха. Она сложна, но прекрасна и стоит всех тех часов, в течение которых я репетировала, чтобы усовершенствовать ее. Музыка льется из-под кончиков моих пальцев, и на какое-то мгновение я забываюсь. Чувствую только музыку. Я забыла, какой эффективной она может быть.

— Ты превосходно играешь, — говорит Карсон.

Я открываю глаза и чувствую, как краснеют мои щеки.

— Спасибо. — Перестаю играть и передаю гитару ему. — Уверен, что хочешь, чтобы я научила тебя играть? Я не самая лучшая гитаристка в этом мире.

— А кто еще? — спрашивает он. — Ты очень хорошо играешь. И неважно, кто меня учит. Я все равно облажаюсь.

— Ты не можешь этого знать, — говорю я. — Но какое-то время, может, и будешь лажать.

Он смеется, и я придвигаюсь ближе к нему. Наши ноги и плечи соприкасаются, и

сначала я напрягаюсь, а затем заставляю себя расслабиться.

— Держи ее вот так, — показываю ему. — Ремень повесь на шею. Левую руку положи на гриф, а правую держи возле резонаторного отверстия, где струны.

Он передвигает руки и улыбается.

— Вот так?

— Ага. Правой рукой перебираешь струны, а левой на грифе, снабженном ладами, зажимаешь аккорды. Теперь прислонись к кровати. Если наклонишься вперед, то быстро станет очень неудобно.

Он отклоняется, а затем смотрит на меня со странным выражением на лице.

— А что такое гриф, снабженный ладами?

Я фыркаю.

— Видишь вот эти маленькие металлические перегородки под струнами?

Он смотрит на них и кивает.

— Это лады. Если нажмешь где-нибудь между ладами, то изменишь тон струны.

— Ого. Извини, я ничего не знаю про гитары.

— Эм...ты видел, как я катаюсь на серфинге? Очевидно, я тоже понятия не имею, что делаю.

— Ты знаешь, что делаешь. Ты хорошо справлялась. — Он хмурится. — Кроме сегодняшнего дня.

— Я знаю. Было глупо. — Мне не хочется снова об этом говорить, поэтому качаю головой. — Значит так, это медиатор. Держи его вот так. — Я касаюсь его руки и поворачиваю ее ладонью к телу. — Вот. Замечательно.

Он приподнимает бровь.

— Правда?

— Да. — Мое лицо находится очень близко к его, поэтому я отворачиваюсь и вместо этого сосредотачиваюсь на его руке. — Крепко держи медиатор и перебирай струны вот так. — Двигаю его рукой вверх и вниз, а затем отпускаю, чтобы он сделал это сам. — Взмахи вверх должны звучать так же, как и взмахи вниз.

— Они...вроде как такие же.

Струны бренчат, когда он делает взмах вверх, но чем больше он играет, тем лучше у него получается.

— Это очень легко.

— Ну конечно, эта часть легкая. А теперь нам нужно поработать с рукой на грифе.

Я показываю на его левую руку и улыбаюсь.

— Ты имеешь в виду, что я действительно должен делать что-то этой рукой?

— Эм...да. Давай начнем с аккорда G.

Не прошло и часа, как Карсон достиг вершин мастерства с «У Мэри был маленький барашек». Он снова проигрывает ее с огромной улыбкой на лице.

— Я должен играть в детском садике.

— Уверена, что детишкам бы понравилось.

Он смеется, снимает с шеи ремень и протягивает гитару мне.

— Я бы лучше послушал, как *ты* играешь. Уверен, ты усовершенствовала любой

детский стишок из книги.

Я пожимаю плечами.

— Да, возможно. — Хихикаю и играю кое-что, что он, может быть, вспомнит.

— Да ладно! Люблю «Stairway to Heaven», — говорит он. Он наклоняется, наблюдая за моими пальцами, которые проигрывают вступление. Он удивляет меня и начинает напевать, когда я дохожу до первого куплета. Меня подмывает спеть вместе с ним, но я знаю, что он, возможно, сбежит с криком из комнаты, если я попробую, поэтому просто покачиваю головой в такт.

Я заканчиваю песню и смотрю на него.

— У тебя хороший голос.

— Ага. Несомненно. — Он наклоняется поближе и показывает на одну из нот. — Так как ты сыграла эту песню? Она для меня слишком сложная?

— Да...возможно. Давай начнем с чего-то полегче. Почему бы тебе не перебирать струны, а я буду зажимать аккорды. Сочиним свою собственную песню.

Он фыркает, придвигается ближе и заводит за меня руку. Тянется и ждет с медиатором наготове, чтобы начать играть. Я стараюсь сосредоточиться, но это сложно, учитывая *его близость*.

— Готов? — Мой голос дрожит.

— А ты? — Его дыхание щекочет мне ухо, и я явственно ощущаю, насколько мы близко друг к другу. Слегка поворачиваю голову, и вот он, смотрит пристально на меня. Мое дыхание ускоряется, а сердце бьется быстрее. Я знаю, что последует дальше, но не уверена, готова ли к этому. Я никогда ни с кем не целовалась. Никогда не находилась в такой близости. Мое сердце колотится в груди, и я стараюсь успокоиться.

Это дохлый номер.

Он склоняется достаточно близко, чтобы я почувствовала его дыхание на своих губах. Мои глаза закрыты, и даже несмотря на то, что мой разум кричит мне остановиться до того, как это произойдет, я не останавливаюсь. Не могу. Это идеальный момент. Его губы касаются моих только на мгновение, а затем он отодвигается. Я открываю глаза, и он смотрит на меня, будто спрашивая, все ли в порядке. Я внимательно смотрю на него, и он колеблется всего секунду, а затем снова наклоняется, касаясь своими мягкими и нежными губами моих. Его рука скользит по моей спине, другая обхватывает меня за щеку. Часть меня, кажется, превратилась в лужицу, а другая часть обеспокоена тем, что я делаю что-то неправильное.

Вскоре он снова отодвигается и смотрит на меня. Он хмурится, когда замечает выражение моего лица.

— Извини, — говорит он. — Я не... Извини.

Я трясую головой.

— Не извиняйся. Просто я никогда... ну, ты знаешь. — Я краснею. — Я никогда прежде не целовалась. Я никогда...ну, ни с кем не встречалась. Что очевидно. Потому что я ни с кем не целовалась. — Я крепко сжимаю глаза и хмыкаю, понимая, что за чепуха вылетает из моего рта. Не знаю, почему это ему рассказываю. Мне бы и правда хотелось заткнуться, но я так нервничаю, что ни на чем не могу сосредоточиться.

Он улыбается.

— Не беспокойся. Я бы так не сказал.

Кладу гитару в чехол и скрещиваю руки. Тишина сбивает меня с толку. Я не могу на

него смотреть. Не знаю, что же дальше следует за поцелуем, поэтому просто сижу, уставившись в пол. Он, должно быть, снова читает мои мысли, потому что тянется к моей руке. Сжимает ее и встает, поднимая меня за собой.

— Мне лучше идти. У меня был трудный день, и папа хочет, чтобы я сегодня вернулся в магазин. Нужно провести инвентаризацию.

Звучит совсем не весело. Ни для меня, ни для него.

— Ну, спасибо за...ну ты знаешь. За то, что был здесь. Со мной. — Щеки снова вспыхивают. Я знаю, что теперь, когда мы поцеловались, наши отношения изменились. По крайней мере, для меня. Это меня беспокоит. И волнует. И пугает. И я чувствую вину. Мне не следовало влюбляться в какого-то парня, когда я должна оплакивать своего брата. И брак моих родителей.

— Можешь поговорить со мной в любое время. Ты же это знаешь, да?

Я киваю. Странно вспоминать последние несколько недель. Я все еще не очень хорошо его знаю, но чувствую, что мы друзья навечно.

— Я знаю. — Провожая его до двери. — Повеселись на работе.

Он притягивает меня в объятия, а затем отклоняется. Интересно, хочет ли он снова меня поцеловать, но он просто улыбается.

— Позвоню тебе позже, хорошо? — Он наклоняется и касается губами моего лба, а затем уходит.

Я взволнована. Я только что поцеловала парня, которого едва знаю! Что я чувствую насчет этого? Что я чувствую к *нему*? Знаю, что он мне нравится, а то не позволила бы ему меня поцеловать, но теперь все изменится. Я присаживаюсь на кровать и смотрю на стену. Сцена поцелуя проигрывается в моей голове, снова и снова. Улыбаюсь и сворачиваюсь в клубок поверх покрывала. Я очень даже уверена, что сегодня мне будут сниться хорошие сны.

Дорогая Окли,

Извини за последнее письмо. Я был не в настроении. Думаю, слишком много посмотрелся Гарри Поттера. Или никто в Гарри Поттере так не говорил? Старики так говорят? Борода Мерлина, я чудной!

Ты понятия не имеешь, как сильно я сейчас смеюсь, записывая это. Медсестры, возможно, думают, что я схожу с ума. Наверное, они правы.

И все-таки, помнишь, мы ходили на пятого Гарри Поттера в день, когда он вышел? И перед очередью, в которой мы ждали, стоял старый отвратительно выглядящий диван. И мы на него сели. И все, кто нас видел, спрашивали, наши ли он, и мы отвечали, что да. Было весело. Серьезно. Уморительно. Даже несмотря на то, что мы, возможно, подхватили от него какую-нибудь болячку.

Веселые были времена, да? Не переставай заниматься такими вещами. Благодаря им появляются хорошие истории и веселые воспоминания. Продолжай создавать воспоминания, Окли. Не продолжишь, потом пожалеешь.

С любовью, Лукас.

У нас и правда были веселые времена, которых слишком много, чтобы сосчитать. Хотя воспоминание о Гарри Поттере — одно из моих любимых. Мы сидели снаружи на солнце и загорали на этом старом диванчике. Мы были первыми в очереди на этот фильм в день премьеры. Мне не хотелось быть первой, но Лукас заставил меня выбраться из машины и бежать спасать наше место. Сначала было неловко, но после — очень круто. В очереди даже стоял какой-то высокий парень, одетый как Хагрид, с которым мы сфотографировались. Мы были совершенно беззаботными. Но этот день был одним из лучших.

— Окли?

Засовываю тетрадь под подушку, и Джо как раз открывает дверь. Ее взъерошенные волосы убраны в хвостик, и она одета в очень короткие шорты и топик. Если бы у меня было такое тело, как у нее, то я бы тоже так одевалась.

— Привет, — говорю я.

Она заходит и присаживается на край кровати.

— Я просто хотела, чтобы ты знала, что твоя мама сегодня утром забирает твоего папу из аэропорта.

Я замираю.

— Что?

Он правда приехал? Они все выяснили? Или он привез ей на подпись документы на развод? Разве документы получают так быстро?

Джо, должно быть, видит панику на моем лице, потому что похлопывает меня по руке.

— Жаль, что она не сказала тебе. Твой папа собрался сюда в последнюю минуту. Я, вообще-то, спорила с твоей мамой, чтобы она сама сказала тебе, но ей не хотелось тебя будить. Они вернутся позже, обещаю.

— Хорошо. — Мне приходится надеяться, что они все выяснили. Приходится. Надежда — единственное, что у меня осталось.

— Эй, все будет в порядке, — говорит Джо. Она улыбается, морщинки у ее глаз заметны больше, чем я помню. — Вообще-то я хотела с тобой кое о чем поговорить. Я только что

получила вызов от береговой охраны, что в десяти минутах езды от нас попал в бедственное положение морской лев. Хочешь поехать со мной и проверить? Сможешь посмотреть, чем я занимаюсь, и ненадолго выберешься из дома. Твои родители должны быть здесь к тому времени, как мы вернемся.

— Конечно. — Не то чтобы у меня было чем еще заняться. Карсон все равно работает. — Дай быстренько переоденусь.

— Замечательно. В этот раз не забудь крем от загара. — Она показывает на мой нос. — Ты начинаешь понемногу облезать.

Ага, *великолепно*.

Через пятнадцать минут мы выходим из дома. Я удивляюсь, когда вижу Диллона у грузовичка Джо. Его лицо озаряется, когда он замечает меня.

— Как дела? Несколько дней тебя не видел.

— У меня все хорошо. — От него снова пахнет кокосом. — Что ты здесь делаешь?

— Мой папа работает с Джо, поэтому время от времени заставляет меня помогать. — Он пожимает плечами.

— Ох. — Мы забираемся в грузовичок, и к нам подъезжает еще один. Джо высовывает голову в окно и разговаривает с мужчиной. Не успеваю я и глазом моргнуть, как мы следуем за ним по улице.

Я сижу рядом с Джо, которая громко разговаривает по телефону, и Диллон плюхается рядом со мной. На нем одета очень обтягивающая футболка, и я не могу не оценить его. Он мускулистый, это точно. Шесть кубиков и все такое. У Карсона тоже они есть, но он не такой загорелый. И его руки не такие... блестящие.

Диллон замечает, что я на него смотрю, и улыбается, выставляя напоказ свои прямые белые зубы. Он наклоняется поближе.

— Можешь продолжить осмотр. Я не возражаю.

А еще он очень высокого мнения о себе.

Я закатываю глаза и отворачиваюсь.

— Что? — спрашивает он, посмеиваясь.

Слава богу, мне не приходится отвечать, так как Джо сбрасывает скорость. Она заезжает на пляж и едет к воде.

— Вот она, — говорит тетя.

Я смотрю вперед и вижу коричневую тушу, лежащую на песке, половина тела в воде. Морской лев едва двигается и издает ужасные звуки. Его окружает группа людей, но никто не подходит слишком близко.

Диллон выпрыгивает из грузовика вместе с Джо. Я остаюсь на своем месте, мой взгляд приклеился к животному, которое барахтается в воде. Вижу, как несколько мужчин выпрыгивают из другого грузовика с большими сетями и другим оснащением. Морской лев не двигается, когда они накрывают его.

Я вылезаю из грузовика и подхожу туда, где все собрались. Вижу, как Джо вводит что-то животному очень длинной иглой, а Диллон гладит его голову, на которую я долго не смотрю. Я уставилась на массу жира и кости, торчащие из трех глубоких порезов на боку льва. Крови-то и нет особо, только ткань и мясо. Я вздрагиваю от мысли, что могло

случиться и как больно животному. Оно просто лежит, едва дыша.

— Окли, — говорит Диллон. — Почему бы тебе не вернуться в грузовик?

Я не отвечаю, просто смотрю. Не могу отвести взгляда от раны, и через какое-то мгновение Диллон обхватывает меня рукой за плечи и пытается развернуть. Убрать животное с поля моего зрения, насколько я уверена.

— Нет, я в порядке. Я хочу посмотреть. — Я поворачиваюсь, сгорая от любопытства, что же они будут с этим делать.

Он приподнимает бровь.

— Уверена?

— Да. — Я держу дистанцию, но наблюдаю, как Джо и ее команда приступают к работе. Джо, очевидно, делала это миллион раз. Она удивительно осторожна и спокойна. Пока они загружают морского льва на носилки, Джо общается с ним, как с человеком, похлопывает его по голове и убеждается, что ему удобно. Мне очень хочется коснуться его, как-то успокоить.

— Ее будто сбили лодкой, — говорит Диллон.

Смотрю на него. Я даже забыла, что он здесь. Морской лев издает еще один ужасный звук, который рвет мое сердце на части.

— Что с ней будет?

Диллон хмурится.

— Она в очень плохом состоянии. Судя по тому, что я вижу, а я не ветеринар, рана, возможно, убьет ее. Сомневаюсь, что она доживет хотя бы до спасательного центра.

— Как... грустно.

Он пожимает плечами.

— Здесь повсюду множество морских львов. И грустно видеть их в таком состоянии, но, думаю, это круговорот жизни.

Я выдавливаю улыбку.

— Ты же не собираешься напевать песенку из «Короля Льва»?

Он ухмыляется.

— А ты этого хочешь?

— Не совсем.

Он фыркает и минуту молчит.

— Так вы с Карсоном...

Я удивленно смотрю на него:

— Что?

— У вас сейчас отношения?

Я отворачиваюсь.

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

— Ох, да ладно. Я разговаривал с ним этим утром. — Его голос напряжен, и он отворачивается, неожиданно рассматривая кого-то позади нас.

— Мы друзья.

Он смеется.

— Друзья. Точно.

— Ты в порядке, Окли?

Я с благодарностью смотрю на Джо. Ее одежда промокла, и она убирает пучок волос с лица.

— Да, все хорошо, — говорю я. — Ты поразительная!

Она закатывает глаза.

— Не особо. И мне очень жаль, что ты это видела. Не так уж и много морских львов остаются живыми после таких вот несчастных случаев. Этот борец. Хотя не думаю, что она доживет. Рана слишком серьезная.

Я киваю и чувствую, как все сжимается в груди. Бедное животное.

— Мне так жаль.

Она пожимает плечами.

— Такое случается. Хотя на мой взгляд — слишком часто. — Она просовывает руку через мою. — Давайте вернемся в спасательный центр, и ты сможешь делать все, что захочешь. Я чувствую себя виноватой, что подбила тебя поехать со мной. Тебе не стоило на это смотреть.

— Все в порядке, Джо. Я правда рада, что приехала сюда. То, что ты делаешь для животных — просто потрясающе. Если не возражаешь, я бы еще так съездила.

Она выглядит удивленной, но все равно кивает.

— Конечно я не возражаю. Мне нравится, когда ты рядом.

Я улыбаюсь ей, и она похлопывает меня по спине, а потом уходит.

Я следую за Диллоном до грузовика, и мы садимся внутрь.

— Твоя тетя очень крутая, — говорит он. — Многих животных спасла. Ты еще не была в спасательном центре?

Я качаю головой. Диллон опять стал самим собой. Напряжение между нами, кажется, ушло.

— Ты должна зайти внутрь, когда мы доберемся до него. Там мило. — Он потягивается и закрывает глаза.

Мы ждем, когда животное погрузят в грузовик, а затем выезжаем. До центра добираемся быстро. Джо ведет грузовик по длинной подъездной дорожке, огибает здание и паркуется возле задней двери.

Из здания выбегает толпа людей, и Джо с Диллоном помогают им затащить морского льва вовнутрь. Я не знаю, что мне делать, поэтому сижу в грузовике и жду возвращения Джо. Она высовывает голову из здания и спрашивает:

— У тебя все хорошо?

— Да.

— Почему не заходишь? Я бы провела тебе экскурсию. Здесь счастливых историй больше.

Я вылезая из машины и следую за ней. Только увидев эту одну часть здания, понимаю, что остальная часть просто огромная. Повсюду стоят большие клетки с тюленями и морскими львами. Некоторые блаженно плавают в бассейнах, остальные отдыхают. Бассейны на вид выглядят как обычные бассейны, но я знаю, что они заполнены соленой водой. И, думаю, ледяной.

Я заглядываю в ближайший загончик и вижу морского льва, который лежит на боку возле выхода. На его коже огромный укус. Он не такой серьезный, как я видела у льва на пляже, но все равно выглядит ужасно. Лев смотрит на нас, когда мы проходим мимо, и уползает, чтобы скользнуть в бассейн, расположенный в загончике.

Джо останавливается у определенной калитки и улыбается.

— Это Бенни. Я нашла его, когда он был совсем малышом. Он был очень обезвожен и

болен. Мы не смогли выяснить местоположение его мамы, поэтому привезли его сюда. Она, возможно, умерла, так как морские львы обычно не оставляют надолго своих детей. — Она наклоняется и улыбается морскому льву. — Сейчас он в достаточно хорошем состоянии, поэтому на следующей неделе мы его отпустим. Это всегда и радостно, и больно. — Она смотрит на него в последний раз и продолжает идти.

Здесь так много животных: тюлени, морские львы, несколько дельфинов. Просто потрясающе, сколько Джо и ее команда делают для них.

— Мне нужно проверить самку, которую мы привезли. — Она изучает меня. — Ты можешь посидеть в моем кабинете или, если хочешь, можешь пойти со мной. Решать тебе.

Я пожимаю плечами.

— Я пойду с тобой.

— Уверена?

Я киваю. Не могу объяснить, почему мне хочется снова это увидеть. Факт в том, что животное умирает, и это меня беспокоит, но что если я бы я могла заниматься таким же? Что если бы я могла спасать животных от той участи, от которой сейчас страдает этот морской лев?

Джо идет по коридору мимо нескольких дверей. Она заходит в белую комнату, в которой множество людей окружают раненое животное.

— Как у нее дела?

Один из, как я предполагаю, ветеринаров смотрит льву в глаз.

— Мы собираемся ее усыпить. Она не выкарабкается.

Джо вздыхает и похлопывает парня по спине.

— Эти несколько месяцев были сложными, да? Как бы мне хотелось научить животных держаться подальше от лодок, но увы. — Она хмурится. — Давайте больше не позволим ей страдать. И если ты не против, я выведу отсюда свою племянницу.

— Мне правда... — Я хочу сказать Джо, что все в порядке, но она уже тянет меня за дверь.

— Я о ней позабочусь, — говорит парень. Он улыбается мне грустной улыбкой и поворачивается.

Джо смотрит на морского льва на столе и еще раз вздыхает.

— Пойдем, Окли. Тебе не стоит на это смотреть. — Она поворачивается и берет меня за руку, выводя из комнаты.

— Она в любом случае умрет?

Она кивает.

— Рана слишком обширна. Она не реагирует, а пульс очень замедлен. Чудо, что она продержалась так долго.

— Как ты сказала раньше, она борец. — Я смотрю на закрытую дверь, желая утешить животное прежде, чем оно умрет.

— Да, она борец. Мы в состоянии спасти большинство животных, которые сюда попадают, но некоторые не выживают. — Она проводит рукой по своим небрежно лежащим локонам. — Как бы мне хотелось, чтобы лодочники обращали больше внимания на свое окружение. Это происходит очень часто. Иногда, когда морские львы под водой, их не видно, но чаще всего рулевой просто не обращает внимания.

Я скрещиваю руки на груди, и она ведет меня обратно туда, откуда мы пришли. Диллон ждет нас.

— Звонил папа. Он должен быть здесь через десять минут. Они нашли дельфина на мели на Ньюпорт Бич, и он хочет, чтобы ты поехала с ним.

— Можешь отвезти Окли домой? На этого, возможно, потребуется время.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Конечно.

— Я буду дома позже, Окли. Если нужно, у тебя есть мой номер телефона.

— Хорошо. — Я вижу, как она достает свой сотовый и быстро уходит. Хмурюсь и смотрю на Диллона. — Подожди. Разве ты не с нами поехал этим утром? Как мы доберемся домой?

Он достает какие-то ключи от машины и размахивает ими перед моим лицом.

— У папы всегда здесь есть запасная машина.

— Ох. Ну, это удобно.

Он улыбается.

— Пойдем? — Он выводит меня за дверь на парковку. Я не много знаю про машины, но его — очень крутая. Типа, правда крутая. Уверена, Лукас сказал бы, что это за машина, но я знаю только то, что она очень блестящая и черная.

Я молчу, пока Диллон ведет машину. Чувствую себя странно рядом с ним. Кажется, он всегда поднимает тему Карсона, но не его дело, чем я занимаюсь в свое свободное время.

— Так как долго ты здесь пробудешь? — Он смотрит на меня.

— До апреля или до мая. Мама говорит, мы уедем до начала лета.

— А почему вы здесь?

Я вздыхаю.

— Это длинная история.

— Ты просто искала встречи со мной, да? — Он смеется над моим выражением лица.

— Именно так, — говорю я. Нет, не так. С другой стороны, я рада, что встретила Карсона. Интересно, закончил ли он работать?

Я меняю тему.

— Ты всегда едешь с Джо, когда она занимается спасением?

Он качает головой.

— Только иногда. Карсон ездит чаще меня. Ему правда это нравится. Но он больше меня работает в магазине, поэтому ездит не так часто, как ему бытого хотелось. Когда он не может, вызываюсь я. Иногда мы ездим вместе, но обычно Джо берет только одного из нас.

— Тебе не нравится ездить?

— Не то чтобы не нравится, просто я бы лучше катался на доске. Мой папа ветеринар, поэтому он пытается передать мне свою любовь к животным. — Он пожимает плечами. — Однако это не мой мир. Мне нравятся животные, но я не хочу заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Его это устраивает. По крайней мере, он так говорит. Не то что старик Карсона. Он очень помешан на контроле будущего своего сына. И был таким со времен средней школы.

— Ох. — Бедный Карсон. — Так чем ты хочешь заниматься, если не собираешься быть ветеринаром?

Он пожимает плечами.

— Не знаю. У меня есть все время мира, чтобы это выяснить. Надеюсь, что смогу переехать на Гавайи. Там у меня есть родственники.

— Я никогда там не была.

— Я тоже. Пока.

Я думаю о том, чем хочу заниматься, когда вернусь в Юту. Кажется, там всё осталось по-прежнему. Если смогу стать посмелее, то идея работать с Джо просто замечательна. Кажется, ей это нравится. И мне нравятся животные. Сложно будет смотреть на тех, кого мне придется спасать, но если я все равно смогу помочь им, то это того стоит. Нужно поговорить с ней и посмотреть, сложно ли в ее сфере деятельности. Может, будет проще, так как я знаю тетю. У меня есть, своего рода, связи.

Диллон заезжает на мою подъездную дорожку, и мои глаза расширяются, когда я вижу Карсона, сидящего на ступеньках крыльца. В его руках куча бумаг, и он поднимает голову, когда слышит нас. Клянусь, он выглядит расстроенным, когда замечает со мной Диллона, но очень быстро успокаивается.

— Привет, — говорю я, вылезая из машины.

— Твой старик отпустил тебя сегодня пораньше? — спрашивает Диллон.

Карсон кивает и встает.

— Дела шли туго, поэтому он сказал, что останется и закроет магазин.

— Понятно, брат. — Диллон хлопает Карсона по спине. — Мы сегодня спасали морского льва.

Карсон смотрит на меня.

— Джо взяла тебя на спасательную операцию?

Я вспыхиваю под его взглядом.

— Да.

Он с секунду изучает меня, и уголки его рта приподнимаются.

— Видела оборудование?

Я киваю.

— Это было очень круто. Теперь понимаю, почему ты хочешь вступить в эту сферу деятельности.

Диллон смеется.

— Если тебе такое нравится. По крайней мере, сегодня мы спасли морского льва. Она была сильно травмирована. Сбита лодкой. Им пришлось ее усыпить.

— Это очень плохо, — говорит Карсон. Он все еще наблюдает за мной, на его лице странное выражение.

— Ну что ж, я должен вернуть эту машину, а то папа с ума сойдет.

— Спасибо, что подвез, — говорю я.

Диллон подмигивает, что меня немного шокирует.

— Всегда пожалуйста. Думаю, нам следует повторить. Как-нибудь.

Он садится в машину и уезжает.

Я поворачиваюсь и смотрю на Карсона, который все еще смотрит на меня.

— Что?

— Ничего. — Он отворачивается и присаживается на ступеньки. — Я просто просматривал эти заявки в колледжи. Не знаю, что выбрать в качестве основной дисциплины.

У него есть заявки в колледжи? Интересно, знает ли его отец.

— Когда истекает срок?

— В конце марта, поэтому у меня всего пара недель, чтобы отправить их.

— Я думала, ты хочешь быть ветеринаром?

— Хочу.

Я хмурюсь.

— Тогда почему ты так и не напишешь?

Он вздыхает.

— Ты знаешь почему. — Он хмурится. — Если мой отец увидит что-то, что не относится к коммерческому или бухгалтерскому делу, он взбесится.

— Но ты не хочешь ходить на эти предметы.

Он закрывает глаза и качает головой, потирая при этом виски.

— Мама согласна со мной, но он очень упрямится. Никогда не передумает насчет этого.

Я вздыхаю и кладу руку поверх его.

— Он не может контролировать твою жизнь.

Карсон хмурится.

— Ты не знаешь его так, как я.

— Нет, но это *твоя* жизнь. Он должен поддерживать тебя в независимости от того, что ты делаешь.

— Это не так просто.

— Это *просто*. Он должен, по крайней мере, дать тебе свое благословение.

Внезапно он встает.

— Он не даст. Я уже знаю, что он скажет. Он говорил это прежде. Все сводится к одному — к дурацкому магазину. Он заботится только о нем. Он не поможет мне, если я выберу что-то другое. А я не смогу позволить себе учебу без его помощи.

— Ты разговаривал с ним по поводу того, что думаешь насчет профессии ветеринара? *Действительно* разговаривал? Или просто упоминаешь вскользь, когда он что-то говорит?

Он сжимает челюсти и ничего не говорит. Все его тело напряжено и по тому, как он себя ведет, мне кажется, что он злится не только на своего отца, но и на меня. Хотя я не знаю, что сделала такого, чтобы его разозлить.

— Поговори с ним. Скажи, что ты собираешься сделать, и просто сделай это. Уверена, он изменит свое мнение.

— Я пытался, — огрызается он.

— Может, стоит попытаться усерднее? — Замолкаю. Я не должна давать ему советы, когда даже со своей мамой не могу поговорить.

Съеживаюсь под его сердитым взглядом, думая, что он сейчас накричит на меня. Но этого не происходит. Он просто отступает и снова смотрит на бумаги.

— Знаешь, я устал. Мне пора. — Он не смотрит на меня, не прощается, просто идет к своему дому. Я слежу за ним, пока он не заходит вовнутрь и не захлопывает за собой дверь. Что только что произошло?

Я иду прямо в свою комнату. Как обычно, читаю письмо Лукаса, чтобы почувствовать себя лучше.

Дорогая Окли,

Ты когда-нибудь задавалась вопросом, как выглядит рай? Я да. Слышал, что там красиво. Умиротворенно. Надеюсь, что это правда. Не думаю, что смогу смириться с единорогами и радугами или с чем-то таким странным.

Интересно, играют ли там в баскетбол? Вот это точно было бы потрясающе. Представляй меня, играющего в баскетбол, когда идет гроза. Хотя громом, возможно, будет моя брань...ха-ха.

Надеюсь, что там тепло. Много солнечного света, деревьев и травы. Все зеленое. Живое. Это то место, где я могу стать удовлетворенным и счастливым. Рай.

С любовью, Лукас.

Я перечитываю письмо несколько раз. Не из-за того, что в нем нет смысла, а потому что кажется, будто Лукас понял уже все до того, как умер. Надеюсь, что он играет в баскетбол каждый день.

Открывается входная дверь, и я откладываю тетрадь, чтобы посмотреть, кто пришел. Папа видит меня первым, и я бегу к нему. Он поднимает меня своими большими руками и крепко сжимает. От него пахнет так, будто он пил капучино. Мне нравится этот запах.

— Я скучал по тебе, — говорит он. Отпускает меня и осматривает. — Ты выглядишь такой исхудалой. Джо тебя кормила?

Я смеюсь.

— Я здесь не так уж и долго, чтобы оголодать, пап. И Джо хорошо меня кормит.

— Это хорошо.

Позади него появляется мама и слегка улыбается мне, а затем идет на кухню и наливает себе стакан воды.

Папа присаживается на диванчик и хлопает по подушке, лежащей рядом с ним.

— Расскажи мне про серфинг. Мне хочется знать, как ты умудрилась научиться чему-то такому крутому.

Я рассказываю ему. Обо всем. Про серфинг, про Карсона(естественно, опуская ту часть с поцелуями), про китов, про то, как ездила к Джо на работу. Все так, как было раньше. Он слушает и смеется. Будто все это время был с нами. Будто ничего не изменилось. Мы сидим так словно несколько часов. Через какое-то время до меня доходит, что чего-то не хватает.

— Где мама? — спрашиваю я и осматриваюсь.

Папа пожимает плечами и бросает взгляд на часы.

— Думаю, она устала.

— Ох. — Только я начала чувствовать себя так, будто живу в нормальной семье, как она исчезает. Она хотела оставить нас наедине? Или избегает папу?

Папа барабанит пальцами по колену и снова смотрит на часы.

— Ты должен где-то быть? — спрашиваю я.

Он улыбается, хотя я могу сказать, что эта улыбка натянутая.

— Вообще-то да. У меня самолет через несколько часов.

— Что? — Я осматриваюсь и замечаю, что у него нет багажа. — Ты не останешься?

Он качает головой.

— Я прилетел сюда, чтобы просто увидеть тебя. Мне хотелось посмотреть, как у тебя дела. Уверен, мама рассказала тебе, что происходит.

Я киваю и сглатываю внезапно образовавшийся в горле комок.

— Вы разводитесь. — Так это и правда происходит. А у меня была ложная надежда на то, что они все решат. Как в фильме «Ловушка для родителей», который я смотрела в детстве.

Он закрывает глаза и трет их.

— Мы не можем это исправить, Окли. Мы оба сломлены. Конечно, мы заботимся друг о друге, но этого недостаточно, чтобы спасти наш брак. Так будет лучше.

— А вы пытались решить этот вопрос? Вы разговаривали? Уверена, что есть...

— Извини, тыковка. — Он берет меня за руку и сжимает ее. Выражение его лица говорит за него. Он устал пытаться.

Я смотрю на наши руки.

— Тогда зачем ты вообще сюда приехал?

— Я хотел убедиться, что ты в порядке.

— Ты мог бы позвонить, вместо того, чтобы тратить свое время и деньги.

— Я не трачу свое время. Я хочу убедиться, что ты это принимаешь. И хочу посмотреть, нравится ли тебе здесь. Если нет... Я имею в виду... Если хочешь вернуться со мной домой, то я больше чем поддерживаю тебя.

Я смотрю на него.

— Ты хочешь, чтобы я жила с тобой, а не с мамой?

Он кивает.

— Если хочешь. Тебе почти восемнадцать, поэтому ты сама можешь выбирать. Все твои вещи там, где ты их и оставила. Ты можешь прямо сейчас вернуться со мной, и все будет так, как было прежде.

Я слегка улыбаюсь, хоть и знаю, что он не прав. Никогда не будет так, как прежде. Не тогда, когда нет Лукаса и мамы. Его предложение соблазняет. Часть меня хочет домой. Я даже еще не видела надгробие Лукаса, и, честно говоря, скучаю по своему небольшому городку. Но другая часть меня хочет остаться. Мне здесь нравится. Мне нравится гулять с Джо и находиться рядом с Карсоном. И я знаю, что мне надо решить вопрос с мамой. Исправить разлад, который появился между нами. Я не могу уехать. Не сейчас.

— Ты не хочешь уезжать, — говорит он и грустно улыбается мне. — Я вижу это по твоим глазам. Тебе здесь нравится.

— Все не так, пап. Просто... — Я вздыхаю. — Все по-другому. И сейчас мне нужно это другое.

Он снова сжимает мою руку и встает.

— Я понимаю. — И по выражению его лица я могу сказать, что он действительно говорит правду. Он снова смотрит на часы. — Мне нужно идти. Не хочу пропустить этот рейс. Я должен быть на работе ни свет ни заря.

Работа. Всегда одна работа. Он распахивает руки, и я иду к нему. Он крепко сжимает меня, и я знаю, что, возможно, разбиваю ему сердце своим отказом уехать с ним. Мне грустно думать о том, что он один дома, со всеми нашими вещами.

— Спасибо, что приехал ко мне, пап. Без тебя здесь не так.

Он улыбается.

— Как бы мне хотелось остаться здесь подольше, но я рад, что приехал. И ты в любое время можешь вернуться домой. Ты ведь знаешь это, да?

— Конечно. Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. — Мы снова обнимаемся, и в комнату заходит мама.

— Ты готов? — спрашивает она. Она обращается к нему совершенно спокойно, и мое сердце начинает болеть. Ненавижу видеть их такими, но ничего не могу с этим сделать.

Он отпускает меня и кивает.

— Да.

— Тогда пойдем. — Она смотрит на меня. — Джо должна быть дома с минуты на минуту, Окли. Я вернусь через час или около того.

— Хорошо.

Папа следует за ней до двери, еще раз грустно улыбается мне и закрывает за собой дверь.

Я долгое время пялюсь на дверь, задаваясь вопросом, правильно ли я поступила.

Дорогая Окли,

Иногда люди вызывают неприязнь. Как в тот раз, когда я оставил в ресторане свой кошелек, а кто-то его украл. Они могли поступить хорошо и отдать его официанту, но не сделали этого. Они забрали его домой и украли мои двадцать баксов. Мне пришлось тащиться в дурацкое МРЭО и получать новые права. Это было весело. Я думал, что маму всю жизнь будет мне об этом напоминать. А сегодня кто-то украл мой сникерс с подноса для ланча. Думаю, что это моя новая медсестра. Она стырила его, и, клянусь, я мог почувствовать в ее дыхании шоколад, когда она приходила.

Мне правда хотелось съесть этот сникерс. Съешь один за меня, хорошо? Даже несмотря на то, что я знаю, что ты любишь Милки Вэй. По крайней мере, ради меня съешь один сникерс. Я скучаю по нему.

С любовью, Лукас.

Уже поздно. Два часа ночи. Я кладу тетрадь обратно на ночной столик и ложусь на кровать. Я крутилась и вертелась несколько часов подряд, но не смогла заснуть. Не могу перестать думать о папином предложении. Я знаю, что он скучает по мне. А я скучаю по нему, но что-то удерживает меня здесь. Решаю не задерживаться на этом вопросе и раздумываю над другой своей проблемой: мой предыдущий разговор с Карсоном. Он проигрывается в моей голове снова и снова. Он злился, и это моя вина. Я знаю, что мне не стоило говорить ему насчет разговора с его отцом. Не в моей компетенции говорить такое.

Я должна извиниться.

Знаю, что это глупо, но выбираюсь из своей комнаты. Может, он, как и я, не спит. А если нет, я что-нибудь придумаю. Уже на полпути к дому Карсона понимаю, что на мне надето — белый топ и ярко-розовые пляжные шорты. Миленько. По крайней мере, на мне есть лифчик.

Я брожу вокруг дома Карсона и вижу свет в окне полуподвального помещения. Я уверена, что это не комната его родителей, так как не встречала никого, чьи родители спят в подвале. Поэтому рискую и стучусь.

Через несколько секунд приоткрываются шторы, и я вижу пару темно-карих глаз. И они не принадлежат Карсону.

Я отступаю, и глаза следят за мной, а затем шторы закрываются.

Дерьмо. Что теперь? Мне не хочется стучаться в другое окно. Кто знает, сколько народу проживает в доме Карсона. Он никогда не рассказывал мне, сколько у него братьев и сестер, я знаю только про сестру. Я колеблюсь и отступаю обратно к своему дому, когда окно, в которое я стучалась, открывается, освещая меня и мою потрясающую пижаму.

— Окли? — Карсон стоит в комнате, на нем лишь боксерах. Он выглядит уставшим.

— Эм...привет, — говорю я. Теперь я смущена. Какого черта я думала, что это нормально — стучаться в окно посреди ночи?

Он смотрит на меня и улыбается.

— Что ты делаешь?

Я скрещиваю руки на груди.

— Я не могла заснуть. И...Мне нужно было с тобой поговорить.

— Сейчас? — Его улыбка становится шире. — В два часа ночи?

— Да, знаю. Я идиотка.

Он смеется.

— Нет, ты не идиотка. Подожди секундочку.

— Ох, да простопусти ее. Все равно я хочу с ней познакомиться, — произносит другой голос.

Над его плечом появляется лицо, которое принадлежит высокой смуглой девочке с большими карими глазами.

Карсон снова подходит к окну.

— Давай, — говорит он и протягивает мне руку. Я встаю на порог, и его сильные руки обхватывают меня, чтобы помочь забраться.

Он не отпускает меня, даже когда мои ноги касаются пола, и я кладу руку на его грудь. Стараюсь не пялиться на него, особенно когда в комнате находится другой человек, но это сложно. Он выглядит потрясающе.

Я прочищаю горло и отступаю. Его щеки розовеют, и он показывает рукой на девушку, которая стоит позади него.

— Окли, это Кеилани. Моя сестра.

Я вспоминаю, что слышала ее имя. Хотя они не похожи. Она выглядит как полинезийка — красивая, с идеальной кожей и прямыми черными волосами. И вот тогда я вспоминаю, что папа Карсона женился во второй раз. Конечно, они не похожи. Они же сводные брат с сестрой.

Она подходит и обнимает меня. Я так удивлена, что ничего не говорю и неловко обнимаю ее в ответ. Она сжимает меня действительно крепко, а потом отпускает.

— Я так ждала встречи с тобой с тех пор, как Карсон впервые рассказал о тебе.

Я смотрю на него, и он смущенно отводит взгляд.

— Что именно он тебе рассказал?

— Что мы ровесники. Разве это не удивительно? — Она смеется и откидывает с лица свои длинные темные волосы. — Хотя как бы мне хотелось, чтобы ты еще не была выпускницей. Мы определенно могли бы тусить вместе в школе.

— Да, думаю, в этом мне повезло. Я забываю, что здесь все еще ходят в школу. Для меня это как длинные летние каникулы.

Она усмехается.

— Тебе серьезно повезло. Я выпускаюсь только через три месяца. — Она хмурится, а затем ее глаза снова загораются. — Карсон сказал мне, что ты играешь на гитаре. Мне бы хотелось как-нибудь послушать.

Я смотрю на Карсона, и он широко улыбается мне.

— Ох, да ладно. Не *так* уж я в этом хороша.

Карсон подталкивает меня плечом.

— Как скажешь. — Он фыркает. — Она тоже поет. Так же хорошо, как и ты, Лани.

Ее глаза расширяются.

— Ты тоже не умеешь петь?

Я смеюсь.

— Не-а. Кстати, спасибо, что упомянул об этом. — Я смотрю на Карсона и улыбаюсь. Какое-то время мы оба смотрим друг на друга, пока Кеилани не прочищает горло.

— Я...эм...оставлю вас одних. — Она хихикает и начинает выходить из комнаты.

— Это твоя комната, Лани. Мы пойдем ко мне.

— Сомневаюсь, что маме бы это понравилось, — говорит она, глядя на него.

Он закатывает глаза.

— Два часа ночи, Лани. Ты знаешь, что она здесь. Мы не собираемся... попадать в неприятности или что-то типа такого.

Я не могу смотреть на Карсона. Знаю, что покраснела от макушки до кончиков пальцев на ногах.

Она пожимает плечами.

— Я буду на кухне, поем мороженое. Забери меня, когда все поговорите. — Она подмигивает мне и оставляет нас наедине.

— Она кажется...

— Сумасшедшей? — заканчивает Карсон.

— Я хотела сказать милой. Обычно меня не обнимают. Это было по-странному комфортным.

— Лани нравится обнимать людей. Думаю, это странно, но какая разница. — Он улыбается и смотрит на меня в течение секунды, а затем проводит пальцами рук по своим спуганным волосам. — Так зачем ты пришла?

— Я хотела извиниться. За то, что было раньше. Мне не стоило говорить такое про твоего отца. Извини.

Он приподнимает брови.

— Ты извиняешься передо мной? — Он качает головой. — Я должен перед тобой извиняться. Я был кретином. Ты не сделала ничего плохого. Я был дураком.

— Но я сказала тебе поговорить с твоим отцом. Мне не стоило такое говорить, когда у меня самой проблемы с мамой.

— Ты была права. Я должен с ним поговорить. — Он делает шаг вперед. — Я был в плохом настроении. Извини, что сорвался на тебя. — Он тяжело вздыхает. — А затем я увидел тебя с Диллоном и просто... — Он замолкает и отворачивается.

Ох. Он видел меня с Диллоном. Теперь все ясно.

— Ты думаешь, мне нравится Диллон?

Он пожимает плечами.

— Я понятия не имею, что думать. Я знаю, что у него к тебе чувства с тех пор, как он увидел тебя на пляже в первый день. И все девушки, кажется, бросаются к нему в объятия, как только появляется шанс. И меня не удивило бы, если бы ты увлеклась им.

Я фыркаю. Забавно, что он ревнует и думает, будто я кем-то «увлеклась». У меня совсем нет желания встречаться с Диллоном. Особенно когда я прошлым вечером целовалась с Карсоном. О чем мы точно должны поговорить, но я недостаточно смелая, чтобы начать этот разговор.

— Мне не нравится Диллон. Даже ни чуточку.

Он смотрит на меня с облегчением.

— Правда?

— Правда. — Я замолкаю и улыбаюсь. — Хотя, он очень загорелый, — говорю я. — А то, как цвет его глаз совпадает с цветом океана, поражает.

Карсон ухмыляется.

— У него карие глаза.

— Ох, упс. Видишь? Я даже не знаю, какого цвета у него глаза.

Он делает шаг ко мне и обвивает руками мою талию.

— Ты смешная. А твоя одежда очень...милая.

— Милая? — Я морщю нос. Слово «милая» подходит под описание одежды, которое надела бы маленькая девочка. — Я должна завязать хвостики, чтобы соответствовать всей этой милоте?

Он улыбается, а потом наклоняется и шепчет мне в ухо:

— Если ты хочешь, чтобы я назвал ее сексуальной, то так тому и быть.

Я фыркаю, а затем зарываюсь лицом в его грудь, чтобы он не видел мой румянец.

— Думаю, стоило остановиться на милой, — произношу я в его грудь.

— Она сексуальная.

Я наполовину смеюсь, наполовину хрюкаю, из-за чего мои щеки вспыхивают румянцем. Он смеется и притягивает меня ближе, мое сердце начинает биться сильнее. Мы оба замолкаем, и я отодвигаюсь на достаточное расстояние, чтобы посмотреть в его глаза. И прежде чем я понимаю, что происходит, его губы оказываются на моих.

Я не знаю, что делать дальше, так как это не просто какой-то поцелуйчик, но мои губы двигаются сами по себе, а его руки сжимаются на моей талии. Я провожу пальцами вверх по его рукам и вокруг шеи. Чувствую, как он улыбается, и отстраняюсь.

— Что? — спрашиваю я. — Я делаю что-то не так?

Он ничего не говорит, просто качает головой и снова меня целует. Я и понятия не имела, насколько приятно целоваться. И теперь, когда я это знаю, не хочу, чтобы поцелуй заканчивался.

Мы отстраняемся, как только слышим, что кто-то спускается по ступенькам. Я отступаю от Карсона, как только в комнату вбегает Кеилани.

— Насладилась мороженым? — спрашивает Карсон, бросая на меня искоса взгляд.

— Ага. Теперь мне хочется лечь спать, поэтому закругляйтесь. — Она улыбается мне. — Приятно было с тобой познакомиться, Окли. Нам стоит как-нибудь погулять. Я знаю, что мы подружимся.

— Эм, она сперва стала *моим* другом, — говорит Карсон.

Она смеется.

— Точно. Другом, — произносит она медленно.

Я фыркаю и иду к окну. Карсон желает мне спокойной ночи и обнимает меня.

— Спасибо, что пришла. Мне все еще жаль насчет сегодняшнего дня.

— Не беспокойся насчет этого, — говорю я. — Увидимся завтра.

Он не целует меня, просто помогает выбраться из окна. Я бегу и вскоре добираюсь до своей комнаты.

Теперь я возбуждена. Из-за поцелуя, из-за Карсона, который по сути признался, что ревнует меня к Диллону, и из-за знакомства с Кеилани. Но большей частью из-за поцелуя.

Я точно уверена, что сон мне сегодня *не* удастся.

Дорогая Окли,

Прошлой ночью мне снился очень странный сон. Мы бежали по какому-то полю, и нас преследовали люди с ножами и разными вещами. Я был потрясающим стрелком, и ты тоже была очень крутой, хотя я не помню почему. Но помню, что был чертовски потрясающим и вывел из строя около десяти человек. Я спас тебе жизнь. Ты должна гордиться мной, что я так позаботился о своей младшей сестренке. Даже несмотря на нашу разницу в два года, ты все еще мой лучший друг. Но это не меняет тот факт, что я все еще старше и мудрее тебя. И, думаю, немного круче. Но ты уже знаешь это, не так ли. И нет, это не вопрос.

Знаешь, что бы мне хотелось сделать? Мне бы хотелось прочитать больше книг. Ты больше всех знаешь, как я ненавижу что-то читать. Мои глаза просто не могут выдержать столько воздействия. Вообще-то, мне просто становится скучно. Кроме книг про Гарри Поттера и тех действительно «глубоких» книг, которые мне пришлось прочитать ради образования (их я так и не понял...и не закончил), я ничего и не читал. Уверен, что есть много хороших книг. Поэтому сделай мне одолжение и прочитай что-нибудь за меня. Начни с «Голодных игр», так как в моем сне я был как Китнисс, только в мужском обличье. Хороший фильм. Возможно, было бы круче, если бы я сначала прочитал книги. Счастливых Голодных игр, Окли. И пусть удача всегда будет с тобой.

С любовью, Лукас.

Семь часов утра. Почему я проснулась так рано? Голова болит из-за того, что легла поздно, и я кладу тетрадь на ночной столик. Поднимаю электронную книгу и загружаю «Голодные игры». Никогда не читала эту книгу, а Лукас сказал прочитать, поэтому так и поступлю. Откладываю читалку обратно на ночной столик и снова закрываю глаза. Прочитаю, когда полностью проснусь.

Слышу, как Джо зовет меня из коридора, и натягиваю на голову подушку. Я еще не хочу вставать. У меня нет сил. И это только моя вина, так как именно я решила стучаться в окна посреди ночи.

— Окли! — снова кричит Джо.

— Слишком рано, — говорю я сама себе, натягивая на себя одеяло.

Она стучит в мою дверь и открывает ее прежде, чем я отвечаю.

— Окли, я столько раз тебя звала. Вставай. — Она стягивает одеяло, но я не двигаюсь. Лежу клубком посреди кровати.

— А можно еще часик? — Я морщусь от света, когда она открывает шторы.

— Я не собираюсь заставлять этого мальчика ждать тебя так долго, так что вставай.

Я присаживаюсь и смотрю на нее.

— Какого мальчика?

Она бесстыдно улыбается.

— Карсон здесь. Он говорит, что забирает тебя серфить.

— Что? — Я смотрю на часы. Сейчас семь с копейками. Серьезно, утро — самое худшее время.

Она смеется над выражением моего лица.

— Ну же, Спящая Красавица. Он уже в гидрокостюме и все такое. Лучше поторопись и

одевайся, а то он решит взять кого-нибудь другого.

Правда? Кто встает так рано, когда на это даже нет причин? Я раздраженно выдыхаю и выбираюсь из кровати. Мой гидрокостюм кучей валяется на полу шкафа, купальник рядом с ним. Надеваю и то, и другое, и не могу застегнуть заднюю часть костюма.

Один взгляд в зеркало на стене, и я паникую. Выгляжу ужасно. Глаза опухшие и жуткие из-за недостатка сна, а волосы... Ну, давайте просто скажем, что они похожи на какое-то дикое животное. Несусь по коридору в ванную, приглаживаю волосы водой и убираю их в хвостик. Размышляю, надо ли краситься. Мы же собираемся серфить. В океане. Знаю, что все смоеется, но все равно наношу немного тонального крема и туши.

Еще один взгляд в зеркало, и мое лицо выглядит немного лучше, но не особо.

— Окли? Ты уже готова? — кричит Джо.

Еще раз осматриваю ужасную себя, открываю дверь и тащусь по коридору.

— Она собирается так же долго, как и ты. И это что-то да значит, — говорит Джо. Карсон смеется, и я слышу, что мама тоже смеется. Я выхожу из-за угла, оперев руки в бедра. Джо усмехается. — Ты это слышала?

— Я никогда не собираюсь так долго, как мама, — говорю я. — На что у меня уходит пять минут, для нее требуется целый час.

Джо кивает.

— Да. Ты, возможно, права.

Мама секунду изучает меня и смотрит на Джо.

— Виновна.

Мы с мамой обмениваемся улыбками, в то время как Джо проходит мимо меня на кухню.

— Не забудь завтрак, — говорит она, бросая мне яблоко.

— Спасибо. — Я вонзаю зубы и откусываю большой кусок.

— Готова?

Поворачиваюсь к Карсону.

— Мгм. — Я удивлена, что он еще не сбежал. Или не отпрянул, увидев мое лицо. И когда я говорю, что ужасно выгляжу, я не вру. А сейчас я чавкаю яблоком. Серьезно. Уже половину съела.

— Тогда пойдем, — говорит он.

— Вы двое, будьте осторожны, — предупреждает Джо, наливая себе в кружку кофе.

— Не беспокойтесь, — говорит Карсон.

Мама протягивает мне полотенце.

— Повеселитесь.

Я забираю его и смотрю на нее, удивляясь ее улыбке.

— Так и сделаем. — Она не разговаривала со мной с того приезда папы, но здесь и говорить-то нечего. Она знает, что я решила остаться с ней, непонятно почему.

Хватаю доску и выхожу с Карсоном за дверь. Мы идем через улицу и направляемся к пляжу.

— У тебя милая мама, — говорит он.

— Думаю, она хорошая.

— Она много о тебе думает.

Я смотрю на него.

— Почему ты так говоришь?

Он пожимает плечами.

— Она сказала мне. Пока ты собиралась, мы поговорили.

— Что она сказала? — А мне это хочется знать?

— Что ты очень увлекалась спортом, когда была в старшей школе, и каждый семестр твоя фотография висела на доске почета. И что ты баллотировалась в президенты в выпускном классе и победила. Я этого не знал. Это очень круто.

Было. Было круто.

— Она не упомянула ту часть, в которой я все бросила?

Он какое-то мгновение молчит.

— Нет. Этого она не упомянула. — Он останавливается и берет меня за руку. — Она не сказала ничего плохого. Поверь мне.

— Ага. — В груди бурлят эмоции, и я глубоко вдыхаю, чтобы успокоиться.

— Ты в порядке?

Я прочищаю горло.

— Да. — Сжимаю его руку. — Спасибо.

— Ты должна с ней поговорить. Я ощущаю это напряжение, когда вы вместе.

Я вздыхаю.

— Знаю. Просто это... сложно.

Он притягивает меня в объятия и ничего больше не говорит.

Я делаю несколько глубоких вдохов и отстраняюсь.

— Ты и правда собираешься сегодня серфить? Нога лучше? — спрашиваю я, надеясь сменить тему. Начинаю идти и еще раз кусаю яблоко. Я и забыла, что все еще держу его.

— Как новенький. — Он смотрит в мою сторону. — Хорошо спала прошлой ночью?

Я сглатываю и краснею.

— Могла бы уже привыкнуть.

Он фыркает.

— Я подумал, что раз работаю большую часть недели, то приглашу тебя сегодня. Извини, что не упомянул об этом ночью. Был немного на взводе.

— Очевидно, и я тоже, так как постучалась в окно твоей сестры в два часа ночи. Так почему ты еще не спал, кстати? — Останавливаюсь и выкидываю яблоко в мусорку.

— Эм... я спал. Она пришла и разбудила меня.

— Что? Господи, мне так жаль! Когда я увидела свет, то подумала, что это твоя комната. Я не хотела тебя будить. Если бы я изначально знала, что это ее комната, я бы даже вас не побеспокоила. Можешь сказать ей...

Он прижимает палец к моим губам и наклоняется.

— Я рад, что ты пришла. Не извиняйся.

— Но...

Он затыкает меня поцелуем. Пальцы моих ног впиваются в песок, и когда он отодвигается, все, что я могу, это просто таращиться. Я никогда не целовалась прилюдно. Осматриваюсь, но никто не обращает на нас внимания. Снова смотрю на него, и он рассматривает мое лицо.

— Ты не против? Мне стоило спросить. Я не хотел действовать слишком решительно.

Я не против? Он пошутил?

— Нет! — выпаливаю я, а затем быстро закрываю рот. Отступаю на шаг, когда он начинает смеяться, и мы продолжаем двигаться в сторону пляжа. Доходим до воды и идем,

пока уровень воды не поднимается до талии.

— Готова?

— Конечно. — Я сглатываю, моя хватка на доске усиливается.

— Просто держись меня. — Он ложится на доску и начинает грести к огромным волнам. Я следую его примеру, а он терпеливо ждет меня, пока я стараюсь за ним поспеть.

В то время, как он ныряет в волну и появляется на другой стороне, мне приходится отталкиваться от дна и преодолевать ее. Когда мы достигаем глубины, я стараюсь двигаться вдоль больших волн.

Наконец, я доплываю до спокойных волн, где меня и ждет Карсон. Он сидит на доске, болтая ногами в воде. Я забираюсь на доску и делаю несколько глубоких вдохов. Уже устала. И это только от прохождения волн.

— Как ты так ныряешь в волну? Это кажется легче, чем пытаться не разбиться об них.

— Это называется проныривание. Покажу тебе, когда вернемся. — Он протягивает руку и тянет мою доску ближе. — Хорошо. Я знаю, что ты можешь стоять на маленьких волнах, так что эти волны не так уж сложны. Сегодня они не очень большие. Когда увидишь приближающуюся волну, гребь со всей силы. Затем поднимайся и расставляй руки. Как я тебя учил.

— Это же не слишком сложно, да?

Он улыбается.

— И помни, что нужно выставить свою пятую точку.

— Что, прости?

— Это помогает удержать равновесие. Выставь попу, вместо того чтобы стоять прямо. — Он улыбается. — Не беспокойся. Я не буду слишком много паяльничать.

Я брызгаю в него водой, и он смеется.

Карсон оглядывается и поворачивается ко мне с улыбкой на лице.

— Хорошо. Вот идет достойная волна. Не забывай использовать основные мышцы корпуса. — Он касается моего живота, и я дрожу. — Руки врозь, равновесие и, помни, попу.

Внезапно я начинаю нервничать. Чувствую, как он толкает вперед мою доску, и начинаю грести изо всех сил. Адреналин зашкаливает, когда позади меня стремительно продвигается рев волны. Я могу это сделать. Могу. Чувствую, что земное притяжение снова работает против меня, когда я хватаюсь за края доски и пытаюсь встать.

Волна толкает меня вперед, пока я поднимаюсь с колен. Мои ступни касаются доски, я стою. Руки широко расставлены, и я выставляю попу для поддержания равновесия.

— Клааас! — кричу я и, конечно же, теряю равновесие. Ударяюсь лицом о ледяную воду, и я очень даже уверена, что меня закинули в стиральную машинку. В этот раз я начеку и могу найти поверхность. Я даже могу стоять, так как достаточно далеко уехала на волне. Смотрю, последовал ли за мной Карсон, и вижу, что он ловит волну. Он такой спокойный и уверенный в воде. Совершенство. Он маневрирует доской вверх и вниз по стене из пенящейся воды и, наконец, всходит на волну. Он спрыгивает с доки, как только оказывается на мелководье, и бежит ко мне, разбрызгивая воду.

— Ты это сделала! — Он поднимает меня и, учитывая то, что я все еще привязана к своей доске, а он к своей, мы теряем равновесие и падаем в воду.

Я смеюсь так сильно, что не могу дышать. Он помогает мне подняться и обнимает меня. Не могу вспомнить, когда последний раз чувствовала себя так беззаботно. Это потрясающее чувство. Мне не хочется его терять.

Он отодвигается, но ненамного. Наши бедра прижимаются друг к другу, и я провожу пальцем по его груди, ощущая сквозь гидрокостюм его мышцы.

Он проводит пальцами по моим влажным волосам и целует меня в кончик носа.

— Готова попробовать еще раз?

Его взгляд игривый, хоть и расслабленный. Я даже не сомневаюсь, когда отвечаю:

— Да! Я тебя сделаю! — Он отпускает меня, и я отталкиваю его, хватаю доску и убегаю.

— Эй! Ты обманщица! А ну вернись!

Большую часть дня мы проводим на пляже. Когда я решила, что больше не выдержу холодной воды, мы направились к дому Карсона. Пока идем, Карсон переплетает пальцы своей руки с моими.

Я нервничаю перед знакомством с его семьей. Думаю, что я уже своего рода познакомилась с Кеилани, но еще не видела его родителей.

Когда мы доходим до дома, Карсон берет мою доску и ставит у входной двери. Он снова протягивает руку, и я беру ее.

— Готова? — спрашивает он.

— Думаю, да.

Он улыбается.

— Не беспокойся. Они тебя полюбят. — Открывает дверь, и мы заходим.

Их дом очень похож на дом Джо, только ярче. Первое, что я замечаю, — это украшения из досок для серфинга. Они везде. На стене висит доска в полный размер, и множество маленьких досок расположены по всей комнате.

— Ты должно быть Окли, — произносит женский голос.

Я поднимаю голову и вижу высокую стройную женщину, которая спускается по лестнице. Она красива. Думаю, что полинезийка, как и Кеилани. Волосы ее почти достигают талии, и я не могу не смотреть на ее глаза — великолепные карие с очень длинными ресницами. Она подходит к нам и протягивает руку.

— Приятно с тобой познакомиться.

— Мне с вами тоже, — говорю я и пожимаю ее руку.

— Это моя мама, — говорит Карсон.

— Лейла, — произносит она с улыбкой. — И я слышала, что ты познакомилась с Кеилани.

Судя по ее взгляду на меня, она знает, что я была в ее доме прошлой ночью.

— Я...

Она поднимает руку.

— Я не буду задавать никаких вопросов. Я доверяю своему сыну.

Не могу смотреть на Карсона — так унижительно.

— Что на обед? — спрашивает Карсон. Я так рада, что он заполняет тишину, потому что уже готова бежать изо всех ног, если его мама скажет что-нибудь еще.

— Лани готовит сэндвичи. Уверена, что ты можешь уговорить ее приготовить что-нибудь для вас двоих. — Она улыбается мне. — Было приятно с тобой познакомиться, Окли. Хорошенько заботься о нем, ладно? Он хороший мальчик.

— Мам... — смущенно произносит Карсон.

Она начинает отходить к лестнице.

— Папа работает? — спрашивает Карсон.

— А где же еще ему быть? — отвечает она.

Карсон что-то тихонько бормочет. Мне интересно, что он сказал, но я не спрашиваю.

Мы доходим до кухни, и Лани уже приготовила четыре сэндвича с индейкой.

— Привет, ребята! — Она поднимает пустую тарелку и дает ее Карсону. — Голодны? Я готовила перекус после школы, когда увидела вас в окно. Поэтому, будучи самой лучшей сестренкой, приготовила и вам тоже.

— Спасибо, Лани. Я голоден. — Он предлагает мне тарелку, и мы оба хватаем по сэндвичу.

Мы едим и ведем дружескую беседу. Когда доедаю сэндвич, обращаю внимание на Лани.

— Итак... Лани, — говорю я. Не уверена, можно ли мне так ее называть, но, кажется, она не возражает. — Я слышала, что ты очень хорошо серфишь.

Она смеется.

— Я бы так не сказала.

— Скорее великолепно? — говорит Карсон.

Она пожимает плечами.

— У меня был хороший учитель. — Она улыбается Карсону, который кладет обе руки ей на плечи.

— В этом ты права, — говорит он.

— Уверена, что ты вмиг меня догонишь, — говорит она мне. — С Карсоном в роли учителя.

— Сомневаюсь в этом, — говорю я.

Карсон улыбается.

— Вызов принят.

Мы задерживаемся еще на несколько часов, пока я не понимаю, что готова уйти. Когда Карсон провожает меня до дома Джо, я думаю о том, на что будет похожа жизнь в Юте, когда наступит весна и мы вернемся домой. Не уверена, что думаю насчет возвращения. Здесь так много чего удерживает меня. Но как я смогу уговорить маму остаться? Нравится ли ей здесь так же, как и мне?

— Спасибо, что составила мне компанию сегодня.

Я сжимаю руку Карсона. Уже привыкаю к тому, что держу ее, даже несмотря на то, что прошел всего один день, — и, если вспомнить, несколько моментов там и сям.

— Спасибо, что снова учил меня серфить. И за обед. И за то, что позволил мне пообщаться с тобой и Лани весь день.

— Было весело. — Он размахивает нашими руками, а затем подносит их к губам и целует мою руку. — Я собирался спросить тебя... Чем занимаешься в среду?

Я пожимаю плечами.

— Думаю, ничем. А что?

— Я просто убедился, что у тебя нет с кем-то планов. Я хотел бы снова с тобой погулять.

Я смеюсь.

— А с кем у меня могут быть планы?

— С мамой или Джо?

— Нет. Никаких планов.

— Ну, тогда я что-нибудь для нас приготовлю. Завтра я весь день работаю, но готовься на среду, хорошо?

— Хорошо.

— Ну, тогда увидимся. И надеюсь, что ты не против этого, — говорит он и показывает рукой на себя и меня.

Я не знаю, что делать, поэтому просто улыбаюсь.

— Я совсем не против. — Думаю, это был его вариант разговора на тему «кто мы друг другу». Коротко и мило. Идеально для меня.

— Хорошо. — Он наклоняется и целует меня, его губы мягкие, как и всегда. — Спокойной ночи, Окли.

— Спокойной ночи.

Закрываю за собой дверь и слышу, как смеется Джо.

— Я думала, он тебе не нравится?

Я поворачиваюсь, очень смущенная, но изображаю серьезный взгляд.

— Ох, заткнись.

Она смеется.

— Я же говорила тебе, что он хороший.

Дорогая Окли,

В моей жизни был период, когда я думал, что у меня есть все. Я капитан баскетбольной команды, с сексуальной подружкой, отличными оценками и, хотелось бы надеяться, со стипендией в один из выбранных мной колледжей.

Все изменилось, когда у меня обнаружили рак. Теперь мне на это плевать. Я имею в виду, я все еще люблю баскетбол, но осознание того, что никогда не поиграю в него в колледже, заставляет меня многое пересмотреть. Все, что было так важно для меня, больше таковым не является.

Я знаю, что тебе никогда не нравилась Шелби. Даже не знаю, нравилась ли она мне. Просто мы должны были встречаться. Ты же знаешь стереотип — капитан баскетбольной команды + капитан группы поддержки. Все ожидали, что мы будем вместе, и мне плохо от того, как все закончилось, но я больше не мог это выносить. Мне стоило расстаться с ней уже очень давно. Я зол на себя за то, что так долго с ней встречался, когда на самом деле был влюблен в кого-то другого.

Эмми была здесь несколько минут назад. Я наконец-то рассказал ей о своих чувствах. Она плакала. Так что сейчас я чувствую себя неудачником. Мне стоило давно рассказать ей об этом. С ней должен был быть мой первый поцелуй, так как она моя первая любовь. Но она давно не обращала на меня внимания, потому что я боялся сделать с этим хоть что-то. И теперь осознание того, что она тоже меня любит, разбивает мне сердце. Мы никогда не будем вместе. Я никогда не свожу ее на настоящее свидание. Мы никогда не пойдем на ужин и не будем держаться за руки, или просто говорить о жизни.

Окли, если ты когда-нибудь кого-то полюбишь, не держи это в себе. Расскажи им, как ты себя чувствуешь, даже если не думаешь, что что-то сложится. По крайней мере, ты сделаешь это. По крайней мере, попытаешься. Никогда не знаешь, что чувствует к тебе другой человек, пока не рискнешь.

Я рискнул. И даже несмотря на то, что сделал это слишком поздно, я этому рад.

С любовью, Лукас.

Бедная Эмми. Мне стоит позвонить ей и узнать, как у нее дела, но, как и всегда, меня что-то останавливает. Я кинула своих друзей. Возможно, она даже не ответит на мой звонок. Она не обмолвилась со мной и словом на похоронах, но я тоже ни с кем не пыталась заговорить. Было слишком больно. И теперь я понимаю, как больно было ей.

Размышляю над словами Лукаса. Люблю ли я Карсона? Нет. Не могу я влюбиться так быстро. Любовь появляется через какое-то время. Через месяцы. Годы. А прошло всего несколько недель. Невозможно так быстро испытывать к человеку чувства.

Но я не могу перестать о нем думать. Я скучаю по нему, когда его нет рядом. Он делает меня счастливой. Благодаря ему я снова чувствую себя целой. Может, это потому, что я сильно хочу общения или чьего-то прикосновения. Ненавижу быть одна, поэтому, может, я думаю о нем лишь потому, что он правда обращает на меня внимание. Качаю головой. Нет. Я знаю, что он мне нравится, но кажется, будто я предаю память Лукаса тем, что Карсон мне нравится. Не в первый раз я чувствую, что не должна так быстро жить дальше.

Джо зовет меня завтракать и уходит на работу, как только я появляюсь на кухне. Мама еще не встала, и я не планирую ее будить. Смотрю на часы, пока ем тост. Почти восемь

часов. Карсон уже два часа как работает. Может, навестить его.

Через час я еду на велосипеде Джо по дорожке. Ее велосипед старый. Нет перефразирую предложение: он древний. Но едет и как раз нужного мне размера. Я даже никого и ничего не переезжаю, из-за чего чувствую себя более уверенно.

Быстро доезжаю до магазина и спрыгиваю с велосипеда. Не знаю наверняка, где его оставить, потому что вокруг магазины и люди, поэтому прислоняю его к магазину и надеюсь, что его никто не украдет. Хотя если так случится, возможно, у Джо появится оправдание купить велосипед получше.

Когда я захожу, за прилавком стоит Кеилани. Она смазывает доску для серфинга и поднимает голову, когда надо мной звенит колокольчик. Она широко улыбается, когда видит меня.

— Привет, — говорю я. — Карсон работает?

— Он в задней части. Пойдем, — отвечает она.

Кеилани ведет меня в заднюю часть магазина через дверь. Закрывает ее за собой и показывает мне налево. К стенам с обеих сторон приставлены доски, и Карсон стоит в самом конце коридора, держа в руках планшет.

— Привет, — говорит он. Его лицо озаряется, и он подходит ко мне и притягивает в объятия. — Что ты здесь делаешь?

— Просто подумала, что остановлюсь и посмотрю, как у тебя дела.

— Я этому рад. Инвентаризация действительно убивает меня. — Он откладывает планшет и раздраженно выдыхает. — Ты сегодня привлекательно выглядишь.

Я запроляю волосы за ухо и чувствую себя взволнованно.

— Ох, спасибо. — В голове все перемешалось, но я умудряюсь заговорить. — Я знаю, что ты должен вернуться к работе, но я принесла тебе вкусняшку. Если хочешь.

— Правда? — Его глаза расширяются. — И что это?

Я достаю из сумочки пакет с миндалем в корице.

— Не знаю, нравятся ли тебе такие, но...

— Я их просто обожаю! — Он берет пакет с благоговейным трепетом. — Большое тебе спасибо.

За дверью раздается голос, заставляя меня подпрыгнуть. Карсон смотрит на дверь и хмурится.

— Мне лучше вернуться к работе. Папа хочет закончить с этим сегодня, поэтому мне стоит поторопиться, а то пробуду здесь всю ночь.

— Хорошо. Увидимся позже. Или поговорим позже. Или... что-нибудь еще.

Он усмехается.

— Ты такая милая, когда нервничаешь.

— Я не нервничаю.

— Как скажешь. — Он улыбается и наклоняется, чтобы быстро поцеловать меня.

— Фу. Ужас. Ты поцеловала моего брата, — говорит Кеилани.

— Извини, — произношу я, краснея.

Она подталкивает меня плечом и улыбается.

— Пойдем. Провожу тебя, пока Карсон не огреб за то, что смешивает личную жизнь с работой.

Мои глаза расширяются.

— Он правда огреbet?

Она просто смеется и качает головой.

Проходит в дверь, и я иду за ней. Как только дверь закрывается, я встречаюсь лицом к лицу с повзрослевшим, более высоким Карсоном. Я знаю, что это его папа. Он выглядит серьезным, так же, как и Карсон — кроме седых волос, встречающихся наряду со светло-каштановыми волосами, и морщинок вокруг глаз.

— Ну, и кто же у нас здесь? — Он внимательно смотрит на меня.

— Эм... Я Окли.

— Ох, точно. Соседка. Ты та, с кем проводит все время мой сын.

Я так напугана, что прямо сейчас могу описаться, и мне даже плевать.

— И... извините? — Не знаю, почему получился вопрос. Просто мне хотелось, чтобы он перестал смотреть на меня так, будто я жвачка, прилипшая к подошве его обуви.

Он все еще смотрит на меня, поэтому я слегка улыбаюсь.

— Эм... Приятно было с вами познакомиться. — Я быстро пробегаю по магазину и выхожу в уже открытую дверь. Как только оказываюсь на улице, делаю несколько вдохов и стараюсь успокоиться. Через какое-то мгновение слышу громкие голоса, доносящиеся из магазина.

— Тебе правда нужно было так себя с ней вести? — говорит Карсон так сердито, как я никогда не слышала.

— Ты знаешь правила, Карсон. У нас репутация. Думаешь, я придумал правила только для того, чтобы их нарушал мой собственный сын?

— Пап, он не приглашал ее сюда на весь день, она просто пришла поздороваться. Не то чтобы она заставила его бросить работу или что еще. Не так уж это и важно, — говорит Лани.

— Это важно. Она отвлечение. Большое отвлечение, как я заметил. Я знаю, что она вскружила тебе голову, Карсон, и мне это не нравится. Я ничего о ней не знаю, и, положив руку на сердце, ты тоже.

— Пап...

— Смысл в том, что когда ты в магазине, ты работаешь. Не приглашаешь своих маленьких подружек, чтобы поиграть. Если ты когда-нибудь собираешься перенять мой магазин, то мне нужно, чтобы ты сосредоточился.

— Ты знаешь, что я не хочу перенимать магазин, папа.

— Мы не будем говорить об этом прямо сейчас.

— А почему нет? Каждый раз, когда мы пытаемся поговорить, ты говоришь одно и то же. Не прямо сейчас. Что не так с этим прямо сейчас?

Он какое-то мгновение молчит, и я склоняюсь ближе к двери. Я не должна подслушивать, но не могу совладать с собой.

Его папа снова говорит, в этот раз тише.

— Просто я этого не понимаю. Не понимаю, почему ты этого не хочешь. Ты серфер от природы, продаешь более половины выставленных здесь досок. Люди знают твое имя. Ты мог бы быть знаменитым. Я знаю, что ты достаточно хорош, чтобы победить в этих соревнованиях. Разве ты этого не хочешь? Ты мог бы получить спонсорство и замечательно прожить жизнь, занимаясь серфингом и продавая доски. Почему ты хочешь бросить все это, чтобы потратить тысячи долларов на степень, которая, возможно, тебе и не пригодится?

Тишина.

— Ты прав, — говорит Карсон. — Ты не понимаешь. У меня свои мечты, пап. И они не

совпадают с твоими. С той степенью, которую я хочу, я смогу заниматься любимым делом.

Какое-то мгновение тишина. Я не смею двигаться.

— Ты имел устоявшиеся привычки до того, как познакомился с этой девушкой.

— Ее зовут Окли. И я думал о том, чего хочу от своей жизни, еще до того, как познакомился с ней.

— Я не хочу видеть ее здесь с тобой. Понимаешь?

— Пап, да ладно, — говорит Лани, стараясь исправить ситуацию.

— Вернись к работе, Лани.

Я слышу, как на заднем плане хлопает дверь. Может, Карсон? Я двигаюсь к велосипеду, намереваясь убраться отсюда до того, как все сможет пойти не так, как надо, когда на улицу выходит Лани. Судя по удивлению на ее лице, она понимает, что я все слышала.

— Окли, подожди, — говорит она, но я на полной скорости еду домой и не оглядываюсь.

Я сижу одна на пляже долго время. Начинается прилив, но мне все равно. Мне хочется побыть одной и подумать.

Мне нравится Карсон. Сильно. Правда нравится. И сейчас, когда я знаю, что его папа меня ненавидит, я не уверена, каким должен быть мой следующий шаг. Что мне делать? Должна ли я поговорить об этом с Карсоном? Мне не хочется настраивать его против папы. Это было бы ужасно.

Мои мысли прерывают шаги, и я поднимаю голову и вижу Диллона, стоящего напротив меня.

— Привет. — Он не спрашивает, просто садится рядом со мной и смотрит на воду.

— Привет. — Он всегда появляется в случайные моменты времени. Я все еще не знаю, что о нем думать, и мне интересно, где он живет, раз так часто оказывается поблизости.

Он придвигается.

— Слушай, я знаю, что это не мое дело, но я должен это сказать. Карсон хороший парень, Окли. И влюбляясь, он влюбляется сильно. Я не хочу, чтобы ему причиняли боль.

— Что?

— Я несколько раз разговаривал с Джо. И знаю, что в конце весны ты уедешь. Карсону ты правда нравишься. *Очень* нравишься. И если ты продолжишь так вводить его в заблуждение, то сломаешь его, когда уедешь.

Я его сломаю? Диллон хоть имеет понятие, что это сделает со мной? Я не ввожу людей в заблуждение. Если Диллон думает, что я играю с Карсоном, то он не прав.

— Ты думаешь, я просто ищу мимолетного увлечения? Потому что я могу уверить тебя, что это точно не так.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Тогда что это такое?

Я открываю рот, а затем закрываю. Не могу ему ответить. Честно, понятия не имею, кто мы с Карсоном.

Он улыбается.

— Я так и думал. — Он сидит минуту, а потом снова говорит: — Расстанься с ним мягко, хорошо? — Он встает и вытирает песок с шортов. — Увидимся позже.

Я смотрю, как он уходит. Все мое тело дрожит. Почему Диллона это так волнует? Он не кажется тем человеком, который заботится о чувствах друзей, как бы паршиво это ни звучало.

Хотя чем больше я сижу, тем больше понимаю, что он прав. Я *уюду*. Мне не хочется причинять Карсону боль. И что он во мне находит? У меня такой огромный эмоциональный багаж, который может взорваться в любую секунду, и он все равно устоит, чтобы быть со мной? Даже мне не нравится находиться рядом с самой собой.

Диллон прав. Мы не должны быть вместе, потому что я его погублю. Я знаю, Лукас сказал мне делиться чувствами с тем, кто мне нравится, но я не могу. У Лукаса не было шанса, пока не стало слишком поздно, и посмотрите, к чему это привело. Если я не скажу Карсону, что я его полюбила, мои чувства наконец-то сойдут на нет. Он скоро обо мне забудет. К тому же, здесь много девушек, которые хотели бы его заполучить.

Закрываю глаза. Мне не хочется делать ему больно. Он такой...хороший. Но если я и правда имею к нему такие чувства, то должна его отпустить. Я не могу продолжать вводить его в заблуждение, когда знаю, что *уюду* от него. Это не честно по отношению к нам обоим. И я слышала ужасные истории про отношения на расстоянии. Большинство просто не длится долго. Лучше прекратить это сейчас лично, чем через сообщение из другого штата.

Иду обратно к дому Джо и игнорирую ее обеспокоенный взгляд, когда вхожу в дверь. Направляюсь прямо в свою комнату, ложусь на кровать и рыдаю в темноте.

Дорогая Окли,

Помнишь ту коробку с дерьмом, которую я прятал в детстве в шкафу? И нет, не воспринимай слово «дерьмо» буквально. В ней находятся крутые камешки, стеклянные шарики и всякая фигня. Там еще лежит моя старая ковбойская шляпа. Догадываюсь, что прямо сейчас ты хмуришься. Я помню, как сильно ты притворялась, что ненавидишь мои шляпы, но ты знаешь, что они рулят.

Я заплачу тебе пять баксов, если ты пронесишь ее один день. Деньги припрятаны в нижнем ящике, в самом его конце. Они твои. Но только если ты наденешь шляпу.

Беру тебя на слабо.

С любовью, Лукас.

Я ни за что не надену эту шляпу.

Вчера я не видела Карсона, но он написал мне поздней ночью и сказал, что заберет в среду утром.

У меня все еще плохое настроение от вчерашних не таких потрясающих встреч с папой Карсона и Диллоном.

Я выбираю из одежды шорты и красный топ. Красные шлепки сюда идеально подходят, волосы оставляю распущенными. Давненько я их так не распускала.

Карсон забирает меня рано и, к моему удивлению, держит в руках то, что я думала, никогда больше не использую.

— Ролики?

Его улыбка расплывается по лицу, когда он протягивает мне пару с розовыми шнурками.

— Разве они не потрясающие? Я думал, так мы верно начнем утро.

— Ролики здесь так популярны? Потому что я не одевала их лет так десять. — Я касаюсь розовых шнурков и улыбаюсь от воспоминаний о роликах в детстве.

— Ты разве не заметила людей на роликах на дорожке? Я вижу, по крайней мере, несколько в день. — Он смотрит на мои. — Надеюсь, они нужного размера. Я определил приблизительно.

Заглядываю на ярлычок внутри. Восьмерка. У меня семь с половиной.

— Достаточно близко.

— Круто. Тогда начнем. — Он держит в руках два шлема и ухмыляется, когда замечает, что я смотрю на них. — Безопасность прежде всего, — произносит он, подмигнув.

Я думала, что кататься на велосипеде с Карсоном было сложно, но это никак не сравнится с роликами. Как только я переобулась, то едва смогла устоять на ногах. Знаю, что прошло много времени с тех пор, как я каталась, но это смешно. Я повисла на пальме возле дорожки и смотрела, как Карсон катается так, будто это ничего не значит. Клянусь, он хорош во всем.

Он хохочет, когда видит мое перепуганное лицо, и протягивает руку.

— Ты идешь или как?

— Пожалуй? — Я отпускаю дерево и качусь к нему, совершенно не передвигая ногами. Может, я просто позволю ему меня тащить. Так будет легче всего.

— Это как ходить.

— Я знаю. Просто прошло много времени. — Несколько минут заминки, и я качусь

возле Карсона, даже не опираясь на него в качестве поддержки.

— Видишь? Я знал, что ты можешь.

— Ко мне возвращаются умения! — Я смотрю на него. — Догоняй!

— Идет. — Мы выписываем по дорожке, несмотря на то, что я все еще немного предусмотрительна. Ох, как бы мне хотелось, чтобы Лукас был здесь. Ему это нравилось даже больше меня, когда мы были детьми.

Карсон обгоняет меня, затем замедляется, чтобы я его догнала, и я смеюсь.

— Я забыла, как это весело! — Набираю скорость, маневрирую между людьми, бегущими по дорожке. Карсон едет либо справа от меня, либо позади, и я не могу не улыбаться все время. Я рада, что сегодня мы проводим день так. Замечательное воспоминание о последнем дне, который мы проведем вдвоем, прежде чем я вернусь в Юту.

— Остановимся у настила, хорошо?

— Звучит замечательно.

Мы уже достаточно покатались, и теперь мои ноги и поясница начинают болеть. Надеюсь, что позже доберусь до дома. Как только мы оказываемся у причала, я кое-что понимаю.

— Эм... Карсон? Как я должна останавливаться?

— Просто замедлись и в итоге остановишься. Или можешь сделать своего рода круг и остановишься, но прямо сейчас, может, нам стоит просто разобраться, как тебя замедлить... — Он замолкает и ухмыляется.

Но я не могу замедлиться. Мы на холмистой поверхности. Возвышенность не такая уж заметная, но я определенно еду быстрее, а не медленнее. Прежде чем понимаю, начинаю размахивать руками и направляюсь прямо к мусорному баку на причале.

— Держись! — кричит Карсон и до того, как я успеваю среагировать, вытягивает руку и хватает меня. Я описываю полный круг и врезаюсь в его грудь. Не знаю, как Карсон не упал, но он каким-то образом удерживает нас прямо, пока мы хохочем.

— Утренний дайвинг в мусорный бак? Тебе больше нечем заняться?

Я хихикаю и отталкиваю его, откатываясь назад к мусорному баку, из-за чего мы снова хохочем.

Наконец-то добившись равновесия, я плюхаюсь на траву рядом с тропинкой.

— Так мы будем кататься на роликах по причалу? Это разрешено?

— Не особо. Секундочку. — Он смотрит мимо меня и машет рукой. Я поворачиваюсь и вижу Кеилани, которая направляется к нам, держа в руках пакет.

Я снова смотрю на Карсона, который улыбается.

— Что такое?

— Я говорил тебе, что хочу провести день с тобой, поэтому приготовился.

— Эй, вы двое, — говорит Кеилани. — Это была дикая поездочка на роликах, Окли. Я немного надеялась, что ты заныришь в этот мусорный бак.

— Да, я очень даже уверена, что Карсон тоже надеялся.

Смотрю на него, и он просто пожимает плечами.

— Итак, вот вещи, которые ты просил. — Она протягивает Карсону пакет. — Ты мне должен.

— Я знаю.

— Рада, что мы понимаем друг друга. — Она широко улыбается. — Все остальное в процессе разработки. Давай ролики, я отнесу их за тебя обратно в магазин.

Карсон снимает свои ролики и протягивает ей. Я, слегка замешкавшись, делаю то же самое.

Забрав у нас ролики, Кеиланиначинает пятиться назад.

— Увидимся позже. — Она подмигивает и уходит.

Я провожаю ее взглядом, а Карсон роется в пакете.

— Вот, держи. — Он отдает мне мои красные шлепки.

— Откуда ты их взял?

— Я сказал Джо, что за ними после нашего ухода подойдет Кеилани. Мне не хотелось таскать с собой пакет, пока мы будем кататься, на случай, если ты...свалишься или что-то еще.

Я киваю. Смысл в этом есть.

— Готова?

— Ага.

Он помогает мне подняться.

— Настало время познакомиться с Хантингтон Бич.

Сначала день тянется. И это хорошо, потому что я благодарна каждому моменту, который провожу с Карсоном. Он проводит мне экскурсию везде. И я имею в виду действительно *везде*. Музей серфинга, исторические достопримечательности вокруг причала, названия которых я забуду...но это ничего. Пока я с ним, кажется, все остальное неважно.

Карсон держит меня за руку, куда бы мы ни пошли, и я счастлива, но все еще не могу избавиться от слов Диллона, засевших в моей голове. Мне не хочется делать Карсону больно. И Диллон прав. Я причиню ему боль, когда уеду в следующем месяце. Или через месяц. Как только мама будет готова, я так думаю. Смысл в том, что мне нужно сосредоточиться и привыкнуть к смерти Лукаса. Именно по этой причине я сюда и приехала. Он бы разочаровался в том, что я вложила все усилия в отношения, когда должна собрать себя воедино.

Остаток дня пролетает незаметно. Наконец, мы ужинаем в «Ruby's». Еда вкусная и кушать здесь потрясающе, потому что ресторан окружен водой. Хотя как только мы завершаем трапезу, вокруг магазинов и на пирсе появляется так много людей, что я начинаю превращаться в клаустрофоба. Карсон провожает меня домой, чтобы я могла переодеться во что-то более удобное, так как он сказал, что я замерзну там, куда мы потом пойдём. Как только я привожу себя в порядок, Карсон отводит меня на пляж.

Снаружи еще достаточно светло, и я наблюдаю за медленным приливом, стоит солнцу начать опускаться за горизонт. Как обычно, снимаю обувь, чтобы пройтись по мелководью. Карсон ведет меня по пляжу, и мы доходим до того места, где впервые встретились — до водоемов.

На песке уже разложено одеяло, посередине стоит корзинка для пикника. Я осматриваюсь. Очевидно, здесь только что кто-то был. И, думаю, это каким-то образом связано с Кеилани.

— Тебе нравится? — спрашивает Карсон, как только мы усаживаемся.

— Нравится? — Я смотрю на него и стараюсь не заплакать. — Да я это обожаю! Спасибо.

Он пожимает плечами, и я вижу, как краснеют его щеки.

— Просто мне хотелось сделать тебе приятное, вместо того, чтобы заставлять серфить

или кататься на роликах, или делать то, чем ты не интересуешься.

— Ты не заставлял меня делать то, что мне делать не хочется.

— Хорошо. Извини, если болят ноги. Вообще-то, мои лодыжки меня убивают.

— Мои меня тоже, но оно того стоило.

Он улыбается и откидывается назад, опираясь на руки, ноги вытянуты передо мной.

— Сегодня красивый закат.

— Да.

Мы сидим близко друг к другу, но не очень. И как бы мне ни хотелось свернуться клубком рядом с ним, меня что-то останавливает.

Дурацкий Диллон.

— Ты сегодня очень тихая. Все в порядке?

Я смотрю на него и киваю.

— Да.

Он внимательно осматривает меня, а затем садится.

— Уверена?

Я киваю. Не буду поднимать эту тему. Он сегодня был таким милым. И не только сегодня. Я вздыхаю. Не знаю, что делать.

Карсонтянется к корзинке для пикника.

— Я подумал, что мы можем поесть десерт, а затем я пригласил кое-какую компания, чтобы поиграть.

— Звучит замечательно. — Интересно, кого он пригласил.

Он достает два чизкейка, и я уверена, что мои глаза стали огромными, когда вижу, что он кладет их на маленькую тарелочку напротив меня. Надеюсь, у меня не текут слюни.

— Тебе нравятся чизкейки?

— Эм...да. Мои любимые.

— Замечательно!

Я не боялась прикончить свой кусок, даже несмотря на то, что он был огромным. Как только засунула в рот последний кусочек, услышала крик позади себя.

— Привет, ребята!

Я поворачиваюсь и вижу Кеилани и Диллона, которые идут к нам. Диллон садится прямо рядом со мной, а Лани присаживается с другой стороны.

— Начнем играть, — говорит он и странно смотрит на меня, из-за чего я отворачиваюсь.

— Спасибо, что принесла корзинку, Лани, — говорит Карсон.

— Конечно. Я же сказала тебе, что ты мне должен. — Лани смеется. — Нет ничего лучше младшей сестры, следующей по пятам, да?

— Ты самая лучшая компания, — говорит Карсон. Он подталкивает меня в плечо. — Включая тебя, конечно.

Я слегка улыбаюсь ему. Не уверена насчет компании, так как Диллон сейчас здесь.

Мы углубляемся в «Фазу 10». Самая худшая игра на свете. Я называю ее «Фаза час десять», потому что она длится чертовски бесконечно. Я плохо играю, поэтому не удивляюсь, когда проигрываю.

— Хорошая игра, Окли. — Диллон улыбается и подталкивает меня плечом.

— Спасибо. Я талант.

Карсон смеется.

— Ты никогда не выигрывала?

Я качаю головой.

— Нет. Я же говорила тебе, что отстойно играю.

— Уверен, что станешь играть лучше, если будешь играть чаще.

— Что-то я сомневаюсь.

Он смеется.

После недолгого разговора и разговора, затем ссоры, а потом снова разговора Лани и Диллона, Лани зеваает и встает.

— Я лучше пойду домой. Завтра в школу. — Она протягивает руку Диллону, который, кажется, сомневается, брать ли ее. — А тебе на работу.

Она бросает на него взгляд, и он вздыхает, после чего берет ее за руку.

— Что есть, то есть.

— Приятной вам ночи, — говорит она нам, а затем просовывает свою руку через его, и они уходят. Диллон несколько раз оборачивается, его взгляд встречается с моим, а затем он отворачивается насовсем. Знаю, что он пытался мне сказать.

Мне нужно, чтобы Карсон знал, что все закончено. Но как я могу это сделать, когда это был самый лучший день в моей жизни? Смотрю внимательно на звезды, задаваясь вопросом, поможет ли Лукас мне быть сильной, и у меня перехватывает дыхание. Звезды сегодня красивы. Ярче, чем я помню.

— Звезды на море сегодня смотрятся потрясающе, — произносит Карсон. Он придвигается ближе, приобнимает меня рукой за плечо и целует в висок. Я не уворачиваюсь, просто наслаждаюсь этими последними моментами с ним.

— Да. — Это все, что я могу сказать.

Я больше не могу ждать. Мне нужно отпустить его до того, как слишком сильно им увлекусь. Потому что я уже увлечена, а мы не так уж и долго вместе. Благодаря этому все может быть легче. Может, будет не так больно.

Мы какое-то время молчим, слушая волны, разбивающиеся о берег. Я говорю себе запомнить этот момент. То, как рука Карсона ощущается на моих плечах. Запах соленого воздуха, красивые яркие звезды, отражающиеся в воде. Я не понимаю, что плачу, пока Карсон не начинает говорить.

— Что? — спрашиваю я. Слеза бежит по щеке, и я быстро ее вытираю.

— Ты в порядке? — Он протягивает руку и вытирает другую слезу.

Я качаю головой.

— Нет. Не в порядке. — Отодвигаюсь и встаю. — Спасибо за...все это. За все. Но теперь я должна уйти. Извини.

Я оставляю его там и иду по пляжу, надеясь, что он поймет намек и не последует за мной.

— Окли, подожди! — Я слышу его шаги по песку, когда он догоняет меня, и морщусь. Мне не хочется так поступать, но я должна. Я должна его отпустить. — Что не так? Что я сделал?

— Ничего, — говорю я, останавливаясь, чтобы посмотреть на него. — Ты ничего не сделал. В этом и проблема.

Ты идеальный, и я не хочу причинять тебе боль, но мы не можем быть вместе. Все закончится тем, что я уеду и никогда тебя снова не увижу.

Он тянется ко мне, но я отступаю.

— По крайней мере, позволь мне проводить тебя домой.

— Я сама могу дойти.

Он хмурится.

— Что-то случилось, Окли. Поговори со мной. Что не так, и как я могу это исправить?

— Нечего исправлять. Я просто...Извини, я слишком близко к тебе подобралась. Извини за все. — Я поворачиваюсь, чтобы снова уйти, но он хватает меня за руку, нежно и мягко, и этого достаточно, чтобы я остановилась.

— Окли, подожди, — говорит он, притягивая меня ближе. — Пожалуйста. Поговори со мной.

— Не о чем говорить.

Он какое-то время смотрит на меня, а затем отпускает мою руку.

— Точно. Не о чем. — Он тяжело вдыхает и проводит рукой по волосам. Выглядит взволнованным. Даже немного злым. — Ты так поступаешь со всеми, кто о тебе заботится? Отталкиваешь их? Или только мне повезло?

— Я не отталкиваю людей.

— Да ладно? — Он скрещивает руки и хмурится. — По какой-то причине тебе трудно поверить. Как насчет твоей мамы?

— А что насчет нее?

— Вы приехали сюда, и я только один раз видел, чтобы ты с ней разговаривала. Я вижу, как вы избегаете друг друга. Так же, как ты теперь пытаешься избегать меня.

— Я не пытаюсь тебя избегать.

Он вздыхает и тянется к моей руке.

— Помоги мне понять, в чем проблема. Я забочусь о тебе, Окли. И я думал, что ты достаточно обо мне заботишься, чтобы все обсудить. Я думал, мы...сегодня был... потрясающий день. Не так ли?

— Был. — Я стараюсь стряхнуть эмоции, которые меня атакуют. — И я действительно забочусь о тебе. В этом и проблема.

— То, что ты заботишься обо мне, — проблема? — Он повышает голос и осматривается, а затем подходит ближе. — Если ты так сильно заботишься обо мне, тогда почему уходишь от меня прямо сейчас?

Я встречаюсь с его взглядом и хочу рассказать ему, как именно я себя чувствую. Какой он удивительный и потрясающий, и что благодаря ему я чувствую себя живой — так я не чувствовала себя с тех пор, как умер Лукас. Но я не могу. Я трусиха, слишком боюсь влюбиться и быть счастливой, слишком боюсь потерять того, кого люблю.

— Мне жаль. — Я показываю на себя, а потом на него. — Я так больше не могу.

— Не можешь что? Выдержать наши отношения? Помоги мне понять, Окли, потому что очевидно, что я сделал что-то и разозлил тебя, если ты порвала со мной.

— Ты ничего не сделал. — Я качаю головой, слезы наполняют мои глаза. — Просто... мне жаль. — Я поворачиваюсь и, не оглядываясь, начинаю бежать.

Глава 19

Дорогая Окли,

Все, кто приходили ко мне сегодня, были такими грустными. Я знаю, что я виноват. Моя болезнь стала для всех ношей. Простите меня за это. Как бы мне хотелось, чтобы вы снова были счастливы.

Наша семья никогда не была особо близкой, но мы всегда ладили. Не потеряй это, Окли. Не позволяй нашей семье развалиться. Не позволяй маме увянуть без улыбки. Заставь ее снова улыбаться. Она заслуживает быть счастливой. Как и ты.

С любовью, Лукас.

Я скучаю по дням, когда мы смеялись и улыбались. Но стоит мне подумать, что все меняется в лучшую сторону, как все распадается к чертям.

Карсон звонил мне на сотовый три раза, а на домашний — два. Я отказалась отвечать. Мама спросила меня, что случилось, но я не захотела с ней разговаривать. Я не могу. Чувствую себя ужасно. Карсон заслуживает объяснений, но я не осмеливаюсь встретиться с ним лицом к лицу.

Мне нужно время, чтобы упорядочить свои спутанные мысли. Мне нужно время выяснить, чего я хочу и кто я на самом деле. Моя жизнь катится под откос, и, честно говоря, Карсон единственный, кто пытался меня вытянуть.

Прошел всего день, а я уже скучаю по нему. Интересно, он звонил, потому что зол или хочет меня видеть? Может, и он по мне скучает.

Солнце припекает, пока я сижу на ступеньках крыльца, ничего не делая, ничего не говоря. Просто уставившись на океан напротив и задаваясь вопросом, серфит ли сегодня Карсон. И желая быть достаточно храброй, чтобы выяснить это самой.

Позади меня открывается дверь, и выходит Джо. Я знаю, что это она, так как мамы сегодня нет. Снова.

— Привет. Не возражаешь, если я присоединюсь?

Я пожимаю плечами.

— Конечно.

Она садится рядом со мной, ее пальцы перебирают запутанные пряди ее волос.

— Ты здесь весь день хандрить. Если тебя что-то беспокоит, то разговор со мной поможет.

Я медленно выдыхаю и стараюсь сосредоточиться на песчинках, усыпающих ее пешеходную дорожку.

— Если тебе есть о чем поговорить.

Мне не хочется говорить про Карсона, и я молюсь, чтобы она не поднимала эту тему.

— Вопрос снят. — Она кладет что-то на свои колени, и я смотрю, что это. Памятный альбом или что-то в этом роде?

— Что это?

Она улыбается.

— Я надеялась, что ты с удовольствием посмотришь вместе со мной. — Она открывает его, и я внезапно вижу лицо двухлетнего Лукаса.

— Что...откуда он у тебя? — Я наклоняюсь ближе, рассматривая его зубастую улыбку и платиновые светлые волосы.

— У меня есть намного больше. — Она кладет половину альбома на мои колени и переворачивает страницу.

Десятки фотографий меня и Лукаса. С тех пор, как мы были детьми, и до настоящего времени. Я смотрю на нас внимательно, когда нам было двенадцать и четырнадцать. У него веснушчатое лицо с огромной улыбкой, я стою рядом с ним, мои волосы короче и светлее, и я смеюсь на чем-то, что, возможно, он сказал.

— Откуда это все?

Она пожимает плечами.

— От твоей мамы.

— Она присылала их тебе?

— Милая, вы моя семья. Ты думала, что если я живу так далеко, то у меня нет фотографий любимых племянницы и племянника?

Я снова трогаю веснушчатого Лукаса.

— Я никогда так не думала.

Она какое-то мгновение молчит.

— Он всегда о тебе заботился, не так ли. — Это не вопрос, но я сглатываю комок в горле и все равно киваю.

— Да, — шепчу я.

Пролистываю несколько последних страниц. Те самые, снимки на которых сделаны год назад или около того. Есть один со мной, где я держу медаль с соревнований по плаванию. Вот эту делал Лукас. Вот Лукас играет в баскетбол, я фотографирую. Вот Лукас смеется и держится за мои завязки от толстовки. Единственное, что видно, это мой нос, так как он крепко стянул капюшон.

Я долгое время смотрю на последнюю фотографию. На ней Лукас на больничной кровати, показывает большой палец на одной руке, а второй прикрывает мое смеющееся лицо.

— Спасибо. За то, что поделилась этим со мной. — Мой трясущийся голос не скрывает глубины моей печали, но каким-то образом я стараюсь держаться.

— Не за что. И знай, что я всегда рядом, чтобы поговорить, если понадобится. Знаешь, я кое-что знаю о парнях.

Я выдавливаю улыбку.

— Спасибо. — Я благодарна ей за то, что она не давит на меня. Очевидно, она знает, что я избегаю Карсона, но не подняла эту тему, даже когда я сказала ей передать ему, что я недоступна.

Она замечательная, моя тетя.

Джо приобнимает меня за плечи и сжимает, а затем отпускает.

— Я люблю тебя, малышка. И твои родители тоже. Особенно мама. Может, она и не показывает это все время, или так, как тебе это нужно, но она тебя любит. Ты все, что у нее осталось.

Я знаю.

Дорогая Окли,

Сегодня был дрянной день. Те игры для Xbox, которые ты мне принесла, подняли мне настроение, так что спасибо. Нет ничего лучше того, чтобы провести время, убивая кучу пришельцев. Ты всегда знаешь, как меня приободрить.

Я скучаю по тебе, когда ты на ночь уходишь домой. Я никогда не озвучивал тебе это в лицо, так как ты остаешься настолько долго, насколько хочешь, но это правда. Я скучаю, когда ты уходишь. Ты та, ради кого я борюсь. Та, кто прошел со мной все это суровое испытание. Поэтому спасибо тебе. Спасибо за то, что была моим лучшим другом и позволяла мне день ото дня надирать тебе зад в «Фазу 10» и «Уно». И за то, что притворялась, будто умеешь играть в Xbox, хотя это не так. Но ты и так в курсе.

Ох, и кстати, когда я умру... Все игры — твои. Заботься о них и даже не думай продавать! Однажды у тебя появятся дети, и даже несмотря на то, что эти игры будут древними, я хочу, чтобы у них было что-то от дяди Лукаса.

Спокойной ночи!

С любовью, Лукас.

Прошла неделя. Я так долго прячусь в своей комнате, что начинаю сходить с ума. Джо брала меня на другую свою работу, за что я ей благодарна. В этот раз мы спасли маленького морского льва, который запутался в леске, и как только освободили его и немного осмотрели, мы вернулись домой, и я впала в рутину сидения в своей комнате, несколько раз играя на гитаре, а затем пялясь на фотографии, висящие на моих стенах.

Гламурная и скучная жизнь.

Я так и не поговорила с Карсоном. Хотя он не сдался. Он несколько раз стучался в мою дверь, звонил, писал сообщения, разговаривал с Джо. Смотрю на последнее сообщение и вздыхаю.

Мне нужно с тобой поговорить. Пожалуйста, перезвони.

Выключаю телефон. Не знаю, что еще делать.

Я видела его несколько раз с тех пор, как ушла с пляжа. Но не вблизи. Наблюдала, как он серфил, и не хотела быть сталкером. Но мне хотелось сделать несколько фотографий, поэтому я взяла с собой фотоаппарат и сделала несколько снимков. Потом пошла домой и снова закрылась в комнате.

Смешно, насколько девушки могут быть драматичными. Я всегда думала, что в тех фильмах, которые я смотрела, девушки глупили — они убегали от проблем и никогда об этом не говорили. Но я веду себя точно так же. И это медленно сводит меня с ума. Я знаю, что смешно. Знаю, что должна все объяснить Карсону, но часть меня все еще верит, что я для него недостаточно хороша. Я не хочу давать себе ложную надежду, что я *достаточно хороша*.

Не могу не думать о том, что сказал бы Лукас, если бы был здесь. Вообще-то, я точно знаю, что бы он сказал.

Не будь глупой, Окли. Поговори с ним.

Снова беру телефон, пальцы порхают над клавиатурой. Затем снова вздыхаю и кладу его обратно.

Может, завтра.

Дорогая Окли,

Завтра меня отпускают домой. Я знаю, что будет, когда окажусь там. Тело болит. Я устал. Чувствую, что вся эта химия и лекарства затягивают меня в черную дыру. Я так больше не могу. Если бы я был сильнее, то, возможно, сражался бы упорнее, но это дохлый номер.

Я рад быть дома, когда это произойдет. Быть с тобой и с родителями. Правда, я еще не готов покинуть эту жизнь, но у меня нет выбора. Я знаю, что буду в порядке. Просто беспокоюсь о тебе. Ты та причина, по которой я так долго протянул. Ты продолжаешь твердить мне, чтобы я оставался сильным и боролся. Но я устал бороться. Поэтому я скажу это тебе, и лучше бы тебе это сделать. Будь сильной за меня.

С любовью, Лукас.

Чувствую онемение. Так невыносимо думать о последних днях жизни Лукаса. Закрываю тетрадь и сижу, уставившись в пол. Я сильная. По крайней мере, я так думаю. Что еще он от меня хочет?

Что если бы все было по-другому? Что если бы я боролась вместо него? Он бы все еще был жив. У него еще был бы шанс с Эмми. Но в таком случае, мы не были бы вместе. Либо он теряет свою сестру, либо я своего брата. Ничто из этого не честно.

Выглядываю в окно и вздыхаю. Мне нужно с кем-то поговорить. Стоит начать с мамы, но время неподходящее. Для нас обеих. Мои мысли возвращаются к Карсону. Мне нужно извиниться за то, что вела себя как ненормальная. Интересно, исчезли ли у него теперь ко мне чувства. Чем дольше я думаю об этом, тем больше понимаю, насколько глупо я поступила. Я не следовала совету Лукаса, хоть он и настаивал. Я не рисковала, я не жила. Я была на пике, но позволила страху перед неизвестным и потерей удержать меня. И теперь я знаю — я хочу быть с Карсоном. Мне хочется увидеть, куда это заведет, даже несмотря на то, что однажды я уеду. Почему бы нам не проверить, получится ли у нас, пока не наступит определенный день? И потом, после этого.

Я должна найти его и объяснить свое сумасшествие. Очень надеюсь, что он меня простит.

Я предупреждаю маму, куда отправляюсь, и иду на пляж. Точно знаю, где его найти, если он не на работе, на что я очень надеюсь.

Серферов не так много, из-за чего мне не так страшно. Я могу двигаться и не беспокоиться о том, что меня переедут. Небо сегодня светло-серое, немного дует ветер.

Карсон уже здесь. Я узнаю его желтую доску, когда он падает с волны. Не уверена, что собираюсь ему сказать, но точно знаю, что нам есть о чем поговорить. И начну я с извинений.

Беру доску и захожу в воду. Сегодня холоднее, хотя это может быть потому, что на мне нет гидрокостюма. Когда вода доходит до талии, я залезаю на доску и начинаю грести. Преодолевая волну, вижу, что Карсон сидит прямо за ней. Он ждет меня. Его обычная улыбка исчезла, темные глаза выглядят грустными.

— Привет, — говорю я. Сажусь на доску и опускаю ноги в воду, в этот раз более мутную. Совсем не вижу своих ног.

— Привет, — говорит он. Он наблюдает за мной, а потом отворачивается в сторону

пляжа.

— Хорошие сегодня волны? — Как глупо. Ну что за способ начать разговор? Я знаю, что он злится на меня, а сейчас, возможно, думает, что мне все равно. Жду, когда он мне ответит, но он просто пожимает плечами.

— Карсон, — начинаю я.

Он поднимает руку.

— Ты ничего не должна объяснять.

— Должна.

— Ты мне ясно все сказала, и я не думаю, что могу услышать что-то еще.

Я вздыхаю.

— Пожалуйста. Позволь мне объяснить. Я облажалась, ладно?

Он молчит, смотрит на воду перед собой.

— Можешь послушать меня секундочку? Пожалуйста?

— Конечно. — Он все еще не смотрит на меня, но я все равно начинаю говорить.

— Прежде всего, я хотела бы извиниться. У меня не было причины игнорировать тебя на прошлой неделе. У меня никогда прежде не было парня. Я не знаю, что делать и как себя вести. Не знаю, что я чувствовала. Все настолько сбивало с толку. Да и до сих пор сбивает. — Качаю головой. — Мне так жаль, что я все испортила.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и открывает рот, чтобы что-то сказать, но я его прерываю:

— У меня было много времени на раздумья с тех пор, как мы переехали сюда. После смерти Лукаса... Я никогда не думала, что переживу ее. И я не пережила. Но я начинаю жить заново. Единственная причина, почему я так далеко зашла, это ты. Ты помог мне излечиться. Ты не сдался, и я не понимаю почему. — Как бы мне хотелось, чтобы он понял, как он мне помог. Так сложно открываться кому-либо, но, по какой-то причине, ему открыться легко.

— Почему ты меня игнорировала? — спрашивает он. — Что я сделал?

Поднимаю глаза, чтобы встретиться с его взглядом, который любопытный, но терпеливый. Всегда такой терпеливый.

— Дело не в тебе... — Я останавливаюсь. Думаю о том, что сказал мне Диллон. Вот самая большая причина. Мне не хочется быть плохой. И я не такая, но буду казаться такой, если расскажу, что мне сказал Диллон. А затем все, что сказал его папа... Глубоко вдыхаю. — Диллон кое-что сказал.

Он хмурится.

— Что именно?

— Он не пытался быть недоброжелательным, но кое-что мне сказал. О том, что я уеду, как только начнется лето. Он не хочет, чтобы я сбила тебя с толку и уехала. Он не хочет, чтобы тебе было больно.

— Ты серьезно? — Он закатывает глаза. — Конечно, он так и сказал. Ты же ему нравишься.

— Что? Нет.

— Слушай, я давно знаю Диллона, и он никогда не заботился достаточно о моих чувствах, чтобы сказать девушке, которая мне нравится, расстаться со мной, потому что он не хочет, чтобы мне было больно. Он злится, что ты никогда не проводишь с ним время. — Он качает головой и изучает меня. — Это не единственная причина, по которой ты меня игнорируешь. Что еще?

Я провожу рукой по воде и избегаю его взгляда.

— У меня слишком много багажа.

Он пожимает плечами.

— И у меня.

— Но не такого, как у меня.

— У всех есть багаж, Окли. Никто не идеален. Если ты думаешь, что это меня напугает то ты ошибаешься.

— А должно бы.

Он тянется и берет меня за руку. Он так серьезен. Мое тело дрожит от холода, но Карсон продолжает:

— Но не пугает.

— Мне кажется, будто я предаю Лукаса. Мне кажется, что, если я буду счастлива, он будет грустить. Я должна горевать. И чувствовать...вину за то, что испытываю все эти потрясающие ощущения с тобой, а у него никогда этого не будет.

Он вздыхает.

— Ты думаешь, он бы расстроился, если бы узнал, что ты живешь своей жизнью и что ты счастлива? Я так не думаю. Думаю, он бы гордился тем, что ты продолжаешь жить дальше. Не надо забывать кого-то, чтобы двигаться дальше. Они могут быть с тобой. А все воспоминания? Они никогда не пропадают.

— Я знаю, что они не пропадут. Но все еще трудно осознавать, что новых воспоминаний у меня с ним не будет.

— Я знаю. Я также знаю, он не хотел бы, чтобы ты печалилась. — Он сжимает руку. — Что еще?

Что еще? Я не знаю, что еще. Я имею в виду, что знаю, но не уверена, хочу ли об этом говорить. Никогда не могла делиться своими чувствами. Он своего рода давит. Я встречаюсь с его взглядом. Он наблюдает за мной. Выражение его лица любопытное, но мягкое.

— Правда в том, что... Я...Я потеряю тебя, когда уеду. Не хочу увлекаться кем-то, кого снова могу не увидеть. Я не хочу быть просто мимолетным увлечением.

Он улыбается.

— Поверь мне, это не мимолетное увлечение. Я никогда и ни к кому не чувствовал то, что чувствую к тебе. Ты упрямая и веселая. Скромная и замкнутая, но когда я каким-то образом ломаю эти барьеры, ты милая и заботливая. Ты такая талантливая и красивая. Если бы ты посмотрела на себя так, как на тебя смотрю я... — У него срывается голос, и он качает головой, улыбаясь. — Я думал о тебе каждый день с того первого дня, как мы познакомились. Знаю, говорят, что любви с первого взгляда не существует, но думаю, что они ошибаются. Я знал, что хочу встречаться с тобой уже с той секунды, когда ты почти упала в тот водоем. Немного времени ушло на убеждение, но, наконец, ты согласилась. Каким-то образом.

Я не знаю, что сказать. Я в шоке, мягко говоря. Точно не влюбилась в него так быстро. И даже несмотря на то, что он не сказал *о своей любви*, может, он это и имеет в виду. Это выражено в тоне его голоса, в том, как он смотрит на меня. Не знаю, люблю ли я его в ответ, но если перестану вести себя как идиотка, то, может, смогу это выяснить.

Он сжимает мою руку.

— Ты идеальна для меня, знаешь это?

Я вспыхиваю.

— Я очень даже уверена, что это *ты* идеальный.

Он рассматривает мое лицо и снова сжимает мою руку.

— И не говори насчет отъезда. У нас есть остаток весны и, возможно, лето, да?

— Возможно.

Он осматривается. Мы немного отплыли подальше.

— Давай выбираться. Ты замерзла. Можем поговорить на пляже, пока будешь согреваться.

Я хочу сказать ему миллион вещей, но вместо этого просто киваю. Позже у нас будет время для разговора.

— Хорошо.

Он опускает мою руку и, пока я гребу, что-то ударяется о мою доску так сильно, что я падаю в воду. Слышу, как Карсон зовет меня по имени, а потом ухожу под воду.

Что-то скользит мимо моих ног, и я паникую, пробираясь к поверхности.

Карсон все еще кричит, и через секунду я понимаю, что происходит.

— Акула! — кричит он. — Возвращайся на пляж, сейчас же!

Опасность, должно быть, настоящая, а то он бы не кричал, но я ни в коем случае не уплыву отсюда без него. Беру свою доску, забираюсь на нее на всей скорости и лихорадочно гребу в его сторону.

Я нахожусь практически рядом с ним, когда вижу, как в нескольких футах по воде скользит громадный плавник. Душа уходит в пятки, и я замираю, когда вижу, что он направляется прямо к Карсону. С ужасом наблюдаю, как он падает с доски и входит в воду с брызгами. Я зову его по имени, как только он исчезает. Он появляется на поверхности так же быстро, но как только его взгляд встречается с моим, его утягивают под воду.

Я не думаю, просто двигаюсь. Зову Карсона, в то же время развязываю лодыжку и спрыгиваю с доски. Вода вокруг меня красная, и я начинаю паниковать, когда Карсон не появляется на поверхности будто несколько минут, но, возможно, и несколько секунд. Я осматриваюсь, не зная, что делать, когда позади меня на пляже раздаются крики.

А затем голова Карсона выныривает в нескольких футах от меня. Акула все еще атакует его, и он борется с ней. Через несколько секунд я подплываю достаточно близко, чтобы увидеть темный глаз акулы. Я не думаю, просто ударяю кулаком в любую часть акулы, до которой могу дотянуться.

Акула без предупреждения отпускает его, и я хватаю Карсона под руки. Тащу его к своей доске.

— Карсон, — зову я снова и снова, но он не отвечает. Осматриваюсь, напуганная тем, что акула вернется, но сосредотачиваюсь лишь на том, как доставить Карсона до берега. Стараюсь держать голову над поверхностью воды, изо всех сил двигая ногами.

Я рыдаю. Понятия не имею, где моя доска, и вокруг нас все красное. Мои ноги превратились в желе, и я более чем уверена, что у меня шок. У меня появляется лучик надежды, когда Карсон произносит мое имя, но затем он снова отключается и начинает уходить под воду. Я не могу его удержать, так сильно трясусь, и когда думаю, что утоплю нас обоих, сбоку от меня появляется Диллон с тремя серферами, которых я прежде не видела. Они забирают у меня Карсона, и Диллон берет меня за руку и тянет к доске, которая плавает в нескольких ярдах. Не знаю, как не заметила ее.

— Ты ранена? — кричит он. Я смотрю на него и больше не чувствую свое тело. Все онемело. — Окли! — Он обхватывает мое лицо, и через секунду у меня получается

сфокусировать взгляд. — Ты ранена?

— Где Карсон? — спрашиваю я. Мой голос писклявый, как у ребенка.

Он оборачивается.

— Сюда едет скорая. Он практически на пляже. — Осматривается. — Нам нужно выбраться из воды на случай, если акула вернется.

Он берет мою доску и тащит нас к берегу. Когда мы оказываемся достаточно близко, Диллон помогает мне встать. Я прислоняюсь к нему в качестве поддержки.

— Твои руки, — говорит он.

Смотрю вниз и вижу, что костяшки в крови. Я правда побил акулу? Все кажется сном. Это не могла быть я. Я недостаточно сильная и недостаточно храбрая, чтобы такое совершить.

Кеилани встречает нас в воде и о чем-то меня спрашивает. Она плачет. Я не понимаю ни слова из произнесенных ею. Все, что я слышу, это сирены.

И крики людей.

Я осматриваюсь и вижу неподвижно лежащего на земле Карсона. Его гидрокостюм разодран на кусочки. Песок под ним становится красным. Вокруг кружат сотрудники скорой помощи, прижимают и оборачивают раны. Один из них надевает ему маску для искусственного дыхания.

А затем я вижу это: только одна нога вместо двух. Делаю шаг вперед, просто чтобы убедиться. В ушах начинает звенеть, вся кровь хлынула в голову.

Его нога. Прямо под коленом. Ее нет.

Его ноги нет.

Это чересчур. Чувствую, как покачивается мое тело, и Диллон ругается возле меня, когда я начинаю падать. Больше ничего не помню.

Просыпаюсь в своей постели. Я не знаю, как добралась до нее, помню немного. В голове всплывает мужское лицо. Врач скорой помощи. Я помню его голубую рубашку и добрые глаза.

— Окли?

Я напрягаюсь и смотрю вправо. На кровати сидит мама.

Она придвигается ко мне и протягивает руку, откидывая волосы с моего лица.

— Как ты себя чувствуешь?

Карсон. Акула. Кровь. Отсутствие у него ноги. Желудок крутит, и мне кажется, что меня сейчас стошнит.

— Карсон в порядке? — произношу почти шепотом.

Мама колеблется.

Отталкиваю ее руку от своих волос и сажусь.

— Карсон в порядке?

Она вздыхает.

— Мы не знаем. Он потерял много крови. — Она снова колеблется, и я знаю, что ее взгляд говорит о том, что дела у него плохи. — Он в коме.

Нет. Этого не может быть. Он не может умереть. Не может. Он все, что у меня есть. Я не могу и его потерять. Не могу! Почему я его отталкивала?

Это моя вина. Если бы я не была такой глупой и эгоистичной, ничего бы не случилось.

Прикрываю рот, чтобы сдержать рыдания. Не знаю, что еще делать. Все мое тело дрожит, и я замерзаю. Клянусь, сейчас я вырублюсь.

Это должна была быть я.

Но это произошло не со мной. Такое происходит с людьми, которых я люблю больше всего.

Почему это не могло произойти со мной?

— Все будет хорошо, — говорит мама. Она обнимает меня, пока я плачу, и я прислоняюсь к ней и рыдаю. Я плачу из-за Карсона. Плачу из-за Лукаса. Плачу из-за мамы и папы. Плачу, пока не заканчиваются слезы.

После, как показалось, вечности, я наконец отодвигаюсь и ложусь. Голова болит, а глаза горят.

— Дорогая, тебе что-нибудь нужно?

Я качаю головой.

Она выглядит взволнованной, но встает.

— Отдохни немного. Я расскажу тебе, когда что-нибудь узнаю.

Я не отвечаю, просто сворачиваюсь клубком и смотрю в никуда.

Не знаю, сколько времени так прошло. Не помню, как заснула, но когда просыпаюсь, снаружи светло. Очень светло. Уже утро. Глаза опухли. Я могу это почувствовать. Стараюсь не смотреть в зеркало и на цыпочках пробираюсь на крыльцо. Смотрю на дом Карсона. На подъездной дорожке нет машин. Его семья, должно быть, в больнице — любая семья была

бы там.

Часть меня тоже хочет туда направиться. Мне нужно знать, как у него дела, но я не могу себя заставить. После того, как Лукас вернулся домой, я убедила себя, что никогда снова не появлюсь в больнице. Это чересчур.

Я не знаю, чем заняться, поэтому сажусь в плетеное кресло и жду, когда что-нибудь произойдет.

Ничего не происходит. Несколько часов проходят в тишине, и я пристально смотрю через улицу на океан. Он выглядит таким спокойным. Будто ничего плохого не может в нем случиться. Он вводит в заблуждение. В одну секунду ты плывешь, а в другую...

Я сглатываю и качаю головой. Не думай об этом. Может, если я перестану об этом думать, все исчезнет? Может, это все сон?

Джо выглядывает за дверь и говорит, что ланч готов. Я ничего не отвечаю, и она уходит. Приходит спустя несколько минут и ставит тарелку на стол возле меня.

— Тебе нужно что-нибудь съесть.

Она стоит, ждет, когда я что-нибудь скажу, но я молчу. Я не голодна. Даже не смотрю, что она приготовила. Джо вздыхает и заходит внутрь, оставляя меня одну.

Кто-то открывает дверь позади меня, выходит на крыльцо и садится рядом со мной. Мама. Не знаю, что она хочет, но я не в настроении, чтобы с кем-то говорить.

— Как дела? — спрашивает она.

Я не отвечаю.

— Милая, Джо сказала, что сестра Карсона звонила несколько раз. Возможно, тебе стоит ей перезвонить.

Бедная Кеилани. Она переживает ужасное время. Я знаю, что значит наблюдать за смертью брата. Глаза горят, но я сглатываю и медленно дышу, чтобы успокоиться.

— Я не могу.

— Она думает, что если ты появишься в больнице, если он услышит твой голос...

Я качаю головой прежде, чем она заканчивает. Я не могу пойти. Не могу смотреть, как он подключен ко всем этим мониторам. Я видела такое прежде. И это чересчур.

— Окли...

— Нет, — отвечаю я тихо.

— Почему?

— То, о чем ты просишь... невозможно, — говорю я, голос дрожит. — Я не могу туда пойти. — Встаю и иду к двери. — Я уже потеряла Лукаса. Не могу смотреть, как умирает Карсон. Я не могу снова вернуться в это место.

— Я буду рядом с тобой, милая. Обещаю.

Я все равно качаю головой.

Она вздыхает.

— Это я виновата.

Смотрю на нее.

— Что?

— Это. Ты. Извини, Окли. Извини за все. За то, что не была с тобой. За то, что думала что только мне позволено горевать. Ты в таком состоянии из-за меня.

— Нет, это я виновата. Я всех оттолкнула.

— И я... — говорит она.

Мы обе молчим, пока она не смотрит на меня.

— Ты его любишь?

Я? Люблю ли я его?

— Не знаю, — шепчу я. — Возможно.

— Тогда почему...

— Я просто не могу. — Чувствую, что стены, которые я выстроила вокруг себя, начинают рушиться. Из-за разнообразных эмоций, которые стараются вырваться наружу, сложно дышать. Грудь поднимается и опадает, и я делаю шаг назад. — Мне нужно убраться отсюда. — Толкаю дверь, и она захлопывается позади меня.

Слышу, что мама идет следом, но не останавливаюсь.

— Что ты имеешь в виду? Куда ты собралась?

Я игнорирую ее. Паника наполняет мое тело, и я знаю, что нахожусь на грани безумия. Я не могу здесь оставаться. Мне нужно убраться отсюда. Уехать в другое место, в котором все смогу забыть. Бегу в комнату и хватаю тетрадь Лукаса и свою сумку.

— Окли, остановись. Пожалуйста. Что ты делаешь?

— Я еду домой. — Беру ключи Джо со стола и выбегаю за дверь. Слышу, что мама кричит позади меня, но запрыгиваю в машину и запираю дверь прежде, чем она сможет меня остановить. Последнее, что я вижу, когда выруливаю с подъездной дорожки, что она стоит на крыльце и смотрит на меня.

В аэропорту много народа. Хотя, может, так всегда. Я не часто летаю.

Смотрю на билет в своей руке, стараясь игнорировать волнение в животе. Все хорошо. Если я уеду домой, все будет так, будто ничего не произошло. Я никогда не жила с тетей Джо. Никогда не училась серфить. Никогда не влюблялась в Карсона.

Будет легче забыть.

Снова звонит мой телефон, но я его игнорирую. Скорее всего, это мама или Джо. Знаю, что, возможно, они напуганы, но у меня нет выбора. И я могу сама летать на самолете. Я просто направляюсь домой. У меня даже нет багажа.

Экипаж самолета вызывает бизнес-класс и пассажиров с детьми в самолет. Я смотрю на номер сидения, указанный в билете.

Место 28E, посадка через выход «С». Надеюсь, скоро вызовут мой отсек.

Я знаю, что должна была обдумать это получше. Никогда не действовала спонтанно. Если это можно так назвать. Задаюсь вопросом, что думает мама, но качаю головой. Она будет в порядке.

Достаю телефон и собираюсь позвонить папе, чтобы сказать ему, что лечу домой, и вижу их.

Они молоды. Возможно, моего возраста. У девушки темные длинные волосы, у парня светло-каштановые. Понятия не имею, кто они такие, но то, как они вместе двигаются, заставляет меня пристально смотреть.

Они держатся за руки и идут, улыбаясь, по терминалу. Останавливаются в нескольких футах от меня, и парень достает свой билет, смотрит на него и протягивает девушке. Что-то говорит ей, из-за чего она смеется и игриво отталкивает его. Он протягивает руку и обнимает ее за плечи, притягивая ближе. Она снова смеется, а он целует ее в голову. Через какое-то время, не замечая никого в этом здании, они предаются самому сладкому поцелую,

который я когда-либо видела. Он касается ее щеки и откидывает волосы с ее лица. Кажется, будто весь мир для них остановился, и они единственные, кто имеет значение. Отстраняются друг от друга, и он целует ее руку, а затем они снова медленно идут.

Красивый момент. Мне тоже хочется такого, когда ничего не имеет значения, кроме человека, с которым ты разделяешь этот момент. Люблю ли я Карсона? Возможно ли так быстро влюбиться?

Женщина у стойки вызывает следующую группу пассажиров, из-за чего я паникую. Я уже купила билет, поэтому не могу повернуть назад, но начинаю обдумывать свое решение. Игнорируя мысли, атакующие мою голову, встаю и иду к женщине, чтобы вручить ей свой билет. Ее губы накрашены ярко-красной помадой, а светлые волосы убраны в тугий пучок. Она молода, лет двадцати. Я смотрю, как она сканирует на компьютере мой билет и протягивает мне его обратно с улыбкой на лице.

— Приятного полета, — говорит она.

— Спасибо, — бормочу я.

Начинаю идти к воротам, скручивая руки. Верно ли я поступаю? Я трусиха? Я не останавливаюсь. Не могу. Мои ноги продолжают двигаться, и я дохожу до сидения, присаживаясь между огромным мужчиной, от которого пахнет беконом, и старушкой, которая выглядит недоброжелательно.

В голове всплывает лицо Карсона. Его улыбка. Ямочка на щеке. Неудивительно, что я в него влюбилась. Потираю предплечья, когда мое тело окутывает озноб, и морщусь, когда в голове всплывает следующая картинка. Акула. Кровь. Мои крики. Я дрожу. Интересно, сколько трубочек и капельниц приковывают его к кровати в больнице?

Думаю о Лукасе. Обо всех наших воспоминаниях. Хороших, плохих. И тогда вспоминаю о тетради, засунутой в сумку. Достаяю ее — если что и нужно мне прямо сейчас, то это Лукас.

Дорогая Окли,

Жизнь несправедлива. Ты это знаешь. Мы всегда задаемся вопросом, почему плохое случается с хорошими людьми.

Жизнь сложна. Но благодаря сложным ситуациям мы можем многому научиться. Возьми, к примеру, меня. Я узнал, как сильно может заботиться человек о ком-то еще. Я научился дорожить каждым моментом с любимыми. Научился не воспринимать все как должное — рукопожатие друга, разговор. Даже что-то такое простое, как дыхание.

Я узнал, что даже если это и сложно, жизнь имеет значение. Было бы легче просто убежать от своей жизни, но ты меня поддерживала. Ты еще не готова меня отпустить и, если говорить честно, ты гораздо больший борец в моей битве, чем я.

Когда я умру, не убегай от жизни. Даже если сложно. Она полна уроков. И счастья. И хороших вещей. Не отбрасывай ее. Иногда становится сложнее, иногда все несправедливо, но если заставишь себя посмотреть проблемам в лицо, все станет лучше. Все разрешится. И я знаю, что ты преодолешь все препятствия, которые появятся на твоём пути. По крайней мере, пообещай, что попробуешь. За этот последний месяц ты совершенно точно показала мне, что можешь сделать. Поверь в себя. Я в тебя верю.

С любовью, Лукас.

Перечитываю письмо еще три раза.

Он забыл упомянуть, что жизнь — отстой. Но думаю, что это то же самое, что и несправедливость.

Лукас прав. Как обычно. Если он говорит, что я со всем справлюсь, значит, так и будет. Я не могу кинуть Карсона. Неважно, как сложно будет видеть его боль, я не могу так с ним поступить. Не после того, через что мы прошли. Серфинг, гитары, прогулки по пляжу — идеальная весна, полная воспоминаний, которые я не смогу забыть.

Если он умрет до того, как я смогу попрощаться...

Я сглатываю, и до меня доходит. Лукас сейчас был бы так мной разочарован. Он никогда бы не бросил меня, и Карсон тоже.

Я встаю и протискиваюсь мимо огромного парня прямо в проход. Я должна отсюда выбраться. Я могу быть сильной. Я могу помочь Карсону бороться. Я могу быть тем человеком, каким была, когда Лукас боролся за *свою* жизнь. Помогу ему, когда он слег. Поддержу его, когда намного легче отпустить. Я его не потеряю. И не отпущу. Не сейчас.

Жизнь несправедлива, но она достойна того, чтобы за нее боролись.

Иду к двери, бормоча всем извинения, и возвращаюсь обратно к воротам, в аэропорт. Я сделала свой выбор. Именно здесь я должна быть прямо сейчас.

С Карсоном.

Я прохожу сквозь двери больницы. Никогда не была именно в этой больнице, но они все пахнут одинаково — дезинфицирующими средствами, антисептиками, болезнями.

Запах напоминает о Лукасе, лежащем на больничной кровати, и у меня кружится голова, из-за чего я чуть не падаю. Опираюсь о стену и глубоко вдыхаю, стараясь игнорировать воспоминания о лекарствах, болезни и смерти.

За стойкой регистратуры стоит медсестра, и я направляюсь к ней. Сглатываю ком в горле. Я могу это сделать. Я могу быть храброй.

— Чем могу вам помочь? — У нее милый голос. Приятный и чуткий. Она напоминает мне мою бабушку с тонкими седыми волосами и очками на переносице.

— Я здесь, чтобы посетить пациента. Карсона? —

Она смотрит в свой компьютер и сочувственно улыбается мне.

— Нападение акулы, верно?

Я киваю и снова сглатываю.

— Он в палате интенсивной терапии.

— Ох. Ладно. — Я не знаю, как туда пробраться, и уверена, что они, возможно, меня не пропустят. Отступаю, а затем слышу знакомый голос.

— Окли?

Кеилани подходит ко мне и притягивает в крепкие объятия.

— Ох, Окли, я так рада, что ты здесь, — говорит она. Вытирает слезу, отпуская меня. Она выглядит уставшей.

Я же могу лишь кивнуть, только бы не заплакать.

Дама за стойкой ничего не говорит, когда Кеилани ведет меня по коридору. Мы заходим в лифт, и она нажимает кнопку второго этажа.

— Я не думала, что ты придешь, — говорит она. — Карсон рассказывал мне про твоего брата. Уверена, что для тебя это сложно.

— Я в порядке. — На данный момент.

Двери открываются, мы заходим в приемный покой. Конечно, родители Карсона здесь, но нас они еще не заметили.

У меня уходит минута, чтобы восстановить дыхание, потому что эта картина выглядит так знакомо. Она напоминает мне о том, как я с родителями ждали окончания операции Лукаса. Обычно мы часами оставались в приемном покое, ждали, когда подойдет доктора, чтобы сказать, как все прошло. Такое случалось больше раз, чем мне хотелось бы помнить.

Снова впитываю в себя эту картину и стараюсь контролировать свои эмоции. Рассматриваю все, начиная от искусственных цветов в огромной вазе, стоящей возле дивана, и раздражительного освещения, из-за которого у меня будет болеть голова, если я здесь задержусь, до пустых пенопластовых чашек, стоящих на кофейном столике. Смотрю внимательно на одну из них, по краю которой отпечатались следы от зубов. Такой стала бы и моя.

Перевожу взгляд на маму Лукаса, которая читает один из журналов, устроившись на стуле. Она выглядит изможденной. Ее темные волосы убраны в неряшливый пучок, и кажется, что она не накрашена. Его папа тихонько храпит на диване, ноги лежат на столе напротив него, а руки убраны за голову.

— Посмотрите, кого я нашла, — говорит Кеилани, прерывая тишину.

Мама Карсона поднимает голову, и ее глаза расширяются, когда она видит меня.

— Окли, большое спасибо, что пришла. — Она встает и обнимает меня. Его папа шевелится на диване, на секунду открывает глаза, но ничего не говорит и даже не встает, чтобы поприветствовать меня.

Мама Карсона отодвигается и берет меня за руку. Не знаю, желаю ли знать ответ, но мне хочется быть храброй, поэтому задаю вопрос:

— Как он?

Она вздыхает.

— Он все еще в коме. Они сделали ему переливание крови, так как он потерял очень много своей. Четыре пинты. По пути в больницу у него дважды останавливалось сердце. — Ее губа дрожит, и она прочищает горло и пытается взять себя в руки. — Но они смогли его вернуть. Он в критическом состоянии, но дышит самостоятельно. Они просто ждут, когда он очнется, чтобы проверить... есть ли у него повреждения мозга.

Я киваю. Не хочу думать о том, что произойдет, если он не очнется.

— Хочешь его увидеть? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю я прежде, чем могу об этом подумать или уговорить себя на это.

— Разрешено входить одновременно двум людям, но ты, скорее всего, хочешь пойти одна.

— Мне бы хотелось. Если вы не против. — Не хочу плакать перед ними. А я буду плакать.

— Пойду посмотрю, можно ли зайти. Почему бы тебе не посидеть немного с Кеилани?

— Хорошо. — Следую за Кеилани к свободному дивану. Она садится и притягивает колени к груди. Она выглядит такой потерянной. Такой напуганной. Не знаю, как поднять ей настроение.

— Как дела?

Она качает головой.

— Честно говоря, я никогда за всю жизнь не была так напугана.

Я киваю.

— Он будет в порядке.

— Просто... кровь. Его нога. Не могу выбросить это из головы.

— Я тоже не могу.

— Я так рада, что ты была рядом. Ты спасла ему жизнь, Окли. Он бы умер, если бы тебя с ним не было.

Он все еще может умереть.

Она поднимает голову и слегка мне улыбается.

— Карсон большей частью зануда, но он мой старший брат. Не знаю, что будет со мной без него. Я просто...

— Я знаю. — Сглатываю. Сильно. Я-то точно понимаю.

Подходит медсестра вместе с его мамой.

— Готовы зайти? — спрашивает медсестра.

Да. Я могу это сделать.

— Я думаю, да.

Встаю.

— Мы будем здесь, — уверяет меня мама Карсона. Я улыбаюсь и киваю ей.

— Слушай, — говорит Кеилани. — Не хочешь потом сходить за ланчем? Мне нужно ненадолго убраться отсюда, и мне бы хотелось, чтобы ты пошла со мной. Я просто... Я не хочу быть одна.

— Конечно.

Она улыбается и садится обратно на диван, а затем возвращается ее обеспокоенное выражение лица.

Я следую за медсестрой в его палату. Стены белые. Пахнет так, будто все пропитано лизолом и дезинфицирующими средствами. Мы доходим до палаты, и медсестра откидывает штору, чтобы впустить меня. Я замираю в проеме. Мое тело дрожит. Не уверена, могу ли двигаться.

Медсестра наблюдает за мной.

— Все в порядке.

— Я знаю, — говорю я. Даже несмотря на то, что все не в порядке. Совсем не в порядке.

— Можете оставаться здесь так долго, как вам захочется. Хоть он и в коме, но может вас слышать. Я работаю в этой больнице двадцать лет, и практически каждый, кто выходил из комы, говорил, что слышал людей. Говорите с ним. Дайте ему знать, что вы рядом. — Она улыбается. — Я буду снаружи. Дайте знать, если что-нибудь понадобится, — говорит она. А затем остаемся только мы вдвоем.

Я глубоко вдыхаю и подхожу ближе. Карсон окружен мониторами и пакетами с жидкостью. Вижу, как движется вверх и вниз показатель сердечного ритма. По крайней мере, его сердце все еще бьется. И сейчас это все, что я хочу видеть.

Подхожу к нему и сажусь рядом на кровать. В носу у него трубка с кислородом, и я наблюдаю, как опускается и поднимается его грудь, просто чтобы удостовериться, что он дышит.

Я бывала в такой ситуации. С Лукасом. Хотя Лукас был тощим и белым, как простыня. К концу лечения он был таким слабым, что едва мог поднять руку. Качаю головой, чтобы избавиться от воспоминаний, и сосредотачиваюсь на Карсоне.

— Карсон, — говорю я. — Это Окли. — Беру аккуратно его за руку. Не знаю, что еще сказать. Подношу его руку к губам, а затем снова кладу ее на кровать. Не отпускаю.

Я глубоко вдыхаю и начинаю говорить:

— Я думала о первом разе, когда мы познакомились. Помнишь, когда я почти упала в водоем? Никогда не признавалась тебе в этом... ну, похоже, что сейчас признаюсь, но я подумала, что ты такой сексуальный. Вот почему я мало говорила. Я не знала, что сказать. — Улыбаюсь от воспоминания. — Никогда не знала, как вести себя с парнями. Если можно так сказать. Но ты, кажется, этого не заметил. Ты был таким милым. Слишком милым, я думаю. Затем, когда ты пригласил меня на причал и угостил меня самым вкусным хот-догом, я поняла, что хочу узнать тебя получше. Я рада, что такое воспоминание осталось у меня от нашего первого свидания. Можешь отвести меня туда еще раз, когда тебе станет лучше. Хотя в этот раз я угощаю.

— Помнишь, как я волновалась, когда ты первый раз учил меня кататься на доске? Клянусь, в моем носу до сих пор осталась соль. Я была ужасной. И я знаю, что ты этого не скажешь, но мы оба знаем, что я до сих пор ужасна. — Я тихо усмехаюсь и проверяю, есть ли какой ответ.

Ничего.

— Но больше всего я помню, как ты поцеловал меня в первый раз. Когда мы сидели в

моей комнате и играли на гитаре. Это был идеальный момент. Я боялась, что все испорчу. Что буду целовать тебя неправильно, но этот поцелуй был...как волшебство. Идеальный. Никогда не забуду этот вечер.

Наклоняюсь ближе и откидываю волосы с его закрытых глаз.

— Пожалуйста, вернись ко мне. Я не хочу тебя потерять. — Слеза стекает по моей щеке, и я забираюсь на кровать рядом с ним, стараясь не дотрагиваться до его тела или до его раненой ноги. Кладу голову рядом с его головой и касаюсь его лица, позволяя эмоциям взять верх, позволяя им вырваться наружу. Все еще держу его за руку. — Думаю, я люблю тебя, — шепчу я, зная, что он, возможно, не может меня слышать.

Не знаю, как долго лежу рядом с ним. Минуты. Часы. Я запомнила каждый звук, каждое гудение мониторов, расположенных вокруг нас. Его глубокие вдохи и сердцебиение.

В течение какого-то времени нахожусь в палате. Я должна уйти, чтобы его семья могла вернуться. Касаюсь губами его щеки и слезаю с кровати.

— Я вернусь завтра, — говорю я. — Обещаю.

И вдруг я чувствую, что его рука дернулась. Совсем немного. Сердце начинает колотиться, и я смотрю вниз на его руку, находящуюся в моей.

Слезы свободно текут по лицу, и я наблюдаю, как снова поднимается и опадает его грудь. Глаза снова возвращаются к рукам, которые переплетены. Он не отпускает меня, и я знаю, что это не рефлекс. Он знает, что я здесь. А затем я вспоминаю про его семью. Мне нужно сказать им или медсестре, что он ответил. Встаю, чтобы уйти, и он снова сжимает мою руку. Он не открывает глаза и не движется, но все еще крепко сжимает мою руку.

— Я скоро вернусь, — говорю я. Выбегаю за штору в коридор. Медсестра стоит за стойкой, и, когда видит меня, ее глаза расширяются.

— Что случилось?

— Он сжал мою руку, — говорю я.

Она быстро идет в палату, и я следую за ней. Она проверяет несколько мониторов и капельницы. Поднимает со своей стороны простынь так, чтобы я не видела раны, но я все равно отворачиваюсь. Когда она заканчивает, показывает мне следовать за ней из палаты.

— Это замечательный знак. Обычно люди не отвечают так быстро, как только впадают в кому. Он делает успехи. Позвоню его доктору. Вам, возможно, следует рассказать его семье, что он отвечает. Даже если было простое пожатие руки.

— Спасибо, — говорю я.

Она весело смотрит на меня.

— Вы его девушка, да?

Я не уверена, но все равно киваю. Немного времени уйдет на то, чтобы привыкнуть к слову «девушка».

Она улыбается.

— Я рада, что вы пришли. Потрясающе, что может сделать любовь с человеком, не так ли?

Я улыбаюсь.

— Так и есть.

Открыв следующее письмо, я сразу же замечаю, что оно написано почерком мамы, а не Лукаса. Хмурюсь и перелистываю страницу. Ничего нет. В горле образовывается ком, когда я понимаю, что это письмо последнее в тетради. И, очевидно, ему было слишком больно писать. Не уверена, могу ли прочитать его. Пока нет. Снова засовываю тетрадь под подушку и скатываюсь с кровати.

Мама и Джо на кухне. Мама подходит ко мне и слегка обнимает, а затем возвращается на свое место.

— Утром звонила мама Карсона.

— И?

— Он очнулся.

Сердце прыгает в груди. Он очнулся. Он правда очнулся. Я не могу в это поверить.

— Они сказали что-нибудь еще? Он в порядке? Он вообще разговаривает?

Джо смеется и отставляет свой кофе.

— Он спрашивал тебя.

Я прочищаю горло и сосредотачиваюсь на кофейной чашке Джо, чтобы удержать эмоции под контролем.

— Правда? — Я шмыгаю, и мама тянется и касается моей руки.

— Почему бы тебе не съесть что-нибудь, а потом я отвезу тебя в больницу? — спрашивает она. Она не произнесла ни слова, когда я вернулась домой прошлым вечером. Не кричала на меня, не наказала. Лишь обняла меня и сказала пойти поспать. Она меня любит. Теперь я это знаю. Как и то, что все это время именно я отталкивала ее.

Смотрю на нее и киваю. Это все, что я могу сделать, чтобы не расплакаться.

— Я не очень голодна. Можем поехать сейчас?

Мама вздыхает.

— Милая, ты не можешь не есть.

— Пожалуйста?

Она смотрит на Джо и кивает.

— Хорошо. Иди оденься, и мы поедem, как только будешь готова.

Пять минут у меня уходит на то, чтобы накинуть какую-то одежду и убрать волосы в небрежный пучок. Джо по пути к двери протягивает мне батончик гранолы. Через десять минут мы подъезжаем к больнице.

Карсон все еще находится в отделении интенсивной терапии. Мы идем по узкому коридору, и медсестра со вчерашней смены узнает меня.

— Вы здесь навестить Карсона?

— Да.

Я осматриваюсь в поисках его семьи, но никого не вижу.

Она улыбается.

— Его семья уехала поспать. Уверена, скоро они вернутся. Они едва покидали больницу после случившегося. Какая прелесть! Я отведу вас, милая.

Я смотрю на маму.

— Иди, — говорит она. — Я побуду здесь.

Медсестра показывает мне следовать за ней, и я машу маме. Так приятно, что она со

многой. Мы обе через многое прошли. Слишком многое, если вы меня спросите. Может, благодаря тому, что это у нас общее, мы справимся. Должны справиться.

Мы останавливаемся напротив его палаты, и медсестра заглядывает внутрь. Я кручу перед собой руки. Я не должна так нервничать. Я же его знаю.

— Заходите. Он вас ждет.

Глубоко вдыхаю и захожу за штору.

Я думала, что он будет лежать, но он сидит на кровати, опираясь на несколько подушек. Его карие глаза находят мои, как только я захожу, и даже несмотря на то, что он очень бледен, его улыбка озаряет палату. Его грудь поднимается, и он будто выдыхает с облегчением.

— Ты в порядке, — говорит он.

Кажется, мое сердце вырвется из груди, и я бегу к его кровати. Когда оказываюсь рядом, он медленно приподнимает руку, и я беру ее, притягивая к своим губам.

— Ты в порядке, — шепчу я.

Он отпускает мою руку и хлопает по кровати рядом с собой.

— Садись.

— Но...

— Все в порядке. Я в порядке. Ну... — Он смотрит на ноги. — Типа в порядке, думаю.

Я осторожно забираюсь на кровать рядом с ним, избегая его ног. Опускаю голову к его груди и аккуратно обхватываю его руками. Он шмыгает, и я чувствую теплые слезы на своей щеке. Не знаю, мои они или его.

— Я так испугалась, — шепчу я. — Так сильно испугалась.

Он поглаживает мои волосы.

— Я тоже.

Мы сидим так долгое время, никто не говорит ни слова. Затем заходит медсестра, меняет пакет с жидкостью, прикрепленный к его капельнице, и молча уходит. Я рада, что она дает нам время.

— Мне так жаль, Карсон.

— Ты ни в чем не виновата.

Я отодвигаюсь и сажусь, все еще держа его за руку.

— Болит? — Не знаю, почему спрашиваю, когда уверена, что болит.

Он пожимает плечами.

— Да не особо. — Я замечаю намек на улыбку. Не знаю, как он может шутить на эту тему, но все равно улыбаюсь.

— На тебя раньше набрасывались акулы?

— Не-а. Сознаюсь, это впервые. — Он старается все перевести в шутку, но я вижу боль в его глазах.

Сжимаю его руку.

— Насколько больно?

Он на секунду закрывает глаза.

— Прямо сейчас я ее не чувствую. Слишком много лекарств. Я удивлен, что вообще очнулся и разговариваю с тобой. — Он глубоко вдыхает. — Я знаю, что у меня нет ноги. Я знал это до того, как очнулся. Слышал, как разговаривали доктора, пока я спал.

Моя губа дрожит, и я стараюсь сдержать эмоции. Не знаю, что и сказать, поэтому сижу и смотрю на наши руки.

— Окли, — шепчет он. Я поднимаю голову и вижу серьезное выражение его лица. — Я буду в порядке, — говорит он. — Хорошо?

— Но...твоя нога. — Голос прерывается, и я зарываюсь лицом в его плечо. Почему такое происходит с людьми, которых я люблю? Я видела, как долго страдал Лукас, поэтому не могу видеть страдания Карсона. Потому что даже несмотря на то, что ситуация у Карсона другая — он, по крайней мере, знает, что будет жить — но потерять ногу? Не хочу видеть, как ему больно.

— Окли, — говорит Карсон.

Я поднимаю голову и снова встречаюсь с его взглядом.

— Я жив. Ты жива. Вот, что имеет значение. Я в другой раз выясню, что делать с ногой, а сейчас я благодарен, что мы все еще здесь. Вместе.

Он прав. Я стараюсь избавиться от мысли о том, что он не сможет ходить или заниматься серфингом. Это сложно, но у меня получается.

Карсон какое-то время молчит, а затем сжимает мою руку.

— Давай поговорим о чем-то...радостном.

Я киваю и спрашиваю его о том, что первое всплывает в моей голове.

— Где твоя семья?

Он улыбается.

— Я сказал им ненадолго съездить домой.

— Твой папа... — начинаю я.

— Я знаю.

Я удивленно поднимаю голову.

— Знаешь?

— Лани сказала мне, что ты слышала. Извини.

— Ох...

— Не волнуйся насчет него, ладно? Я об этом позабочусь. Как только он свыкнется с тем, что я занимаюсь чем-то еще в своей жизни, с ним все будет хорошо. Он просто хочет того, что, как он думает, лучше для меня. Он правда очень хороший, просто иногда немного чрезмерно контролирует. К сожалению, ты еще не видела его добрую сторону, но она есть.

Я нахожу по-странному ободряющим то, что он говорит о своей будущей жизни. Он будет в порядке. Я в этом уверена. Даже несмотря на то, что он лишился ноги, он все еще думает о своем будущем. А почему бы ему не думать? Я тоже должна.

Он зевает и откидывается на подушки.

— Я дам тебе отдохнуть. — Свешиваю ногу с кровати, но он крепко держит меня, когда я пытаюсь отодвинуться.

— Не уходи. Не сейчас. — На его лице читается боль. — Пожалуйста.

Я снова устраиваюсь на его кровати.

— Хорошо. Я не уйду, пока ты меня не заставишь.

— Тогда приготовься к веселым ночам со мной.

Я подвигаюсь к нему, и он обнимает меня рукой — той, которая свободна от капельниц. Я прислоняюсь к его груди и улыбаюсь, когда слышу чудесное биение его сердца.

Закатываю глаза.

— Будто твои родители или медсестра позволяют такое.

Он пожимает плечами.

— Я уверен, что позволят. Не похоже, что я могу тобой воспользоваться. Я слишком

одурманен, чтобы что-то делать, кроме как лежать на кровати.

Из меня вырывается смешок, который похож на похрюкивание. Прикрываю рот и пристыженно закрываю глаза.

Карсон тоже смеется, хотя каждое движение, похоже, причиняет ему боль. Прекратив смеяться, он смотрит на меня.

— Это было мило. Ты должна делать это почаще.

Я приподнимаю бровь.

— Хрюкать?

— Очень притягательно.

— Лукас ненавидел, когда я так делала. Он говорил, что я как парень.

— Я не хрюкаю, и я парень.

— Замечательно. И кто тогда я?

Он посмеивается и подносит мою руку к губам, чтобы поцеловать.

— Это значит, что ты красивая. Хрюкаешь ты или нет.

— Так я чувствую себя немного лучше. Наверно.

Снова заходит медсестра и смотрит на нас.

— Мне нужно проверить рану Карсона. Вы, возможно, не захотите здесь остаться, когда я буду это делать, поэтому можете выйти ненадолго в приемный покой.

— Она может остаться, — говорит он.

Я сжимаю его руку, давая понять, что никуда не уйду.

— Да. Думаю, что останусь.

Поездка домой проходит в тишине, за исключением маминой музыки по радио. Я устала. Я осталась в больнице на целый день и ушла только тогда, когда медсестры выгнали меня, чтобы Карсон поспал.

Смотрю на маму. Она тоже выглядит уставшей.

— Спасибо, что подвезла меня сегодня.

— Не за что.

Я какое-то время сижу и наконец собираюсь с силами, чтобы сказать:

— Ты знала насчет тетради Лукаса. Ты в ней писала.

Она ничего не говорит, просто кивает и смотрит на дорогу.

— Почему ты не сказала мне, что он ее хранил?

— Он заставил меня поклясться, что я не скажу.

Так и могу себе представить, как он заставил ее произнести какую-то клятву. Улыбаюсь.

— Так на него похоже.

— Ты уже прочитала ее?

— Нет. Не могу заставить себя прочитать последнюю запись.

— Прочитай. Он любил тебя, Окли. Каждый раз, когда тебя не было в больнице, он продолжал спрашивать, когда ты придешь. Я уверена, что он жил именно ради тебя. Ты была его лучшим другом. Надеюсь, ты знаешь, как много значила для него.

— Он значил для меня еще больше, — говорю я. Так и есть. Благодаря Лукасу я многое узнала о себе. До того, как он заболел, во время болезни и даже сейчас. Он не боялся совершать поступки. Не боялся просто быть самим собой. Он видел хорошее во всем. И благодаря тому, что я читаю его тетрадь каждый день, его счастье и оптимистичный настрой к жизни начинают передаваться мне. — Я скучаю по нему.

— Я тоже. — Она улыбается, а затем открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но закрывает его. Я знаю, что она собирается сказать, и делаю это за нее.

— Извини меня, — говорю я.

— Окли...

— Нет. Извини за все. Я была ужасной дочкой. Тебе было сложнее из-за меня, мам. Ситуация с Лукасом, папой. Я...Извини меня. Я просто так сильно скучаю по Лукасу, и выместила это все на тебе. Я не осознавала, что тебе тоже больно.

— Ты в этом не виновата, Окли.

— Я во многом виновата. Ты ничего не сделала, только любила меня. А я тебя оттолкнула. И папу тоже. И всех дома. Я такая идиотка.

— Ты не идиотка. И если кто и должен извиняться, так это я.

— Тебе не за что извиняться.

— Есть. Извини, что меня не было рядом, когда Лукас проходил через все это. Я не была готова его потерять. Я не знала, как говорить с тобой об этом, так что я тебя отвергла. — Слезы наполняют ее глаза, и она моргает, позволяя им катиться по щекам. — Мне так жаль. И я тоже не знала, как развод повлияет на тебя. Чувствую себя ужасно.

— Я понимаю, мам. Правда.

— Я люблю тебя, милая. Хочу, чтобы ты это знала. Правда люблю. Не знаю, что бы я

делала без тебя, и...Я возьму тебе все эти месяцы. Я это исправлю.

Я тянусь и беру ее за руку.

— Я тоже тебя люблю. И мы исправим это вместе.

Я снова смотрю на тетрадь. Доставала ее уже столько раз, но по какой-то причине, кажется, не могу заставить себя прочитать последнее письмо. Почерк не Лукаса. А это значит, что письмо — последнее, что он хотел сказать мне до того, как умер. Это значит, что письма закончатся, и мне больше нечего предвкушать. Все советы и воспоминания прекратятся, и я боюсь, что снова впаду в депрессию. Не хочу, чтобы они заканчивались. Не хочу, чтобы это осталось в прошлом.

Но мне хочется знать, что он скажет.

Тетрадь находится в моих руках почти пятнадцать минут. Я все еще смотрю на нее, задаваясь вопросом, что может быть в его последнем сообщении для меня. Прерывисто вдыхаю и открываю ее.

Дорогая Окли,

Как ты уже знаешь, это не мой почерк. Мама пишет за меня, так как сам я больше не могу. Мое время почти истекло. Я это чувствую. Мое тело отказывается функционировать, и я, честно говоря, приветствую это. Я не боюсь умирать. Это целое приключение, с которым я готов встретиться лицом к лицу.

Со всей серьезностью хочу тебе кое-что сказать. Никогда не теряй надежду. Даже когда ситуация хуже некуда, тебя всегда проведет надежда. Она была постоянным моим компаньоном в последние несколько месяцев, и даже несмотря на то, что я знаю, что не справлюсь, я все еще надеюсь, что оставлю в этом мире что-то хорошее.

И насчет моего ухода. Люди состарятся, будут жить дальше, забудут обо мне, но я знаю, что ты не забудешь. Ты была возле меня, надеялась, молилась все это время. И я хочу сказать, как много это для меня значит.

Я каждый день предвкушаю наши встречи. Ты всегда воодушевляешь меня и возвращаешь на землю. Твое счастье заразительно. Пожалуйста, не теряй его. Я знаю, что есть много людей, на жизнь которых ты окажешь воздействие. Есть много людей, которых ты встретишь всего на одну секунду, и они захотят узнать о тебе все. Ты так влияешь на людей. Твоя улыбка, твой смех. Даже твое дурацкое похрюкивание. Но шутки в сторону, ты красива и внутри, и снаружи.

Я знаю, что тебе будет сложно, когда я умру. Ты будешь по мне скучать. И поверь мне, когда я говорю, что тоже буду скучать по тебе. Мы через многое прошли вместе, и это нормально. Но не позволяй печали помешать тебе заниматься тем, для чего ты предназначена. Ты будешь выдающейся в этом мире, Окли. Я чувствую это. Ты та причина, по которой я еще здесь. И это не шутки. Без тебя я бы сдался много лет назад. Поэтому не потеряй эту искру. Не потеряй надежду. Будь предана сама себе и живи своей жизнью. Не тяни за собой прошлое, но и не забывай его. И не забывай меня.

Я люблю тебя, моя маленькая сестричка.

С любовью, Лукас.

Я так сильно плачу, что даже не могу прочитать последние слова. Стараюсь вытереть слезы настолько быстро, насколько они текут, но не получается. Закрываю тетрадь и лежу на кровати, зарывшись лицом в подушку. Мне нужно поплакать. Мне нужно высвободиться, а затем я смогу взять себя в руки и выясню, что делать дальше.

Проходят часы. Мои глаза опухли и покраснели. Голова болит. Подушка промокла в том

месте, где я на ней лежала, а тело болит от рыданий. Я сажусь, убираю влажные волосы с лица и шмыгаю носом.

Лукас прав. Настало время двигаться дальше. Мне нужно взять контроль над своей жизнью. Нужно быть здесь ради Карсона, пока он будет проходить физиотерапию. Быть здесь ради мамы и папы, даже если я не согласна с их решением. Но теперь я взрослая. Через несколько недель мне исполнится восемнадцать, и настало время выяснить, чем я хочу заниматься в своей жизни.

Переворачиваю страницу тетради и беру ручку.

В больнице не так уж много народу. Иду в отделение интенсивной терапии и осматриваюсь в поисках медсестры, которая всегда здесь. Она видит меня и подзывает к себе.

— Мы перевели его в другую палату. Не беспокойтесь, это хороший знак. Это значит, что доктора думают, он достаточно стабилен и делает успехи, чтобы обходиться без всех этих аппаратов. — Она идет к стойке и достает планшет. — Он в палате 209, на втором этаже. Идите туда. Уверена, он вас ждет.

Я выдыхаю с облегчением, и она улыбается. Тут до меня доходит, что я даже не знаю, как ее зовут.

— Спасибо, — говорю я. — Могу я узнать ваше имя? Извините, что не спросила раньше.

— Не беспокойтесь. Меня зовут Мишель.

— Огромное вам спасибо, Мишель. За все.

— Всегда пожалуйста. Заботьтесь об этом парне, ладно? Он достоин этого, судя по тому, что я видела.

— Да, достоин.

Карсон сидит и обедает, когда я прихожу. Захожу в палату, и по его лицу расплзается широкая улыбка.

— Привет, — говорит он и отодвигает поднос.

— Не прекращай есть из-за меня.

— Нет, я только что закончил. И ты когда-нибудь пробовала больничную еду? — Он корчит гримасу и высовывает язык.

Я смеюсь. Лукас ее тоже ненавидел.

— Как ты сегодня себя чувствуешь?

Он двигается и морщится, но притворяется, что все нормально.

— Хорошо.

Я хмурюсь.

— А по правде?

— Лучше.

— Не нужно храбриться передо мной.

Он какое-то мгновение изучает мое лицо, и его глаза заполняются слезами. Он качает головой и тянется к моей руке.

— Ты знаешь, что я старался оставаться оптимистом все это время. Но когда все уходит домой, меня накрывает сомнение. Не могу от него избавиться. Оно будто пытается меня, пока я не признаюсь, что... что мне страшно.

Он не смотрит на меня, просто всматривается в наши руки, переплетенные на кровати.

— Я знаю, что буду в порядке, но мне предстоит долгое восстановление. Скоро меня отправят домой, и через несколько недель я начну проходить физиотерапию, чтобы укрепить левую ногу, так как правой больше пользоваться не могу. — Он морщится. — Каждый раз, когда я ею двигаю, для меня это пытка. Доктор говорит, что какое-то время будет болеть. А после того, как заживет, появятся так называемые фантомные боли. — Он глубоко вдыхает и улыбается мне. — Знаешь, просто не все сразу.

— Знаю.

— Возможно, я никогда не буду заниматься серфингом. Это отстой. — Его плечи поникают, и он вздыхает. — Я понимаю это. — Он смотрит на меня и улыбается. — А как дела у тебя сегодня? Происходит в этом мире что-нибудь захватывающее?

Я не могу не засмеяться, а затем замолкаю. Я пришла сюда, чтобы кое-что ему рассказать, и мне нужно сделать это до того, как струшу.

— Сегодня я прочитала последнее письмо от Лукаса.

— Из той тетради?

— Да.

— Ты в порядке?

— Думаю, да. Я знаю, что, в конце концов, буду в порядке. Прошел всего месяц или около того с тех пор, как он умер, но мне кажется, что я буду в порядке. Мои эмоции все еще сумбурны. И приносят боль. После его смерти я чувствовала лишь горе, и я не знаю, что еще чувствовать. Горе схватило мое сердце и сжимало его, пока ничего не осталось. Оно практически взяло верх над моей жизнью. Пока я не встретила тебя.

— Меня?

— Не когда я в первый раз познакомилась с тобой, а когда начала тебя узнавать. Ты помог мне быть самой собой. И прости меня за то, что тебе пришлось увидеть меня в депрессии и горе. Это было ужасно. Теперь я это понимаю. И я постараюсь оставить это позади. Не знаю, почему я изначально тебе понравилась.

Он фыркает.

— Прежде всего, мне нравится, с каким энтузиазмом ты относишься к окружающему тебя миру. Как пробуешь новое. Ты зашла в океан, чтобы покататься на доске, и не оглянувшись, каталась на роликах и велосипеде, даже когда знала, что точно упадешь. Ты пыталась научить меня играть на гитаре, фотографировала все и вешала снимки на стену. Брала в руки морскую звезду не просто, чтобы взять ее, а чтобы изучать ее, потому что она крутая. Ты видишь все по-своему, и это мне в тебе нравится. И ты заботишься о тех, кого любишь, и сделаешь все, чтобы их защитить. Я видел это не только при нападении акулы. То, что ты рассказала мне про свои отношения с братом, — бесценно. Оставалась с ним день ото дня в больнице, чтобы ему не было одиноко? Ты верная, самоотверженная и сделаешь все для людей, которых любишь. И, когда я разбиваю все твои стены и заставляю тебя говорить со мной, ты настоящая. Не какая-то фальшивка, которая просто пытается зацепить парня. Ты настоящая. Ты не пытаешься быть тем, кем не являешься. Я могу продолжить...

Я молчу, собирая воедино свои мысли.

— Могу я тебе кое-что сказать?

— Конечно.

Вспоминаю письма Лукаса. Каждый его совет. Теперь настал мой шанс воспользоваться ими. Достāju стопку фотографий из сумки и даю их ему.

— Вообще-то, прежде чем я начну, мне хочется, чтобы у тебя было это.

Он берет фотографии и пролистывает их, на его глазах появляются слезы.

— Это я.

— Да.

На всех этих фотографиях Карсонсерфит. Мне хотелось ухватить каждую деталь, каждое движение, и он понятия не имел, что я была там. Из-за этого фотографии даже лучше, потому что он просто был самим собой. Не пытался кого-либо впечатлить.

— Когда ты их сделала?

Я пожимаю плечами.

— Пока избегала тебя, я гуляла по пляжу и видела тебя там. Но я не сталкер, клянусь тебе.

— Они... — Его голос дрожит. — Потрясающие.

— Хочу, чтобы у тебя осталось воспоминание о том, какого быть на волнах. Может, однажды ты выйдешь снова, но сейчас...

Он берет меня за руку.

— Спасибо. Ты понятия не имеешь, как много это для меня значит.

— Не за что. — Я краснею и отворачиваюсь. Мысленно готовлю себя к тому, что последует дальше. Поворачиваюсь к нему. — Есть кое-что еще.

— Да?

Я прочищаю горло.

— Я никогда не говорила о своих чувствах. Ты, возможно, не раз это замечал — не люблю об этом говорить. Никогда не любила. Но я должна тебе кое-что сказать. — Встречаюсь с его взглядом, и мое сердце начинает биться так быстро, что становится трудно дышать. — Я думаю... — Останавливаюсь и качаю головой. — Я имею в виду, я знаю... — Снова замолкаю. Как мне сказать это и не выглядеть при этом полной идиоткой?

— Я думаю, что есть маленький шанс... крохотный такой... что я... вообще-то... — Качаю головой и улыбаюсь. Ну смешно же! — Я думаю, что влюблена в тебя.

Он внимательно смотрит на меня, его губы слегка разомкнулись.

— Мне нужно было тебе сказать. Не хочу сожалеть о том, что не сделала этого.

Его лицо смягчается, и он широко улыбается.

— Пожалуй, я это знаю, — говорит он. — Я знал это с того самого раза, как ты упала с первой волны и снова нырнула в нее, хоть тебя и выкинуло на пляж.

Я смеюсь.

— Это был не самый мой лучший момент.

— Не для меня. — Он глубоко вдыхает и закрывает на секунду глаза.

— Тебе больно. Дать обезболивающее?

— Да я уверен, что израсходовал весь морфий в больнице.

— Они давали тебе морфий?

— Ага.

— Я не знала, что они его еще используют.

— Используют.

— Каким же образом ты прямо сейчас со мной разговариваешь?

Он пожимает плечами.

— Я и не знаю как. Хотя твой голос звучит немного в тумане.

— Да? Я бы свернулась в комочек и покачивалась туда-обратно. — Я дрожу. Сверхмощные лекарства не для меня. — Один раз я выпила очень сильный сироп от кашля, и когда сморкалась, из носа вылетали герои мультфильмов.

Он приподнимает бровь.

— Они были зелеными?

Ударяю его по руке — не сильно, так как, клянусь, он может вырубиться в любую секунду.

— Нет. Это был Микки Маус и его друзья. Я думала, что сошла с ума.

— Ух...я весьма уверен, так оно и было.

Замечательно. Теперь он думает, что я сумасшедшая.

Он снова закрывает глаза.

— Мне правда стоит дать тебе отдохнуть. Уверена, тебе нужно немного поспать.

— Все хорошо.

— Точно. — Я встаю и наклоняюсь, мои губы висают прямо над его губами. — Обещай мне, что немного поспишь. Я вернусь позже, хорошо? Мне нужно поболтать с мамой. Если не вернусь через несколько часов, посылай помощь. — Я улыбаюсь от того, как он смотрит на меня. — Просто мы не разговариваем, поэтому кто знает, что случится.

— Хорошо. Так понятнее.

Я наклоняюсь и нежно касаюсь его губ своими. Отодвигаюсь и откидываю волосы с его лица.

— И все? — спрашивает он со смешком.

— На сейчас да. Спи.

— Так не интересно, — неразборчиво произносит он и закрывает глаза.

— Я знаю. Увидимся позже.

Он уже спит.

Выхожу из его палаты и вижу маму. Она ждет в приемном покое, как и сказала. Когда я подхожу, все ее внимание сосредоточено на мелодраме, которую показывают по телевизору.

— Веселишься? — спрашиваю я.

Она практически подпрыгивает на сидении, а затем поворачивается ко мне.

— Ох, ты меня напугала. — Она кладет руку на грудь и глубоко вдыхает. — Уже все?

— Он устал. Я сказала ему, что вернусь позже.

— Ох, хорошо. Сон — это хорошо.

— Итак... Чем хочешь заняться?

— Почему бы нам не купить ланч в кафе? Потом можешь вернуться и снова посидеть с Карсоном.

— Ты правда не обязана оставаться здесь и ждать меня.

— Я этого хочу.

Я протягиваю руку и помогаю ей подняться. И удивляю нас обеих, когда обхватываю ее руку и притягиваю в объятия. Она обнимает меня в ответ, и мы стоим так несколько минут. Когда я отодвигаюсь, она улыбается.

— Спасибо, — говорит она.

Я просовываю руку через ее и веду ее по коридору. Пока мы идем, я не могу не посмотреть на нее несколько раз, чтобы убедиться, что она настоящая. Она так долго отсутствовала в моей жизни, что я не уверена, как она возместит это время, но, по крайней мере, она пытается. И я тоже.

Прошло шесть недель после нападения. Карсон проходит физиотерапию и быстро идет на поправку. Он снова стал самим собой, хоть и без ноги. Он ловко обходится с костылями и даже заходил в воду на пляже. Недалеко, но все же. Он храбрее меня.

Я знаю, что Карсон будет в порядке. Доктора хотят в итоге снабдить его протезом, и это хорошо. Дни, которые он проводит на костылях, для него длинные и подрывают веру в себя, но он намерен мириться с этим. И я знаю, что так и будет. Он именно такой — позитивный и оптимистически смотрит на вещи. Как бы и мне так хотелось. И я рада сообщить, что работаю над этим.

Мы сидим в лодке Джо, я беру Карсона за руку, нервы на пределе. Он улыбается мне, а затем смотрит на воду.

— Я правда не могу поверить, что ты это делаешь. Я думала, теперь ты захочешь держаться в миллионах миль от океана.

— Серьезно, — говорит Лани. — Мой брат официально признан сумасшедшим.

Она хмурится, и я слегка ей улыбаюсь.

Карсон качает головой и смотрит на сестру.

— Я не виню акулу, Лани. Это просто акула. Я точно уверен, что она не думала «Ох, посмотрите, давайте съедим этого человека».

Она хмурится.

— Все равно.

Джо останавливает лодку, и я кривлюсь, когда она достает из бочки кусок кровавого мяса. Прицепляет его к крючку и закидывает в океан.

— Здесь было несколько огромных белых акул, поэтому много времени не займет.

Мы сидим в тишине. Единственными звуками являются волны, разбивающиеся о борт лодки, и мычание Лани.

Карсон ерзает возле меня и вытягивает ногу. Другая нога как обычно обернута, прямо под коленом. Она хорошо заживает, но мне трудно на нее смотреть. Не потому, что это отвратительно, а потому, что в голове с полной силой всплывает нападение. Но никому не нужно это знать.

Мы сидим и болтаем о предстоящем соревновании по серфингу, в котором участвует Лани, и как проходит физиотерапия Карсона. Примерно через час я вижу его. К лодке медленно приближается большой плавник.

— Вот одна, — говорит Джо. — Большая.

Карсон наклоняется и упирается руками о борт лодки. Акула кружит в том месте, где находится мясо, в нескольких футах от нас.

Я сжимаю его руку.

— Ты в порядке?

Он кивает и в ответ пожимает мою руку.

— Да, все хорошо, — говорит он. — Даже несмотря на то, что одна такая практически разорвала меня на куски. Я и не осознавал, какие они большие.

Я дрожу. Акула проплывает мимо, ее длина от десяти до двенадцати футов.

Я смотрю на Карсона, который смотрит на меня.

— Ты в порядке? — Уголок его рта подергивается.

— Да, а что?

— Ты сильно сжимаешь мою руку.

— Ох! — Я послабляю хватку на его руке, и он смеется.

— В моей голове проигрывается музыка из «Челюстей», — говорит Лани. — Это начинает меня пугать.

Я смотрю на нее.

— И меня тоже. — Честное слово.

Хотя на такое стоит посмотреть. Даже если это и пугает. Интересно, та ли это акула, которая укусила Карсона? Но мы никогда этого не узнаем.

Акула уходит под воду, и мы теряем ее из виду до тех пор, пока она снова не появляется с куском мяса. Она щелкает своими огромными челюстями и трясет мясо, пытаюсь сорвать его с крючка. Затем отпускает его, снова кружит вокруг и возвращается к мясу, кусая и разрывая на куски. Через несколько минут ничего не остается.

Я рада тому, что мы в большой лодке. Эта штукавина могла бы разнести в клочья маленькую лодку. Я наблюдаю, как она плавает вокруг, а затем исчезает под водой.

— Это было потрясающе, — говорит Карсон.

— Ты шутишь? — Я смотрю на него в неверии. Как он может быть таким спокойным, когда животное, которое откусило ему ногу, плавает так близко?

— Что? Было и прошло. — Он притягивает меня к себе, и я прислоняюсь к его груди. — Все в порядке, Окли. Я не собираюсь винить акулу. Она не знала, что творила. Просто я оказался не в том месте и не в то время.

Я киваю и задаюсь вопросом, почему чувствую столько эмоций. Грусть, злость, горечь из-за того, что это произошло. Ногу потеряла не я, а переносу это хуже него.

Он целует меня в голову, когда Джо наматывает катушку, и я стараюсь взять себя в руки.

— Все нормально? — спрашивает Джо.

— Ага, — говорит Карсон. — Спасибо, что привезла нас сюда. Мне это было нужно.

Джо улыбается.

— Всегда пожалуйста.

Через несколько часов Джо подбрасывает нас к дому, и мы с Карсоном идем на пляж. Карсон постепенно привыкает к костылям, но ему все еще сложно маневрировать, когда они грузнут в песке.

Мы идем к пирсу, и я смотрю на серферов в воде.

— Ты когда-нибудь сможешь снова серфить? — спрашивает Карсон.

Я смотрю на него, а он вглядывается в волны. Улыбаюсь и сжимаю его руку.

— Не в ближайшее время.

Честно говоря, я не знаю, войду ли когда-нибудь в океан, чтобы посерфить. Воспоминания о нападении акулы слишком свежи, чтобы даже думать об этом. Но может, через несколько лет. Или лет через десять. Может, однажды я смогу это сделать. Я определенно не рассчитываю на вечность.

Карсон целует мою руку.

— Тогда нам придется найти другое хобби.

— Да? Какое?

Он пожимает плечами.

— Не знаю. Например, шахматы или шашки.

Я улыбаюсь ему.

— Серьезно? Шахматы?

Он смеется.

— Эй, это лучше, чем ничего, правда?

Это лучше, чем ничего. Я вспоминаю слова Лукаса. *Научись чему-то новому.* В ближайшее время я буду вспоминать эти слова. Я могу заниматься чем угодно, если постараюсь. И я уверена, что придумаю что-то замечательное.

Карсон уже на верном пути. Он подал заявление на стажировку у Джо и записался на первый семестр в колледж. И его папа его поддерживает. После случившегося, его папа о многом изменил свое мнение. О колледже, магазине, и даже обо мне.

Я обнимаю его за талию и умиротворенно выдыхаю. У меня сейчас есть все, что мне нужно. Я влюблена в парня, который любит меня в ответ. Я медленно собираю кусочки себя и возвращаюсь к жизни. Мы с мамой в очень хороших отношениях, с папой я общаюсь регулярно. Я даже написала несколько писем друзьям в Юте, но еще не отправила. На это уйдет время, я это знаю, но в настоящий момент я довольствуюсь тем, куда движется моя жизнь.

Все остальное я выясню позже.

Глава 29

Дорогой Лукас,

Немного странно писать тебе, когда тебя нет с нами, но я должна это сделать. Ты понятия не имеешь, как много значили твои письма мне. Я читаю по одному каждый день, хотя уже знаю, что в них написано. Это дает мне тот уют, который ты не можешь даже представить.

Ты был прав. Насчет всего. Особенно насчет той части, в которой сказал, что я по тебе скучаю.

Я скучаю по тебе. Это правда. Мы будто только вчера прогуляли второй урок и отправились в магазинчик «Wendy's» за хлопьями. Мне всегда нравилось гулять с тобой и твоими друзьями. Ты всегда заставлял меня чувствовать, будто я твой друг, а не только сестра. Спасибо тебе за это.

Я вняла твоему совету и призналась кое-кому в любви. И знаешь что? Он тоже меня любит. Это странно, ново и пугает меня, но я приветствую это. Мы подходим друг другу. И он немного напоминает тебя.

Я уверена, ты знаешь, что родители разводятся. Это сложно, но я медленно мирюсь с этим. У нас с мамой все хорошо. Все налаживается. Мы разговариваем. Возмещаем потерянное время. С папой тоже все хорошо, хотя я вижу его не так часто, как хотелось бы.

Я раздумываю насчет колледжа. Хочу стать ветеринаром. До конца еще не решила, но тетя Джо сказала, что может помочь мне с заявлением в колледж и стажировкой. Звучит многообещающе. Я всегда любила животных. Ох, и я переезжаю в Хантингтон Бич. Только я и мама. Для нас это будет новое приключение. И нет, я решила переехать туда не из-за парня.

Так много хочется сказать тебе в лицо. Например, как бы мне хотелось, чтобы ты мог увидеть место работы Джо. Тебе бы понравилось. Или посидеть на пляже и понаблюдать со мной рассвет. Мы бы пожарили зефир и поели смор. Каким-то образом, я ощущаю тебя рядом с собой. Я знаю, что ты рядом, наблюдаешь и направляешь. Я начинаю двигаться дальше в своей жизни, но как ты и сказал, не забываю прошлое. Оно занимает слишком большую часть меня, чтобы о нем забыть.

Я надеюсь, ты наслаждаешься новым приключением. Я в этом уверена. Люблю тебя и скучаю по тебе каждый день. Спасибо, что всегда верил в меня. Я люблю тебя.

С любовью, Окли.

Я кладу письмо на надгробие Лукаса и отхожу. Мама стоит справа от меня, папа слева. На один короткий момент мы вместе. Как семья.

Ничто не будет по-прежнему, теперь я это знаю, но, по крайней мере, у меня есть этот момент.

Моя жизнь не идеальна. И никогда такой не будет. Но я знаю, что буду в порядке. Испытания делают нас сильнее. Шаг за шагом. Нам просто нужно идти вперед и не терять надежду. Как сказал Лукас. Пока у меня есть надежда, все решится.

Папа обнимает меня и отходит, оставляя меня наедине с мамой. Она обхватывает меня рукой.

— С нами все будет хорошо.

Я киваю, слезы жалят глаза.

— Я знаю. — И это действительно так.

Она разворачивает нас обеих, и мы идем к машине. Папа ждет нас, рядом с ним Карсон. Они оба улыбаются мне, и, когда я подхожу, Карсон берет меня за руку.

— Пап, присоединишься к нам на мороженое, перед тем как мы вернемся в Калифорнию? — спрашиваю я.

Он смотрит на маму, и она слегка кивает.

— С удовольствием.

Мы уезжаем, и я сжимаю руку Карсона, пока смотрю в окно. Нахожу взглядом могилу Лукаса и белые и желтые цветы, которые я на ней оставила. Может, было глупо оставлять письмо, когда я знаю, что он его никогда не прочитает. Я улыбаюсь. Или может быть, просто может быть, он уже его прочитал.

Больше книг на сайте — Knigolub.net